

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Востоковедение»

Ответственные редакторы

- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
С. А. Комиссаров канд. ист. наук, доц. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

- А. В. Варёнов канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- С. А. Арутюнов чл.-кор. РАН, доктор исторических наук, профессор (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
Ван Вэй член Академии наук КНР, чл.-кор. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, проф. (Институт археологии, Пекин, КНР)
Н. Л. Жуковская д-р ист. наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
Кан Инук д-р истории, проф. (Университет Кен Хи, Сеул, Республика Корея)
А. И. Кобзев д-р филос. наук, проф. (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия)
О. П. Кобзева д-р ист. наук, проф. (Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека; Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкент, Республика Узбекистан)
Н. В. Кутафьева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
Ли Хонджон д-р истории, проф. (Национальный университет Мокихо, Республика Корея)
А. А. Маслов д-р ист. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия)
А. Н. Мещеряков д-р ист. наук, проф. (НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия)
Г. Парцингер д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
В. Н. Пластун д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
П. Э. Подалко д-р истории, проф. (Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония)
Н. В. Сухадолник д-р истории, проф. (Университет Любляны, Словения)
Ж. К. Таймагамбетов чл.-кор. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Национальный музей Казахстана, Астана, Республика Казахстан)
Такакура Хироки д-р истории, проф. (Университет Тохоку, Япония)
Такэда Масанао д-р педагогики, почетный проф. (Университет Хоккайдо, Япония)
Л. фон Фалькенхаузен д-р истории, проф. (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США)
Е. Л. Фролова канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

Sergey G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishek Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Aleksander K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Oriental Studies”

Executive Editors

Elena E. Voytishek	Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Sergey A. Komissarov	Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

Andrey V. Varenov	Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
-------------------	---

Board Members

Sergey A. Arutyunov	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Wang Wei	Member of the Chinese Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Literature), Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology, Beijing, China)
Nataliya L. Zhukovskaya	Doctor of Sciences (History) (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Kang Inuk	Doctor of Sciences (History), Professor (Kyung Hee University, Seoul, Republic of Korea)
Artem I. Kobzev	Doctor of Sciences (Philosophy), Professor (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
Olga P. Kobzeva	Doctor of Sciences (History), Professor (National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek; University of World Economy and Diplomacy, Tashkent, Uzbekistan)
Nataliya V. Kutafyeva	Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Lee Heonjong	Doctor of Sciences (History), Professor (Mokpo National University, Republic of Korea)
Aleksey A. Maslov	Doctor of Sciences (History), Professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation)
Aleksandr N. Mescheryakov	Doctor of Sciences (History), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation)
Germann Parzinger	Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
Vladimir N. Plastun	Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
Petr E. Podalko	Doctor of Sciences (History), Professor (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan)
Natasha V. Suhadolnik	Doctor of Sciences (History), Professor (University of Ljubljana, Slovenia)
Zhaken K. Taymagambetov	Corresponding Member of Academy of Sciences of the Kazakstan Higher School, Doctor of Sciences (History), Professor (Kazakstan National Museum, Astana, Republic of Kazakstan)
Takakura Hiroki	Doctor of Sciences (History), Professor (Tohoku University, Sendai, Japan)
Takeda Masanao	Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor emeritus (Hokkaido University, Sapporo, Japan)
Lothar von Falkenhausen	Doctor of Sciences (History), Professor (University of California, Los Angeles, USA)
Evgeniya L. Frolova	Candidate of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2024. Том 23, № 4: Востоковедение

СОДЕРЖАНИЕ

Литература и лингвистика Китая

- Старостина А. Б.* Пекинские мифологические рассказы о Матушке Колокольного
литья 9
- Ян Цинмяо, Игнатенко А. В., Сунь Тин.* Литературная критика Китая о романе
Ф. М. Достоевского «Идиот» 21
- Куликова А. А.* Художественное своеобразие прозы китайской писательницы Чжан
Юэжань 32
- Решетнёва У. Н.* Синтаксические особенности пословиц со структурой сложнопод-
чиненного предложения в китайском языке 43

Археология Китая

- Нестеркина А. Л.* Саньсиндуй в историографии Республики Корея 55
- Варенов А. В.* Бронзовые антропоморфные статуэтки из жертвенных ям Саньсиндуя 65
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И.* Раковинные кучи озера Дяньчи 79
- Кудинова М. А.* Новый пример раннесредневекового мультикультурализма: погребе-
ние Цюй Цина и его жены в Аньяне 91

История Китая

- Хаймурзина М. А.* Роль конфуцианских чиновников в ритуальных трансформациях
чжурчжэньского государства Цзинь времени правления Си-цзуна 106
- Чыонг Ань Туан, Нгуен Тхи Винь Линь.* Развитие и расширение португальской торгов-
ли в Китае в XVI–XVIII веках (на англ. яз.) 119

Войтишек Е. Э., Ван Тин. Буддийский храм Цзилэсы в Харбине, его история и современные культовые практики 128

Оуян Мэйхэ. Обзор обучения иностранцев в Китае в период 40 лет реформ (1978–2018) (на англ. яз.) 139

Дискуссии

Ма Юньпэн, Чжу Шисун, Чэнь Чуньхун. Становление руководящей роли коммунистической идеологии в КНДР 151

Класс Конфуция

Азаренко Ю. А., Би Синьхуэй. «Институт Конфуция» Новосибирского государственного университета: преподавание китайского языка сегодня (на кит. яз.) 163

Информация для авторов 168

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies

CONTENTS

Literature and Linguistics of China

<i>Starostina A. B.</i> Beijing Mythological Stories about the Lady of the Bell Foundry	9
<i>Yang Qingmiao, Ignatenko A. V., Sun Ting.</i> Literary Criticism of China about F. M. Dostoevsky's Novel "The Idiot"	21
<i>Kulikova A. A.</i> Chinese Female Writer Zhang Yueran and Fictional Features of Her Prose	32
<i>Reshetneva U. N.</i> Syntactical Features of Proverbs with the Complex Sentence Structure in Chinese	43

Archaeology of China

<i>Nesterkina A. L.</i> Sanxingdui in the Historiography of the Republic of Korea	55
<i>Varenov A. V.</i> Bronze Anthropomorphic Figurines from the Sacrificial Pits of Sanxingdui	65
<i>Komissarov S. A., Solovyev A. I.</i> Shell Mounds of the Dian Lake	79
<i>Kudinova M. A.</i> A New Example of the Early Medieval Multiculturalism: The Tomb of Qu Qing and His Wife in Anyang	91

History of China

<i>Khaymurzina M. A.</i> The Role of Confucian Officials in the Ritual Transformations of the Jurchen Jin State during the Reign of Xi-zong	106
<i>Truong Anh Thuan, Nguyen Thi Vinh Linh.</i> Developing and Expanding Trade by the Portuguese in China in the 16 th – 18 th Centuries	119

<i>Voytishek E. E., Wang Ting.</i> Jile Buddhist Temple in Harbin, Its History and Contemporary Religious Practices	128
---	-----

<i>Ouyang Meihe.</i> An Overview of Study of Foreigners in China during the 40 Years of Reforms Period (1978–2018)	139
--	-----

Discussions

<i>Ma Yunpeng, Zhu Shisong, Chen Chunhong.</i> The Formation of the Leading Role of Communist Ideology in the People's Democratic Republic of Korea	151
---	-----

Confucius Classroom

<i>Azarenko Iu. A., Bi Xinhui.</i> “Confucius Institute” at Novosibirsk State University: Teaching Chinese Today (in Chin.)	163
---	-----

Instructions to Contributors	168
------------------------------	-----

Научная статья

УДК 398.3+398.42+299.51

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-9-20

Пекинские мифологические рассказы о Матушке Колокольного литья

Аглая Борисовна Старостина

Институт востоковедения Российской академии наук
Москва, Россия

abstarostina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2421-2484>

Аннотация

Не позже второй половины XIX в Пекине появилось предание о гибели дочери литейщика при отливке большого колокола для Колокольной башни. Оно родственно группе связанных с культами покровителей ремесла сюжетов о духах людей, бросившихся в печь. Религиозное предание эволюционировало, превратившись в секулярную городскую легенду. В статье рассмотрены особенности нескольких мифологических рассказов об изготовлении колокола на башне Чжунлоу, зафиксированных фольклористами в Пекине с 1950-х по 1980-е гг. Одновременно уделено внимание первой известной англоязычной (1870-е гг.) и первой известной китайской (1930-е гг.) любительским записям пекинского предания о колоколе и материалам интернет-фольклора. Прослежена связь этих текстов с современными им аналогичными нарративами из других регионов, а также со средневековыми преданиями о покровителях ремесла, с древней верой в действенность человеческой жертвы для металлургического производства и конфуцианскими представлениями о почитательности к родителям.

Ключевые слова

китайский фольклор, миграция сюжетов, городской фольклор, покровители ремесла, демонология

Для цитирования

Старостина А. Б. Пекинские мифологические рассказы о Матушке Колокольного литья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-9-20

Beijing Mythological Stories about the Lady of the Bell Foundry

Aglaia B. Starostina

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

abstarostina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2421-2484>

Abstract

In the second half of the nineteenth century at the latest, a legend emerged in Beijing about the sacrificial death of the founder's daughter during the casting of a large bell for the Bell Tower. It is similar to a group of medieval Chinese tales associated with the cults of patron deities of the crafts. These have their origins in tales from Western regions related to Eastern European stories of walled-up wives. In the case of the Beijing tradition, the religious tale is transformed into a secular legend with, at best, a tenuous connection to a local cult. The story of the casting of a bell for the Bell Tower persists in Beijing's oral tradition to this day. There are also a number of related stories told in other regions of China, as well as Korean tales that are genetically linked to it. The article examines both the structural and

semantic features of several mythological stories about the making of a bell for the Bell Tower recorded by Chinese folklorists from the 1950s to the 1980s, alongside those of the first known English (1870s) and the first known Chinese (1930s) amateur recordings of the legend. It also traces the connection of these texts with similar narratives from other regions, as well as with the aforementioned medieval legends of patron deities of crafts, ancient beliefs in the efficacy of human sacrifice for metallurgical production characteristic of the Wu region, and Confucian notions of filial piety.

Keywords

Chinese folklore, plot migration, urban folklore, patron deities of crafts, demonology

For citation

Starostina A. B. Beijing Mythological Stories about the Lady of the Bell Foundry. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-9-20

Введение

В статье рассмотрена группа мифологических рассказов об изготовлении большого колокола для пекинской Колокольной башни (鐘樓 *Чжунлоу*). Отраженное в них предание появилось в Пекине не позже середины XIX в. Наиболее известная его версия такова: император велит отлить бронзовый колокол для башни, но литейщикам не удается выполнить работу в срок: они не могут получить сплав нужного качества. Дочь чиновника, ответственного за работу, или одного из мастеров бросается в литейную печь. Ее тело растворяется в металле, и из полученного сплава наконец изготавливают колокол. В его звоне слышится слово «башмак»: перед гибелью девушка уронила вышитый башмачок.

В некоторых текстах сказано, что в память героини ставят храм, где ее почитают под именем Матушки колокольного литья (鑄鐘娘娘 *Чжу чжун нянян*). Ли Цяо (李喬), Гу Сицзя (顧希佳) и другие фольклористы показали, что эти рассказы родственны историям о «духах [людей], бросившихся в печь» (投爐神 *тоу лу шэнь*), объясняющих культы покровителей металлургии [Гу Сицзя, 2002; Ли Цяо, 2013; Чэнь Ляньшань, 2003]. Ниже изложена краткая предыстория предания на основе приводимых этими исследователями данных, а также разобраны структурные и семиотические особенности мифологических рассказов о пекинском большом колоколе, записанных в XIX–XX вв.

Предания о тоу лу шэнь

Свидетельства о культах «бросившихся в печь» охватывают период с середины VIII по XIX в. [Ли Цяо, 2013, с. 171–172]. Сначала они ограничены историческим юго-восточным регионом У¹, а к XV–XVI вв. распространяются дальше. Так, в сборнике Чжу Гочжэня (朱國楨, 1558–1632) «Мелкие записки из кабинета Юнчжуан» (涌幢小品 *Юнчжуан сяо пинь*) зафиксировано хэбэйское предание, связанное с выплавкой железа на казенных заводах в Цзуньхуа (о производстве железа в Цзуньхуа см. [Бокщанин, 1976, с. 236; Стужина, 1970, с. 90]). В нем дочери ответственного за выплавку металла чиновника, совершив самоубийство, получают от двора титулы бессмертных дев Металла и Огня – 金火仙姑 *Цзинь Хо сяньгу* (по: [Гу Сицзя, 2002, с. 57]). Заводы в Цзуньхуа открыли в начале XV в., для них нужны были новые мастера. Некоторые из них, очевидно, прибыли с юго-востока и принесли с собой уский культ.

В 15 цз. «Новых речей о Гуандуне» (廣東新語 *Гуандун синь юй*) Цюй Дацзюня (屈大均, 1630–1696) говорится о местном культе жены литейщика, бросившейся в печь, «чтобы выход железа был больше»: за ее мужем числилась недоимка по казенному металлу [Цюй Дацзюнь, 1991, с. 362]. Металлургическое производство в Гуандуне (прежде всего в Фошане) расцвело при Мин [Wagner, 1997, р. 75]. Скорее всего, и сюда это предание принесли металлурги из исторических земель У.

¹ О первом описании такого культа см.: [Старостина, 2023, с. 146].

Тексты, объясняющие происхождение культов *тоу лу шэнь*, имеют схожую структуру: 1) ремесленнику / чиновнику, надзирающему за ремесленниками, не удается выполнить работу; 2) его дочь или жена бросается в расплавленный металл или в огонь; 3) изделие изготовлено / необходимое количество металла получено; 4) погибшая становится божеством и покровительствует ремесленникам.

По указателю С. Томпсона в них определяются такие мотивы: S263.5 «Жертвенное самоубийство»; R154.3 «Дочь спасает отца»; D2192 «Выполненная днем работа волшебным образом уничтожается ночью» или близкие к нему; S260.1 «Человеческое жертвоприношение» и D1766.2 «Чудесные результаты жертвоприношения»: A451.1.1 «Богиня кузнечного дела»².

Костяк сюжета имеет сходство со структурой европейских баллад о строительной жертве, имеющих индийское или иранское происхождение [Старостина, 2023, с. 149–153]. В китайских преданиях о *тоу лу шэнь* речь идет о жертве при литье металла: к западному сюжету присоединяются уские верования о том, что человеческая жертва во время работы по металлу обуславливает выдающиеся качества изделия (об этих последних см.: [Яншина, 1984, с. 94; Не, 2021, р. 65]). Участвует здесь и императив дочерней почтительности: часто *тоу лу шэнь* – дочери, спасающие отца от неминуемого наказания. С XIX в. появляется родственная группа нарративов – о жертве при изготовлении колокола. Сюда относятся мифологические рассказы, связанные с пекинской Колокольной башней.

Большой колокол на Колокольной башне в Пекине

История об изготовлении колокола, висящего на Колокольной башне в Пекине, входит в число популярных «туристических» преданий. Но записанных фольклористами рассказов на эту тему сравнительно мало. Мы рассмотрим 6 рассказов, зафиксированных в промежуток с 1873 по 1987 г. собирателями фольклора – профессионалами и любителями, а также дадим краткую справку об истории колокола на башне Чжунлоу и культах, связанных с литейной мастерской, где он был изготовлен.

Современная Чжунлоу – кирпичное сооружение цинского времени [Lei, 2020, р. 354]. Бронзовый колокол, висящий на ней, был изготовлен в XV в. при Чжу Ди (朱棣) – императоре годов Юнлэ (1403–1424) [Ibid., р. 358]. Первоначально и совсем недолго на башне висел железный колокол; вскоре вместо него повесили бронзовый. Железный колокол в 1920-е гг. был установлен у башни (а раньше лежал поблизости на боку) и оставался там вплоть до 1983 г., когда его перевезли в музей древних колоколов [Тань Найли, 2010, с. 388].

Вплоть до 1924 г. бронзовый колокол на Колокольной башне звонил дважды в сутки. Ежевечерне в семь часов он отбивал серию из 108 ударов; в то же время били барабаны на Барабанной башне, расположенной рядом. Затем звонили колокола на воротах внутреннего города, и ворота закрывались на ночь, как и уличные барьеры. В 5 утра серия ударов колокола и барабанов повторялась, и ворота открывались [Dray-Novey, 1993, р. 896–897; Hung, 2003, р. 123–124]. В 1924 г. колокол сняли. В 1993 г. его снова водрузили на башню, но время он больше не отбивает.

К западу от башни с XV в. располагалась литейная мастерская, по имени которой назван переулочек Колокольного литья (鑄鐘胡同 *Чжун чжун хутун*) [Lei, 2020, р. 180–181]. В эпоху Мин при ней существовал храм Чжэньу (真武) – воинственного даосского божества, в котором еще в первой половине XVII в. устроили придел, посвященный богине по имени Цзиньлу шэн му (金爐聖母, Святой матери Золотой печи). В годы Цяньлун (1736–1796) уже весь храм был посвящен Цзиньлу шэн му. С середины Цин, как заключает Лэй Ян по эпи-

² Thompson S. Motif-index of folk-literature. Bloomington: Indiana Uni. Press, 1955–1958. In 6 vols. Web version: URL: https://ia800408.us.archive.org/30/items/Thompson2016MotifIndex/Thompson_2016_Motif-Index.pdf (дата обращения 06.08.2023).

графическим источникам, из богини литейщиков Святая мать превратилась в патронессу городского района [Lei, 2020, p. 182–183].

В XX в. этот храм был известен как «Кумирня Святой матери Золотой печи – матушки Колокольного литья» (金爐聖母鑄鐘娘娘廟 *Цзиньлу шэн му чжун чжун няняня мяо*). После образования КНР его здания были переданы под жилые дома [Ван Бинь, Сюй Сюшань, 2008, с. 138; Хань Цзяньши, 2009, с. 91].

Мифологические рассказы упоминают о том, что храм был воздвигнут в честь дочери литейщика. Но следов предания о жертве колоколу нет в эпиграфических источниках, имеющих отношение к кумирне Святой матери Золотой печи. Его возникновение датируют примерно серединой XIX в. [Lei 2020, p. 205]. Хань Цзяньши (韓建識) доказывает, что при Цин под именем Святой матери Золотой печи почиталась не дочь литейщика, но богиня Нюйва (女媧) – покровительница металлургов и гончаров [Хань Цзяньши, 2009, с. 90].

Мифологические рассказы о большом колоколе: содержание и мотивы

Колокола, звон которых оформлял начало и конец ночи, регулировали жизнь горожан. Они обрастали символическими значениями, им приписывали способность отгонять болезнетворные влияния, а из-за связи с комендантским часом они ассоциировались с государственным насилием. Неудивительно, что пекинская Колокольная башня оказалась связана с сюжетом о человеческом жертвоприношении.

Публикацию первой записи предания о колоколе на Чжунлоу осуществил фольклорист-любитель Дж. К. Стент (George Carter Stent, 1833–1884) в материале под названием «Китайские легенды» [Stent, 1873]. Материал Стента еще не использовался фольклористами, которые занимались данным сюжетом.

1. Когда столица была перенесена в Пекин, в городе развернулось строительство. Возвели Барабанную и Колокольную башни. Но колокол, который по пропорциям подходил бы Колокольной башне, изготовить не удавалось. Император поручил чиновнику по имени Гуань Юй (? Kuan Yu), отличившемуся при литье пушек, сделать колокол, звук которого был бы слышен во всем городе. Гуань Юй приступил к работе.

Через несколько месяцев император явился посмотреть, как металл выливают в форму. Литье было неудачным: поверхность колокола оказалась пористой. Для второй попытки дали несколько месяцев, но всё повторилось. Император обещал казнить чиновника, если колокол не будет готов и в третий раз. Гуань Юй рассказал об этом своей единственной дочери, Гэ-ай (Кэ-ай? Ко-ай). Она обратилась к гадале за советом и узнала, что для отливки колокола в сплав следует добавить кровь девственницы.

Во время церемонии литья Гэ-ай в присутствии собравшихся мастеров и придворных бросилась в расплавленный металл. Одна из служанок попыталась поймать ее, но ухватила лишь башмачок. Отец хотел броситься вслед за дочерью. Его успели оттащить, однако он сошел с ума. Колокол на этот раз не имел изъянов. От тела девушки ничего не осталось. Когда колокол подняли на башню, послушать его пришел сам император. Гулкий звон, к всеобщему ужасу, каждый раз завершался женским криком: «Се!» («Башмак!»). До сих пор люди, слыша этот звук, вздрагивают и говорят: «Это голос бедной Гэ-ай, она ищет свой башмачок» [Ibid., p. 184–188].

Сюжет строится на гибели дочери ради спасения отца (по указателю С. Томпсона – мотивы S263.5 «Жертвенное самоубийство, R154.3 «Дочь спасает отца»). Героиня решает на самопожертвование из соображений почтительности перед родителями – *сяо* (孝), одной из ключевых ценностей традиционного китайского общества.

Вместе с тем это история о серии неудачных попыток создать колокол (близко к мотиву D2192 «Выполненная днем работа волшебным образом уничтожается ночью»; можно предложить D2192.2* «Колокол не удастся изготовить раз за разом»). Добиться успеха можно, только принеся в жертву девственницу (S260.1 «Человеческое жертвоприношение», D1766.2

«Чудесные результаты жертвоприношения»). Предшествующий нарратив оказывается объяснением для странного звона (D1610.15 «Говорящий колокол»). Присутствует и мотив E415.1 «Призрак возвращается, пытаюсь добыть потерянный предмет».

Комбинация мотивов, которая встречается в этой истории, за исключением D1610.15 и E415.1, характерна и для более ранних историй о *тоу лу шэнь*. Но смена акцентов очевидна. Это не столько героическая, сколько трагическая история. О последующем культе жертвы не говорится. Отец, ради которого девушка пожертвовала собой, сошел с ума. Слыша звон, люди «вздрагивают».

2. В краеведческой брошюре «Записи о посещении древностей Яньцзина» (燕京訪古錄 *Яньцзин фан гу лу*, 1934), составленной Чжан Цзянцзайем (張江裁, 1908–1968), содержится первая известная фиксация предания на китайском языке.

Когда колокол отливали, работа долго не шла на лад. Инженер должен был понести наказание; его дочь пришла в литейную мастерскую и прыгнула в расплав. Только тогда колокол удалось изготовить. У печи остался лежать башмачок. До сих пор в нижней части колокола виден отпечаток женского башмака. Об этом случае доложили двору, и девушке пожаловали титул «Матушки Колокольного литья – почтительной мученицы» (鑄鍾孝烈娘娘 *Чжу чжун сяо ле нянян*), у мастерской поставили ее кумирню. Когда били в колокол, был слышен протяжный звон – «Се». Во время ветра с дождем он звучал еще более странно. Цяньлун, услышав колокол и узнав об этой истории, даровал божеству еще и титул *хоу* (侯). В 1900-е гг. колокол сняли, так как он был поврежден. Теперь он стоит рядом с башней [Чжан Цзянцзай, 1996, с. 489].

В общих чертах рассказы совпадают. В отличие от предыдущего примера, отсутствует эпизод с гадателем; добавлено звено, в котором говорится об обожествлении героини (A451.1.1 «Богиня кузнечного дела», Q172.9 «Обожествление как награда»). Детали, которых не было у Стента: упоминание о железном колоколе; отпечаток туфли; утверждение, согласно которому колокол звучит наиболее странно в непогоду (намек на демонические свойства героини). Жалование титулов «почтительной мученице», скорее всего, имеет целью откупиться от потустороннего существа, у которого есть основания для недовольства.

3. Следующий текст включен в сборник «Предания Пекина» под редакцией Цзинь Шоушэня, составленный в середине 1950-х гг.; имена информантов и собирателей в нем не указаны³.

До 1924 г. люди в Пекине и его окрестностях каждый вечер в 7 часов слышали звон колокола: «Се! Се! Се!» В это время, особенно в зимнюю стужу, матери говорили детям: «Матушка Колокольного литья ищет башмачок. Спите, не тревожьте ее». Некогда по императорскому указу для Чжунлоу должны были изготовить большой колокол. Надзирать над литейщиками отрядили ремесленника Дэна; он с женой и дочерью жил рядом с литейной мастерской. Вскоре железный колокол был готов, но император остался недоволен. Он сказал, что нужен бронзовый колокол, который будут слышать даже в предместьях. Мастерам дали три месяца.

Под угрозой смертной казни они взялись за дело. Но то сплав не получался, то металл в форме не застывал. В последний день срока дочь мастера Дэна отпросилась у матери посмотреть, как идет работа. Увидев ремесленников, которые пребывали в очевидном отчаянии, она спросила, в чем дело, и узнала, что завтра их всех казнят. Девушка решила, что тогда и ей незачем жить, и бросилась в расплавленный металл. Отец попытался поймать ее, но у него остался только башмачок. Дочь погибла, превратившись в сизый дымок.

Расплав же сгустился и заблестел. Колокол наконец получилось отлить, но, когда в него ударяли, в конце звона слышался крик: «Башмак!». На месте, где была литейная мастерская, поставили кумирню Матушки Колокольного литья. Железный колокол долго лежал без дела,

³ Нами использовано переиздание 1981 г.

а в 1925 г. его установили позади Барабанной башни, где он напоминает всем о Матушке [Цзинь Шоушэнь, 1981, с. 56–62].

Речь идет уже не о чиновнике и не об инженере, а о ремесленнике. Как и в примере 2, упомянут старый колокол во дворе Чжунлоу. Мотивация героини – отчаяние (тоже окрашенное дочерней почтительностью). Есть упоминание о кумирне, воздвигнутой в ее честь. Остается мотив E415.1 «Призрак возвращается, пытаясь добыть потерянный предмет».

Как и в предыдущем тексте, звуки колокола изменяются в непогоду. Мотив «Обожествление как награда» сохраняется. Замечательно свидетельство о том, что детей вечером утихомиривают упоминанием о Матушке, которая ищет башмачок, – если не говоря, что она может причинить им вред, то, во всяком случае, слегка их пугая.

Близкий к этому примеру рассказ записали на видео от старожил Пекина в июне 2023 г.⁴ Изготавливают железный колокол, но император требует бронзового; во главе литейщиков мастер Дэн; колокол не успевают отлить в срок; дочь Дэна отпрашивается у матери, отправляется нарядная к отцу; услышав о казни литейщиков, бросается в печь; у отца в руках остается башмачок; девушка превращается в сизый дым, а металл меняет цвет, после чего колокол удается изготовить; в конце звона слышится «Башмак!»: «ей нужен ее башмак».

4. В записанном от фабричной работницы (Шэнь Ляньжуй 沈蓮瑞, 61 год) в 1959 г.⁵ коротком рассказе колокол всё так же звонит «се», но теперь это не «башмак» (鞋), а «кривой» (斜).

Чиновнику, который отвечал за отливку колокола, не удавалось повесить колокол на башню, хотя в его распоряжении было много работников. Дочь сказала ему, что без нее ничего не выйдет; поднялась наверх, подтолкнула колокол и свалилась вниз, а колокол наконец повис на башне. Когда она падала, у нее с ноги упал башмачок. С тех пор, как ударят в колокол, всем слышится «Се!» («Криво!»), потому что висит он неладно [Цзинь Шоушэнь, 2020, с. 154].

Примечательно, что в рассказе отсутствуют упоминания о сложностях при отливке колокола. Затруднение состоит в том, что не удается повесить на башню уже готовый колокол. Девушка гибнет при падении с высоты, а не в печи. Мотивация сходна с описанной Стентом: дочь знает, что для выполнения отцовского задания нужна жертва. Эпизод, в ходе которого могла быть получена эта информация, отсутствует, таким образом, налицо мотив из группы D1810 «Чудесное знание». Обожествления нет, тема дочерней почтительности смазана. О посмертном существовании жертвы не сказано, хотя звон колокола и напоминает о трагической гибели девушки.

Пятый (записан в 1986 г. от Лю Чжэньтина 劉振庭, кадрового работника на пенсии, 81 год) и шестой (записан в 1987 г. от неграмотного крестьянина 87 лет Сюй Чжэня 許真) рассказы вошли в пекинский том собрания «Свод китайских народных повествований» (中國民間故事集成 Чжунго миньцзянь гуши цзичэн).

5. Когда колокол на Колокольной башне звонил, он будто говорил: «Башмак!» Говорят, что, когда его отливали, влили в металл одну девушку. Жила семья: родители и дочь. Отец был бригадиром у литейщиков. Император под страхом смертной казни велел изготовить в определенный срок большой колокол для Колокольной башни. Колокол никак не получался, и бригадир не находил себе места. Подслушав разговор родителей, дочь упростила отца взять ее с собой в мастерскую, а там, видя, что никто и не надеется успеть в срок, бросилась в расплавленный металл. Поднялся сизый дым. У отца в руках остался только вышитый башмачок. Рабочие наконец отлили колокол. Потом он и стал звонить: «Башмак!» Это девушка хочет получить обратно свой башмачок [Чжунго..., 1998, с. 324–325].

⁴ URL: <https://youtu.be/2c2b6N0OaI> (дата обращения 06.07.2023).

⁵ Здесь использовано переиздание 2020 г.

Здесь новых мотивов нет. Посмертное существование героини привязано к колоколу; это постоянно печальный призрак, как и в примерах 1–3. Об обожествлении ее речи здесь не идет.

6. Император созвал мастеров со всей страны и велел отлить большой колокол. В случае неудачи он обещал рабочих стереть в порошок, а прораба сжечь в жертву очагу. Колокол отлили, но повесить не смогли. Перед прибытием императора прораб в страхе бросился в плавленную печь. Дочь попыталась спасти его, но ухватила только башмак. К колоколу явился некий старик. Рабочие хотели прогнать его, но он произнес странную фразу о том, что уже стар и «в земле по шею». Разгадав ее, они подвели под колокол земляную насыпь и подняли его на башню. Старик исчез, и люди поняли, что это был сам Лу Бань (魯班). Император принял работу; колокольный звон был очень красив, а в конце каждой серии звуков слышалось «Башмак» [Чжунго..., 1998, с. 325].

В шестом повествовании две темы соединены таким образом, что вместо «женского» сюжета образуется «мужской». В первой половине герой – прораб, во второй – покровитель строителей Лу Бань (мотив N817.0.1 «Бог как помощник»). Как и в 4-м примере, о сложностях при изготовлении колокола не упоминается; колокол не удается повесить, и прораб убивает себя, предвосхитив казнь, назначенную императором. О жертве речь не идет; гибель прораба не приводит к водружению колокола, но делает положение рабочих, лишившихся организатора, еще более отчаянным. Нет ни обожествления, ни темы дочерней почтительности.

Вторая половина сюжета близка к преданию о возведении пагоды в монастыре Кайюань-сы, записанному в 1986 г. в городе Динчжоу пров. Хэбэй. Начальник округа, получив императорское поручение построить огромную пагоду, созвал строителей и обещал казнить их, если они не выполнят приказ. Никто не понимал, как это сделать, и несколько десятков человек убили. Единственному оставшемуся строителю дали три дня на решение задачи. Он отправился плакать к могилам предков. Какой-то старец заметил, что рад бы ему помочь, но уже немощен, «в земле по шею». Старик исчез, а мастер догадался: пагоду можно возвести, если по мере строительства насыпать вокруг каждого яруса землю. План приняли, и пагоду удалось построить. Старик же этот был сам Лу Бань [Чжунго..., 2003, с. 300]. Другими вариантами этого сюжета мы не располагаем, но можем предположить, что в примере 6 с модифицированным сюжетом о пекинском колоколе соединилось хэбэйское предание о Лу Бане, помогающем строителям.

Все приведенные примеры объясняют звучание колокола. Во всех случаях, кроме 4-го, оно интерпретируется как «башмак», но и в этом примере есть упоминание о потерянном башмаке. Звон колокола отождествляется с голосом девушки в примерах 1, 3 (в обоих вариантах) и 5. Все шесть примеров начинаются с задачи, заданной императором (в текстах 2 и 4 упоминание о приказе редуцировано). В четырех случаях говорится о литье колокола, в двух (4 и 6) – о его подъеме на башню и укреплении на балке. Все примеры, кроме 6-го, сходятся в том, что для выполнения задачи требовалась жертва. В примерах 4 и 6 отсутствует тема почтительности к родителям. Строительство кумирни есть только в примерах 2 и 3, как и упоминание о втором колоколе. В примерах 3 и 4 говорится о странном звучании колокола в непогоду. Везде, кроме 4-го, присутствует мотив «Призрак возвращается, пытаясь добыть потерянный предмет».

Сравнив структуру отраженного в этих примерах предания с текстами о *тоу лу шэнь*, мы можем констатировать замещение заключительного звена: в средневековых рассказах героиня становится покровительницей ремесленников, а в пекинских – даже если ей воздвигают кумирню, ограничивается ежевечерними поисками потерянного башмака.

Демонические свойства жертвы колоколу

В пекинском предании героиня ведет себя скорее как неупокоенная душа, чем как боги-покровительница, хотя прямого вреда людям не причиняет. Материалы интернет-фольк-

лора показывают, что Колокольная башня может восприниматься как демоническое пространство, подчиненное женскому демону. В 1970-е гг. пекинская Чжунлоу, территория которой была заперта и находилась в запустении, пользовалась репутацией страшного места у живших поблизости детей: они верили, что в башне живет женщина-призрак⁶.

На форуме *Теба Байду* (貼吧百度) 11 ноября 2011 г. пользователь PRI 小宇 сообщила о недавнем опыте своего приятеля. Он возвращался из бара, отбил от друзей и больше двадцати минут блуждал у стены вокруг Колокольной башни, не находя выхода. Только когда он догадался помочиться, стена расступилась, и он наконец попал на оживленную улицу. Дома старшие объяснили ему, что он встретился с Матушкой Колокольной башни⁷. Конечно, для более четкого представления о месте Чжунлоу и ее духов в городском мифологическом пространстве необходимы дополнительные полевые исследования.

Демонические элементы находятся и в других поздних легендах, сходных с преданием о Матушке Колокольного литья, в том числе в нанкинской, тяньцзиньской и корейской.

Первая запись нанкинского предания относится к 1840-м гг. и содержится в книге «Пересуды из Байся⁸» (白下瑣言 *Байся со янь*), написанной литератором Гань Си (甘熙, 1798–1853). В ней речь идет о колоколе, лежавшем у подножия нанкинской колокольни. «Во время отливки было несколько неудач. Смотрителя работ должны были наказать. Его младшая дочь, скорбя о том, что отцу не избежать [ответственности], бросилась в огонь, пожертвовав собой, и стала божеством колокола (鐘神 *чжун шэнь*)... Нищенки часто ночуют под колоколом, но мужчины [предпринявшие такую попытку] непременно умирают» [Гань Си, 2007, с. 60–61].

В «Чжунго миньцзянь гуши цичэн» приведена другая версия, где по очереди погибают три дочери литейщика, спасая не отца, а детей – мальчика и девочку, которых велел убить император. Чтобы отомстить императору, они после смерти каждый раз уносят готовый колокол с башни; только у младшей сестры не хватает сил на это [Чжунго..., 1997, с. 319–320; Чэнь Ляньшань, 2003, с. 50].

В Тяньцзине рассказывали, что для изготовления звонкого колокола начальник уезда принес в жертву мальчика и девочку, причем девочка потеряла башмак; родители детей умерли от горя. Узнав о необычном звуке колокола («се»), начальник уезда отправился к башне, где услышал вместо «се» – «ша» (殺 «убью!»), заболел и вскоре умер [Чжунго..., 2004, с. 247–248]⁹.

Родственное корейское предание, тоже позднее, как показал Чэнь Ляньшань, пришло из Китая. Оно связано с колоколом Сондока (изготовлен в VIII в.) в г. Кенджу, согласно которому колоколу принесли в жертву ребенка (девочку или мальчика). Как и в тяньцзиньской истории, речь о согласии ребенка не идет, жертва не обожествляется. В звоне колокола слышен голос ребенка, зовущий мать, которая отдала его на смерть, или обвиняющий ее [Чэнь Ляньшань, 2003].

Таким образом, после смерти дух жертвы колоколу может быть и печальным призраком, и потенциально опасным демоном.

⁶ Юй Сяовэй. Чжун Гу лоу дэ цзии, и цзо нань ванцюэ дэ чэнши [俞曉威. 鐘鼓樓的記憶, 一座難以忘卻的城市]. Воспоминания о Колокольной и Барабанной башнях. Незабываемый город. 31.12.2016. (на кит. яз.) URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/24660106> (дата обращения 06.08.2023).

⁷ URL: <https://tieba.baidu.com/p/1279162050?pn=1> (дата обращения 07.08.2023).

⁸ Байся – одно из старых названий Нанкина.

⁹ В Увэе (пров. Ганьсу) о колоколе в монастыре Даюньсы (大雲寺) рассказывают схожую историю. Начальник округа велел столкнуть в расплавленный металл литейщика. За ним туда бросилась и жена мастера [Цзинь жи Увэй, 1992, с. 29–30].

Заключение

Мифологические рассказы о большом колоколе Чжунлоу бытуют в Пекине до сих пор. Мотивный анализ показывает их происхождение от более ранних легенд о *тоу лу шэнь*, в свою очередь, ведущих начало от комбинации верований в действенность человеческой жертвы для металлургического производства, сюжета о замурованной жене и представлений о дочерней почтительности.

Первоначально сконцентрированные на юго-востоке Китая, нарративы, объясняющие культы *тоу лу шэнь*, с появлением крупных государственных металлургических производств в Гуандуне и в Хэбэе ушли на север и на юг. С XIX в. к ним присоединились мотивы «Говорящий колокол» и «Призрак возвращается, пытаясь добыть потерянный предмет». Поскольку плотность историй о человеческой жертве во время изготовления колокола относительно велика в районе Пекина – Тяньцзиня, скорее всего, там и находился центр, откуда они распространялись и откуда попали на запад – в Ганьсу, и на восток – в Корею.

Набор мотивов в пекинских текстах XIX–XX вв. близок к присутствующему в средневековых рассказах, но смысл повествования меняется. Вымывается религиозная составляющая; ослабевают и тема почтительности к родителям, и собственно связь с литейным производством – в качестве первоначальной задачи встречается не изготовление колокола, но его водружение на башню.

В финале большей части рассмотренных пекинских рассказов говорится о сетованиях слившейся с колоколом и привязанной к колокольной души: погибшая девушка ищет башмак. Гибель героини пекинских мифологических рассказов не подвиг, порождающий богиню-покровительницу, а трагедия. Дочь литейщика не столько образец нравственности, сколько жертва, которая не может смириться с обстоятельствами собственной смерти, а в некоторых случаях принимает и свойства демонического существа.

Список литературы

- Бокшанин А. А.** Императорский Китай в начале XV века. М.: Наука, 1976. 323 с.
- Старостина А. Б.** Китайские предания о строительной жертве в VIII–IX вв. и поклонение богиням кузнечного горна // *Ориенталистика*. 2023. № 6 (1). С. 144–157. DOI 10.31696/2618-7043-2023-6-1-144-157
- Стужина Э. П.** Китайское ремесло в XVI–XVIII веках. М.: Наука, 1970. 264 с.
- Яншина Э. М.** Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М.: Наука, 1984. 248 с.
- Dray-Novey A.** Spatial Order and Police in Imperial Beijing // *The Journal of Asian Studies*. 1993. No. 52 (4). P. 885–922.
- He J.** Spring and Autumn Annals of Wu and Yue: An Annotated Translation of Wu Yue Chunqiu. Ithaca: CUP, 2021. 292 p.
- Hung W.** Monumentality of Time: Giant Clocks, the Drum Tower, the Clock Tower // Nelson R. S., Olin M. (eds.). *Monuments and Memory: Made and Unmade*. Chicago: UC Press, 2003. P. 106–129.
- Lei Y.** Les cloches dans les temples de Pékin: paysages sonores et espaces sacrés de la capitale d'Empire, 1420–1900. Thesis, L'Université PSL, 2020. 507 p.
- Stent G. K.** Chinese Legends // *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society*. New Series. 1873. No. 7. P. 183–196.
- Wagner D. B.** The Traditional Chinese Iron Industry and its Modern Fate. Surrey: Curzon Press, 1997. xii + 106 p.
- Ван Бинь, Сюй Сюшань** (сост.). Бэйцзин димин дянь [王彬, 徐秀珊主編。北京地名典]. Справочник пекинских топонимов. Пекин: Чжунго вэньлянь, 2008. 667 с. (на кит. яз.)
- Гань Си.** Байся со янь [甘熙。白下瑣言]. Пересуды из Байся. Нанкин: Наньцзин чубаньшэ, 2007. 200 с. (на кит. яз.)

- Гу Сицзя.** Чуньцю ваньци У Юэ елян миньсу чуи [顧希佳。春秋晚期吳越冶煉民俗芻議]. К вопросу о связанном с выплавкой металла фольклоре У и Юэ в конце периода Чуньцю // Ханчжоу шифань сюэюань сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). 2002. № 5. С. 56–59, 89. (на кит. яз.)
- Ли Цяо.** Ханье шэнь чунбай: Чжунго миньчжун цзао шэнь юньдун яньцзю [李喬。行業神崇拜：中國民眾造神運動研究]. Поклонение божествам – покровителям профессий. Исследование созидания богов китайскими народными массами. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2013. 486 с. (на кит. яз.)
- Тань Найли.** Цзю цзин чэнши цзяньшэ: сюнь цзун чжуй цзи [譚乃立。舊京城市建設：尋踪追跡]. Городское строительство в старой столице: поиски следов. Пекин: Шоуду цзин-цзи маои дасюэ, 2010. 401 с. (на кит. яз.)
- Хань Цзяньши.** Ши тань Цзинь лу шэн му чжу чжун няньян мяо [韓建識。試談金爐聖母鑄鐘娘娘廟]. К вопросу о Кумирне Святой матери Золотой печи – матушки Колокольного литья // Бэйцзин вэньбо. 2009. № 3. С. 89–92. (на кит. яз.)
- Цзинь жи Увэй [今日武威]. Увэй сегодня. Шанхай: Шанхай саньянь шудянь, 1992. 185 с. (на кит. яз.)
- Цзинь Шоушэнь.** Бэйцзин дэ чуаньшо [金受申。北京的傳說]. Пекинские предания. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 1981. 200 с. (на кит. яз.)
- Цзинь Шоушэнь.** Бэйцзин миньцзянь гуши [金受申。北京民間故事]. Пекинские народные повествования. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2020. 340 с. (на кит. яз.)
- Цюй Дацзюнь.** Гуандун синь юй чжу [屈大均。廣東新語注]. Новые речи о Гуандуне. Комментированное [издание]. Гуанчжоу: Гуандун жэньминь, 1991. 720 с. (на кит. яз.)
- Чжан Цзянцзай.** Яньцзин фан гу лу. [張江裁。燕京訪古錄]. Записи о посещении древностей Яньцзина // Цуншу цзичэн сань бян. Тайбэй: Синь вэньфэн, 1996. Т. 83. С. 483–490. (на кит. яз.)
- Чжунго миньцзянь гуши цзичэн. Цзянсу цзюань [中國民間故事集成・江蘇卷]. Свод китайских народных повествований. Цзянсу. Пекин: Чжунго ISBN чжунсинь, 1997. 838 с. (на кит. яз.)
- Чжунго миньцзянь гуши цзичэн. Бэйцзин цзюань [中國民間故事集成・北京卷]. Свод китайских народных повествований. Пекин. Пекин: Чжунго ISBN чжунсинь, 1998. 969 с. (на кит. яз.)
- Чжунго миньцзянь гуши цзичэн. Хэбэй цзюань [中國民間故事集成・河北卷]. Свод китайских народных повествований. Хэбэй. Пекин: Чжунго ISBN чжунсинь, 2003. 969 с. (на кит. яз.)
- Чжунго миньцзянь гуши цзичэн. Тяньцзинь цзюань [中國民間故事集成・天津卷]. Свод китайских народных повествований. Тяньцзинь. Пекин: Чжунго ISBN чжунсинь, 2004. 839 с. (на кит. яз.)
- Чэнь Ляньшань.** Чжунго Ханьго жэньцзи чуаньшо дэ бицзяо яньцзю [陳連山。中國韓國人祭傳說的比較研究]. Сравнительное исследование китайских и корейских преданий о человеческих жертвоприношениях // Дунфан миньцзянь вэньсюэ бицзяо яньцзю. Пекин: Бэйцзин дасюэ, 2003. С. 41–50. (на кит. яз.)

References

- Bokshchanin A. A.** Imperatorskii Kitai v nachale XV veka [Imperial China at the Beginning of the 15th Century]. Moscow, Nauka, 1976, 323 p. (in Russ.)

- Chen Lianshan.** Zhongguo Hanguo renji chuanshuo de bijiao yanjiu [陳連山。中國韓國人祭傳說的比較研究]. A Comparative Study of Chinese and Korean Legends about Human Sacrifice. In: Dongfang minjian wenxue bijiao yanjiu. Beijing, Beijing daxue, 2003, pp. 41–50. (in Chin.)
- Dray-Novey A.** Spatial Order and Police in Imperial Beijing. *The Journal of Asian Studies*, 1993, no. 52 (4), pp. 885–922.
- Gan Xi.** Baixia suo yan [甘熙。白下瑣言]. Trifling Talks from Baixia. Nanjing, Nanjing chubanshe, 2007, 200 p. (in Chin.)
- Gu Xijia.** Chunqiu wanqi Wu Yue yelian minus chuyi [顧希佳。春秋晚期吳越冶煉民俗芻議]. On the Folklore of Wu and Yue Related to the Smelting of Metal in the Late Spring and Autumn Period. *Hangzhou shifan xueyuan xuebao (shehui kexue ban)*, 2002, no. 5, pp. 56–59, 89. (in Chin.)
- Han Jianshi.** Shi tan Jinlu sheng mu zhu zhong niangniang miao [韓建識。試談金爐聖母鑄鐘娘娘廟]. A Short Investigation of the Temple of the Lady of the Golden Forge Bell Foundry. *Beijing Wenbo*, 2009, no. 3, pp. 89–92. (in Chin.)
- He J.** Spring and Autumn Annals of Wu and Yue: An Annotated Translation of Wu Yue Chunqiu. Ithaca, CUP, 2021, 292 p.
- Hung W.** Monumentality of Time: Giant Clocks, the Drum Tower, the Clock Tower. In: Nelson R. S., Olin M. (eds.). *Monuments and Memory: Made and Unmade*. Chicago, UC Press, 2003, pp. 106–129.
- Jin ri Wuwei** [今日武威]. Wuwei Today. Shanghai, Shanghai sanlian shudian, 1992. 185 p. (in Chin.)
- Jin Shoushen.** Beijing de chuanshuo [金受申。北京的傳說]. Legends of Beijing. Beijing, Beijing chubanshe, 1981, 200 p. (in Chin.)
- Jin Shoushen.** Beijing minjian gushi [金受申。北京民間故事]. The Folk Stories of Beijing. Beijing, Beijing chubanshe, 2022, 340 p. (in Chin.)
- Lei Y.** Les cloches dans les temples de Pékin: paysages sonores et espaces sacrés de la capitale d'Empire, 1420–1900. Thesis, L'Université PSL, 2020, 507 p.
- Li Qiao.** Hangye shen chongbai: Zhongguo minzhong zao shen yundong yanjiu [李喬。行業神崇拜：中國民眾造神運動研究]. The Worship of Trade Patrons: Research on Chinese Folk God-making. Beijing, Beijing chubanshe, 2013, 486 p. (in Chin.)
- Qu Dajun.** Guangdong xin yu zhu [屈大均。廣東新語注]. New Sayings of Guangdong: commented [edition]. Guangzhou, Guangdong renmin, 1991, 720 p. (in Chin.)
- Starostina A. B.** Kitaiskie predaniya o stroitel'noj zhertve v VIII–IX vv. i poklonenie boginyam kuznechnogo gorna [Chinese Legends about the Construction Sacrifice in the 8th – 9th Centuries and Worship of the Smithing Goddesses]. *Orientalistica*, 2023, no. 6 (1), pp. 144–157. (in Russ.) DOI 10.31696/2618-7043-2023-6-1-144-157
- Stent G. K.** Chinese Legends. *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. New Series*, 1873, no. 7, pp. 183–196.
- Stuzhina E. P.** Kitaiskoe remeslo v XVI–XVIII vekakh [Chinese Craftsmanship from the 16th to the 18th Century]. Moscow, Nauka, 1970. 264 p. (in Russ.)
- Tan Naili.** Jiu jing chengshi jianshe: xun zong zhui ji Цзю цзин чэнши цзяньшэ: сюнь цзун сюнь цзи [譚乃立。舊京城市建設：尋踪追跡]. The Urban Construction in the Old Capital: the Search for Traces. Beijing, Shoudu jingji maoyi daxue, 2010, 401 p. (in Chin.)
- Wagner D. B.** The Traditional Chinese Iron Industry and its Modern Fate. Surrey, Curzon Press, 1997. xii + 106 p.
- Wang Bin, Xu Xiushan** (eds.). Beijing diming dian [王彬，徐秀珊主編。北京地名典]. Dictionary of Place Names in Beijing. Beijing, Zhongguo wenlian, 2008, 667 p. (in Chin.)
- Yanshina E. M.** Formirovanie i razvitie drevnekitaiskoi mifologii [The Establishment and Development of the Ancient Chinese Mythology]. Moscow, Nauka, 1984, 248 p. (in Russ.)

- Zhang Jiangzai.** Yanjing fang gu lu. [張江裁。燕京訪古錄]. Records of Visiting Ancient Sites in Yanjing. *Congshu jicheng san bian*. Vol. 83. Taipei, Xin wenfeng, 1996, pp. 483–490. (in Chin.)
- Zhongguo minjian gushi jicheng. Beijing juan [中國民間故事集成・北京卷]. Collection of Chinese Folk Stories. Beijing. Beijing, ISBN zhongxin, 1998, 969 p. (in Chin.)
- Zhongguo minjian gushi jicheng. Hebei juan [中國民間故事集成・河北卷]. Collection of Chinese Folk Stories. Tianjin. Beijing, ISBN zhongxin, 2003, 969 p. (in Chin.)
- Zhongguo minjian gushi jicheng. Jiangsu juan [中國民間故事集成・江蘇卷]. Collection of Chinese Folk Stories. Jiangsu. Beijing, ISBN zhongxin, 1997, 838 p. (in Chin.)
- Zhongguo minjian gushi jicheng. Tianjin juan [中國民間故事集成・天津卷]. Collection of Chinese Folk Stories. Tianjin. Beijing, ISBN zhongxin, 2004, 839 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Аглая Борисовна Старостина, кандидат философских наук
Scopus Author ID 57224807594
WoS Researcher ID S-7377-2018
RSCI Author ID 335920
SPIN 5518-8607

Information about the Author

Aglaia B. Starostina, Candidate of Sciences (Philosophy)
Scopus Author ID 57224807594
WoS Researcher ID S-7377-2018
RSCI Author ID 335920
SPIN 5518-8607

*Статья поступила в редакцию 11.08.2023;
одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 10.10.2023
The article was submitted on 11.08.2023;
approved after review on 10.09.2023; accepted for publication on 10.10.2023*

Обзорная статья

УДК 821.581

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-21-31

Литературная критика Китая о романе Ф. М. Достоевского «Идиот»

Ян Цинмяо ¹

Александр Владимирович Игнатенко ²

Сунь Тин ³

¹ Хэйлунцзянский университет

Харбин, Китай

² Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Москва, Россия

³ Сианьский нефтяной университет

Сиань, Китай

¹ 3198622801@qq.com, <http://orcid.org/0009-0005-8143-3573>

² ignatenko-av@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>

³ xamumu@126.com, <http://orcid.org/0009-0004-2836-3927>

Аннотация

Рассматривается литературная критика Китая о романе Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868), в последние годы находящегося в центре внимания различных читательских аудиторий, а также исследуются вопросы восприятия и изучения романа в современном китайском литературоведении и критике. Цель данной статьи – проследить историю литературной критики романа «Идиот» в Китае за последние почти девяносто лет с момента его первой публикации на китайском языке в 1935 г. Отмечается, что за этот период роман был переведен на китайский язык как минимум семнадцать раз и вышел многомиллионными тиражами, выдержав более 50 изданий. Также представлен обзор исследований китайских ученых за последние годы, посвященных изучению романа, сделаны попытки определения тенденций исследования и комментирования романа в Китае.

Ключевые слова

Достоевский, «Идиот», перевод, китайская критика, китайское литературоведение, перцепция

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке программы обучения в провинции Шэньси инновациям и предпринимательству: Распространение Ханьфу в русскоязычных странах (грант № S202310705122) и за счет гранта Сианьского нефтяного университета: Роль литературного воспитания в формировании и развитии личности студентов «Забота о себе» (грант № FYZ202105)

Для цитирования

Ян Цинмяо, Игнатенко А. В., Сунь Тин. Литературная критика Китая о романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 21–31. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-21-31

© Ян Цинмяо, Игнатенко А. В., Сунь Тин, 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 21–31
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 21–31

Literary Criticism of China about F. M. Dostoevsky's Novel "The Idiot"

Yang Qingmiao¹, Alexander V. Ignatenko², Sun Ting³

¹ Heilongjiang University
Harbin, China

² RUDN University
Moscow, Russian Federation

³ Xi'an Shiyong University
Xi'an, China

¹ 3198622801@qq.com, <http://orcid.org/0009-0005-8143-3573>

² ignatenko-av@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9261-4306>

³ xamumu@126.com, <http://orcid.org/0009-0004-2836-3927>

Abstract

This paper examines the literary criticism of China about F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot" (1868), which has been the focus of attention of various readership, as well as the issues of perception and study of the novel in modern Chinese theory of literary criticism. Hence, the purpose of this article is to trace the history of literary criticism of the "The Idiot" in China over the past almost ninety years since its first publication in Chinese in 1935. It is noted that during this period the novel was translated into Chinese at least seventeen times with millions of copies released, withstanding more than 50 editions. It also provides an overview of the studies of Chinese scientists in recent years devoted to the study of the novel, and attempts are made to identify trends in the study and commentary of the novel in China. Chinese readers were first introduced to Dostoevsky's work by the famous novelist, literary critic and translator Zhou Zuozhen. The conducted research allows us to conclude that Chinese readers accept and interpret F. M. Dostoevsky's novel "The Idiot" with great interest. The questions that the researchers raise in their writings confirm the hypothesis that the Chinese reader associates the main character Prince Myshkin with the Confucian category of *Ren*.

Keywords

Dostoevsky, "The Idiot", translation, Chinese criticism, Chinese literary studies, perception

Acknowledgements

The study was carried out with the support of the Shaanxi Province Innovation and Entrepreneurship Training Program: The Spread of Hanfu in Russian-speaking countries (grant no. S202310705122) as well as with the help of a grant from Xi'an Petroleum University: The role of literary education in the formation and development of students' personality "Taking care of yourself" (grant no. FYZ202105)

For citation

Yang Qingmiao, Ignatenko A. V., Sun Ting. Literary Criticism of China about F. M. Dostoevsky's Novel "The Idiot". *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 21–31. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-21-31

Введение

Статья посвящена обзору наиболее знаковых работ китайской литературной критики о романе Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868), который в последние годы находится в центре внимания различных читательских аудиторий. Китайских читателей с писателем впервые познакомил Чжоу Цзожэнь (周作人), который опубликовал перевод статьи «Романы Достоевского» У. Б. Трайтса (W. B. Trites) в журнале «Синь циннянь» (《新青年》, т. 4, № 1) в 1918 г. После первого знакомства уже в 20–30-е гг. XX столетия многие произведения Ф. М. Достоевского, например «Белые ночи» (1848), «Честный вор» (1848), «Униженные и оскорбленные» (1861), «Записки из подполья» (1864), «Братья Карамазовы» (1880), были переведены на китайский язык и оказали сильное влияние на «Движение за новую литературу» («五四» 新文学运动). С 1918 г. прошло более века, и сегодня можно говорить, что русский классик стал частью китайского культурного пространства, продолжая оказывать на него большое влияние.

В российской науке вопросами, связанными с произведениями Ф. М. Достоевского в Китае, занимались М. Е. Шнейдер [1977], Л. Е. Черкасский [1987] и другие исследователи, в западной китаистике общим вопросам распространения русской литературы и ее переводам посвящена монография М. Гамсы [Gamsa, 2010]. В китайском литературоведении одним из последних основательных трудов, затрагивающих историю литературных связей Китая и России четырех столетий, является работа Ли Минбиня и Чжа Сяояня, вышедшая в 2014 г. на китайском и в 2024 г. в переводе на русский [Ли Минбинь, Чжа Сяоянь, 2024].

В 2021 г. в Китае, так же как и в России, активно отмечалось двухсотлетие со дня рождения писателя, в котором, по мнению литературного критика и редактора первого полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в Китае Лю Вэньфэя (刘文飞), китайская культурная публика всегда видела не только писателя, но и мыслителя¹. С огромным интересом китайские читатели знакомятся с его романами и интерпретируют их, в том числе с романом «Идиот», который является одним из самых читаемых и исследуемых произведений писателя в Китае.

Первый перевод с русского языка вышел в 1946 г. спустя почти восемьдесят лет после выхода романа в России. Его перевел Гэн Цичжи (耿济之), отдав рукопись шанхайскому издательству «Каймин шудянь» (上海开明书店) для публикации. До этого выходило несколько переводов с английского языка: в 1935 г. перевод Гао Тао (高滔) в журнале «Литературный альманах» (《文学季刊》, т. 2, № 1–4) и в 1943 г. перевод Сюй Сяцуня (徐霞村) и Гао Тао (高滔), который опубликовало издательство Чунцинского комитета по грантам в области искусства и литературы (重庆文艺奖助金委员会出版社). После этого на протяжении еще почти восьмидесяти лет один за другим выходили более пятидесяти изданий этих и других переводов.

Обзор переводов романа на китайский язык демонстрирует, что к этому произведению всегда был повышенный интерес со стороны издательств и читателей. По нашим подсчетам, за период 1943–2023 гг. было опубликовано как минимум семнадцать версий переводов. Самыми популярными являются переводы Гэн Цичжи (耿济之) и Жун Жудэ (荣如德). Они много раз были изданы в последние годы, но выходили, как правило, небольшими тиражами. Причиной может быть изменение читательских привычек в Китае и активное внедрение цифровых книг. На тенденцию уменьшения объема бумажных изданий в Китае, как и во всем мире, сегодня также оказывает влияние популяризация так называемой сетевой литературы (сетературы) [Игнатенко, 2024]. По данным платформы Доубань (Douban)² по обсуждению книг и аудиовизуального контента, перевод Жун Жудэ, опубликованный издательством «Народная литература» в 2015 г., просмотрели свыше 8 300 читателей, и средняя оценка романа составила 9,4 из 10³.

Обзор литературной критики и исследований романа «Идиот» в Китае

В 1943 г. Сюй Сяцунь (徐霞村) к своему переводу написал предисловие, которое, по сути, стало первой рецензией романа «Идиот» в Китае. Несмотря на то, что в Китае за всё время было опубликовано более двадцати семи монографий о Ф. М. Достоевском [Чжао Хун, Дубкова, 2021, с. 673], до сих пор нет ни одной работы, полностью посвященной роману, хотя в некоторых исследованиях есть разделы и главы о нем. Общий корпус исследований о клас-

¹ URL: <https://r55.ru/2021/09/13/lyu-venfej-dostoevskij-ne-prosto-literaturnaya-velichina-on-ee-vershina> (дата обращения 25.09.2023).

² Доубань (<https://www.douban.com/>) представляет собой социальную сеть, которую запустили в 2005 г., служит платформой для обмена мнениями о книгах, фильмах, телевидении, музыке и пр.

³ URL: <https://book.douban.com/subject/25887933> (дата обращения 24.09.2023).

сике исчисляется тысячами публикаций (на Платформе китайской периодики⁴ размещено более 2 630 статей, посвященных Ф. М. Достоевскому и его творчеству). Рассмотрим основные труды, вышедшие в Китае за этот период.

В книге 1982 г. «Достоевский (1812–1881)» Дяо Шаохуа (刁绍华) на основании подробного изложения сюжета романа анализирует образ князя Мышкина как положительного и честного человека. Он отмечает, что князь может быть носителем идеи Ф. М. Достоевского, что моральное возрождение обыкновенного человека является единственным выходом России из складывающегося предреволюционного тупика. При анализе образа Настасьи Филипповны Дяо Шаохуа подчеркивает, что в ее поведении воплощается поруганная и страдающая красота. Он указывает, что героиня «убита не только Рогожиным, но и таким негодяем, как Тоцкий, и всем социальным укладом» [Дяо Шаохуа, 1982, с. 100].

В 1986 г. увидела свет монография «О творчестве Достоевского» Лю Цяо (刘翘), где в шестой главе «Разрушение красоты – “Идиот”» (《美的毁灭——“白痴”》) автор комментирует роман в трех аспектах: сюжет и ключевые события, воплощение красоты – образ Настасьи Филипповны, художественные особенности произведения [Лю Цяо, 1986, с. 162–198]. Интерпретируя сюжет, Лю Цяо пишет, что в структуре романа доминантное место занимает встреча Мышкина с Рогожиным и Настасьей Филипповной на перекрестке жизни, поскольку с этой неожиданной встречи развиваются события, которые приводят к разрушению нравственной красоты и превращению Мышкина в настоящего идиота. Анализируя отношения героини с другими персонажами, исследователь отмечает, как доброта пытается бороться со злом, а красота – с уродством и т. д. В поведении Настасьи Филипповны Лю Цяо усматривает смешение гордости и сумасшествия, сопоставляя ее с героиней Чэнь Байлу (陈白露) из пьесы «Восход» Цао Юя (曹禺 《日出》, 1933). Он высказывает мысль, что обе героини предстают носителями внутренней красоты, но в обществе, где правят деньги, она превращается в предмет купли-продажи. При сопоставлении Мышкина с Рогожиным исследователь указывает, что в образе Мышкина выражается противоречие между человеком и богом. Мотиву преступления Рогожина Лю Цяо уделяет большое внимание, видя его причину в социальном положении, воспитании, переживаниях и личности этого образа. Рассуждая о художественных достижениях «Идиота», Лю Цяо подчеркивает, что картина русского общества в романе раскрыта на фоне «фантастического реализма», напоминающего китайскую живопись, в которой содержатся реальность и иллюзия. С этим созвучна и мысль Г. Т. Гариповой, что предчувствия будущего у писателя соотносились с реальным историческим настоящим России и были связаны с процессом корреляции «онейросферической поэтики» и реалистической сюжетности, моделирующих «фантастическую» картину будущности мира [Гарипова, 2021, с. 352].

Следующим этапом в развитии представлений о романе и его интерпретации в Китае стал выход монографии Ху Ди (胡狄) «Исследователь человеческого духа: комментарии к произведениям Достоевского», где в главе «Идиот» автор кратко излагает историю создания и особенности сюжетостроения романа, в интерпретации образов указывая, что этот роман характеризуется следующими чертами: лирическое любовное повествование, сатирическое изображение действительности и отражение трагической судьбы персонажей [Ху Ди, 1993, с. 106–118]. В главе «Разрушение красоты и неудача доброты» (美的毁灭与善的失败) этапной монографии «Полифонический мир: Достоевский и его творчество» Ли Чуньлинь (李春林) рассуждает на основании анализа сюжета, что доброта не может спасти красоту, с чем согласен писатель, полагая, что нравственный идеал бессилен перед преображением реальности [Ли Чуньлинь, 1999, с. 73–82].

В 2002 г. вышла книга Чжао Гуйлянь (赵桂莲) «Блуждающая душа: Достоевский и русская традиционная культура». В первой главе «Красота спасет мир» автор исследует тезис

⁴ Платформа 中文期刊服务平台: <http://cqvip.cgl.org.cn/> (дата обращения 20.01.2024).

Ф. М. Достоевского с помощью сопоставления Мышкина с Рогожиным. В контексте русской культуры Чжао Гуйлянь подробно интерпретирует символы, связанные с двумя образами, раскрывая в Мышкине воплощение Христа, а в Рогожине – дьявола, и утверждает, что князь становится менее спокойным и всё более эмоциональным, таким образом, доказывая отдаление Мышкина от христологического образа. В двух противоположных образах исследовательница заметила важную аналогию, а именно, что их связывает страдание в том или ином виде: страсть до страдания в Рогожине и страдание падучей болезнью в Мышкине. «По мнению Мышкина, страдание и красота неотделимы, к тому же именно страдание возбуждает парадигму “любовь – жалость”» [Чжао Гуйлянь, 2002, с. 27], а любовью, по мнению Ф. М. Достоевского, является «суть красоты» [Там же, с. 1]. Анализируя три вида любви к Настасье Филипповне (страстно-непосредственная любовь Рогожина, тщеславная любовь Гани, христианская любовь Мышкина), автор, таким образом, интерпретирует амбивалентную сущность любви.

В 2006 г. была опубликована монография Пэн Кэсюня (彭克巽), «Исследование искусства романов Достоевского». В восьмой главе «Изображая честного человека: “Идиот”» (《描绘正面的美好人物: “白痴”》), опираясь на переписку Ф. М. Достоевского с друзьями и рукописные редакции текста романа, Пэн Кэсюнь раскрывает сложные отношения писателя с произведением и таким образом доказывает цель его создания – изобразить беспорочного человека. При анализе персонажей исследователь уделяет большое внимание структуре и методам повествования. Цитируя текст, он подробно излагает тему каждой части романа. Чтобы доказать, что основной идеей «Идиота» является попытка князя Мышкина спасти оскорбленную Настасью Филипповну, Пэн Кэсюнь демонстрирует смешение драматического и прозаического повествования, анализируя сюжеты четырех частей романа, на основе сюжетной линии и многих цитат из романа, исследователь доказывает, что «в первой части романа, применяя драматические приемы, писатель показывает конфликт, связанный со свадьбой героини, и описывает прошлые жизни героя и героини, используя прозаические приемы» [Пэн Кэсюнь, 2006, с. 204]. Во второй части романа, он отмечает, переплетаются многие второстепенные сюжеты в целях отражения духа времени и социальной жизни, а в третьей – писатель предлагает замечательный тезис «Мир спасет красота», соединяя описание сложного духовного мира, в котором смешиваются сочувствие и любовь, с описанием веяний эпохи и общественной атмосферы. В заключительной четвертой части важное место занимают отношения между Мышкиным, Аглаей и Настасьей Филипповной. В конце главы Пэн Кэсюнь подчеркивает, что полифонический роман достигает новой степени смешения фантастичности и реалистичности.

В книге «Сочинения по произведениям Ф. М. Достоевского», вышедшей в 2011 г., Фэн Цзэнъи (冯增义) в главе «Герой князь Мышкин в романе “Идиот”» (《“白痴”的主人公梅思金公爵》) анализирует образ князя Мышкина и отмечает, что «в реальной жизни Мышкин не может найти свое место, потому как он не такой человек, который способен к решительным действиям» [Фэн Цзэнъи, 2011, с. 69].

Кроме научных исследований, роману «Идиот» посвящено огромное количество критических работ и рецензий. Первым опубликовал в «Литературном журнале» за 1947 г. (《文学杂志》 № 1) статью «“Идиот” Достоевского» (《陀思妥耶夫斯基的“白痴”》) Чан Фэн (常风). В следующем году в издании «Вэньчао Юэкань» (《文潮月刊》, № 2) критик Бай Янь (白雁) напечатал статью «Знакомство с “Идиотом” (в пер. Гэн Цзичжи)» (《介绍“白痴”》). Спустя 35 лет, в 1982 г. в «Альбоме шедевров зарубежной литературы» вышла рецензия Дяо Шаохуа (刁绍华) «Роман Достоевского “Идиот”» (《陀思妥耶夫斯基的长篇小说“白痴”》), а Цзянсийское Народное издательство напечатало сборник «Чтение классической мировой литературы» со статьей Сун Иньчжань (宋寅展) «Осуждение власти денег над человеком – о трагедии героини в романе “Идиот”» (《对金钱的有力抨击——评“白痴”中女主人公的悲剧形象》). В это время в Китае активно переводится и изучается роман Ф. М. Достоевского.

В 1983 г. Нань Цзян (南江) опубликовал в «Зарубежной литературе» (№ 2) работу «Со-жжение денег Настасьей – ознакомление с “Идиотом”» (《娜司泰娜怒烧十万元》). В 1986 г. в статье переводчика Чжи Ляна (智量) «Пятнадцать часов князя Мышкина» на основе анализа текста о переживаниях Мышкина в первой части автор прямо отмечает, что в романе «Идиот» писателю не полагается возлагать слишком большие надежды на доброту человека, «такой абстрактной проповедью пользуется Ф. М. Достоевский с целью решения актуальных социальных проблем и заменяет классовую борьбу пропагандой доброй природы, а это на самом деле сыграло пассивную роль и утратило волю к борьбе» [Чжи Лян, 1986, с. 32].

Лю Хандо (刘航舵) в статье «О роли Настасьи Филипповны в системе персонажей в “Идиоте”», опубликованной в 1987 г., проанализировав отношения между персонажами, изложил идею, что «в романе писатель создал целую систему персонажей, в которой центром является образ Настасьи», а отношения между Настасьей и Мышкиным играют важную роль в развитии сюжета [Лю Хандо, 1987, с. 21]. В том же году Сюй Лихуа (徐莉华) в статье «Сопоставление изображения внутреннего мира героев и героинь в “Идиоте” и “Воскресении”» отмечает, что в романе «Воскресение» Л. Н. Толстой изображает внутренний мир героев с точки зрения социума, чтобы показать движение духовного мира человека под влиянием общественного феномена, а Ф. М. Достоевский в «Идиоте» с точки зрения человеческой природы показывает вечный раскол души [Сюй Лихуа, 1987].

В 1989 г. Тун Шудэ (童树德) в статье «Об “Идиоте”» описывает отличительные черты творческой мысли, показывая духовную эволюцию писателя, рассуждает о бессилии и неэффективности спасения, представленного Ф. М. Достоевским с помощью образа честного Мышкина, указывает на разрушение красоты, анализируя трагедию Настасьи Филипповны, комментирует художественное своеобразие на основе анализа структуры романа [Тун Шудэ, 1989]. Через десять лет, в 1998 г., напечатана статья Ши Ли (石荔) «Сопоставление и рефлексия: исследование творчества двух писателей через призму двух женских образов», в которой, применяя теорию А. В. Луначарского, автор сопоставил образы Настасьи Филипповны и Катюши Масловой и попытался раскрыть созидательную цель писателей и их влияние на мировую литературу [Ши Ли, 1998].

В 1998 г. была опубликована статья Пань Даочжэна (潘道正) «Ценность страдания: идея страдания в “Идиоте” Достоевского». В ней автор отмечает, что в романе скрывается прототип «страданий Иисуса Христа», а Мышкин – «положительный» и «совершенный» беспорочный человек, который представляет собой воплощение Христа. В основе страданий лежит решение восстановления справедливости в отношении тех, кто пострадал безвинно. Он уверен, что, по мнению Ф. М. Достоевского, только страдая, как страдал Иисус Христос, можно объединить любовь и справедливость. Трагедийный финал романа служит началом спасения, а Мышкин – «семенем будущего, принесенным в жертву в настоящем» [Пань Даочжэн, 2010, с. 124]. Пань Даочжэн упоминает о том, что ключом к пониманию творчества Ф. М. Достоевского является разное обращение к Богу и универсуму, созданному им, противоречия между свободной волей человека и божественной справедливостью – одна из центральных тем, которые проникают в прозу классика.

Мэн Вэнь (萌文) в статье «Словесный монтаж – новая интерпретация “Идиота”», вышедшей в 2000 г., интерпретирует функцию описаний глаз персонажей на основании анализа монтажных приемов и на примерах демонстрирует взаимопроникающую связь между литературой и визуальным искусством [Мэн Вэнь, 2000]. Этот прием сочетания различных семиотических знаковых систем в литературе разовьет в писательской практике А. П. Чехов [Игнатенко, 2022].

В 2002 г. поэт и критик Ван Цзяньчжао (汪剑钊) опубликовал статью «Красота спасет мир: “Идиот” и эсхатология Достоевского». Интерпретируя красоту и анализируя ее виды в романе, автор отмечает, что Ф. М. Достоевский под красотой понимал высший идеал человеческого существования, который представляет синтез истины, добра и красоты. Путь к выше-

му идеалу достигается через любовь, цель которой – жертва. Исследователь указывает, что под влиянием православия у Ф. М. Достоевского формируется понимание эсхатологии: красота разрушена, и одновременно она спасет мир. Таким образом, на первый взгляд в романе писатель, по мнению Ван Цзяньчжао, рассказывает историю о разрушении красоты, но на самом деле в этой истории и заключена эсхатологическая идея: движение от смерти к жизни [Ван Цзяньчжао, 2002].

В 2014 г. Жэнь Лися (任立侠) в статье «Фольклорные элементы в “Идиоте”», анализируя фольклорные особенности в создании персонажей, повествовательной структуре и использовании языка традиционной народной литературы, доказывает, что Ф. М. Достоевский изучает нравственные и этические проблемы с помощью намеренного отбора фольклорного материала, который легко воспринимается читателем и хорошо выражает русскую религиозную этику: стремление к добродетельным идеалам русской нации [Жэнь Лися, 2014].

В 2022 г. вышла статья Ван Цзяцзюня (王嘉军) «Икона, инерция и небытие: интерпретация “Идиота” в аспекте этической концепции Э. Левинаса». В ней автор рассуждает о законах природы, подробно объясняя, например, почему картина «Мертвый Христос в гробу» в романе считается антииконой, и толкует эстетику и веру через призму отношения и поведения князя Мышкина, сопоставляя законы природы с небытием, разъясняя ответственность за других людей в искоренении инерции [Ван Цзяцзюнь, 2022а]. В другой работе того же года «Облик и страсть в романе Достоевского “Идиот”: толкование по теории Э. Левинаса» Ван Цзяцзюнь в целях более глубокого понимания Ф. М. Достоевского и Э. Левинаса, поиска связи между философской мыслью и творчеством интерпретирует роман с помощью концепции Э. Левинаса и приводит читателя к ядру этической мысли философа. Используя этическую теорию Э. Левинаса, в частности ключевое понятие «облик» как «способ бытия другого», автор объясняет, почему Настасья Филипповна и другие персонажи вызывают у князя Мышкина чувство бесконечной ответственности и почему князь в первую очередь откликается на призыв Настасьи. По теории Э. Левинаса, «если “Я” не несет ответственность за “другого” или недостаточно делает для него, то это обозначает пренебрежение и оскорбление “другого”» [Ван Цзяцзюнь, 2022б, с. 13].

Таким образом, в фокусе внимания практически всех исследований выступала трактовка образа главного героя, князя Мышкина, и его добродетелей, а также поэтики и художественных особенностей романа. Эти исследования посвящены анализу образов Мышкина, Настасьи Филипповны и других, раскрытию главной идеи романа, поэтике и художественным приемам и т. д.

Выводы и заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что китайские исследователи с огромным интересом принимают и интерпретируют роман Ф. М. Достоевского «Идиот». На сегодняшний день существует как минимум семнадцать переводов романа на китайский язык. В работе показано, что интерес китайских ученых и читателей к роману, эволюция его восприятия и изучения отмечены рядом научных исследований и публикаций, вышедших в Китае. Роман «Идиот» рассматривается в разных аспектах, его перцепция и изучение в течение восьмидесяти лет формировались в области поэтики и художественного стиля романа, анализе образов персонажей и комментировании, проясняющем различные смыслы. Вопросы, которые поднимают исследователи, особенно связанные с доброжелательностью и человеколюбием образа князя Мышкина, подтверждают гипотезу, что китайский читатель ассоциирует его с конфуцианской категорией *жэнь* (仁).

Затронутые в работе проблемы и вопросы имеют перспективный потенциал дальнейших научных изысканий в различных областях, например: сравнительный анализ перевода текстов романа и рассмотрение их полноты и адаптации, исследование динамики этих переводов и их связи с историческими и литературными факторами, сравнение с переводами дру-

гих произведений писателя по популярности и переводами их на миноритарные языки, определение учета китайской критикой отечественного корпуса работ по достоевистике, отслеживание связи оценки романа с литературной политикой в Китае в разные периоды.

Список литературы

- Гарипова Г. Т.** «Возможные миры» и смыслы художественной провиденции Ф. Достоевского в мессианских рецепциях XX века // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. № 3. С. 349–362. DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-3-349-362
- Игнатенко А. В.** Живопись в прозе А. П. Чехова: интермедийный анализ. М.: Ленанд, 2022. 146 с.
- Игнатенко А. В.** Художественные особенности китайской литературы на примере веб-романа Мосян Тунсю «Магистр дьявольского культа» (2016) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Востоковедение и Африканистика. 2024. № 1. URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/17789>
- Ли Минбинь, Чжа Сяоянь.** История литературных связей Китая и России. М.: Шанс, 2024. 742 с.
- Черкасский Л. Е.** Русская литература на Востоке: Теория и практика перевода. М.: Наука, 1987. 182 с.
- Чжао Хун, Дубкова О. В.** Перевод и исследование творчества Ф. М. Достоевского в Китае в XXI в. // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8, № 4. С. 671–686. DOI 10.24147/2413-6182.2021.8(4).671-6860
- Шнейдер М. Е.** Русская классика в Китае: Переводы. Оценки. Творческое освоение. М.: Наука, 1977. 272 с.
- Gamsa M.** The Reading of Russian Literature in China. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 227 p.
- Ван Цзяньчжао.** Мэй цзян чжэньцзю шицзе – «Байчи» юй Тосытоэфусыцзи дэ мошилунь сысян [汪剑钊. 美将拯救世界——《白痴》与陀思妥耶夫斯基的末世论思想]. Красота спасет мир: «Идиот» и эсхатология Достоевского // Вайго вэньсюэ пинлунь. 2002. № 1. С. 55–62. (на кит. яз.)
- Ван Цзяцзюнь.** Шэньсян, гуаньсин юй бе юй цуньцзай – Левэйнасы шице дэ «Байчи» [王嘉军. 圣像、惯性与别于存在——列维纳斯视野下的《白痴》]. Икона, инерция и небытие: интерпретация «Идиота» в аспекте этической концепции Э. Левинаса // Вэньи чжэнмин. 2022а. № 6. С. 89–98. (на кит. яз.)
- Ван Цзяцзюнь.** Тосытоэфусыцзи «Байчи» чжун дэ мяньжун юй айюй: ичжун Левэйнасы ши цзеду [王嘉军. 陀思妥耶夫斯基《白痴》中的面容与爱欲：一种列维纳斯式解读]. Облик и страсть в романе Достоевского «Идиот»: толкование по теории Э. Левинаса // Дунбэй шифань дасюэ бао: Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань. 2022б. № 5. С. 10–17. (на кит. яз.)
- Дяо Шаохуа.** Тосытоэфусыцзи 1821–1881 [刁绍华. 陀思妥耶夫斯基 1821–1881]. Достоевский (1812–1881). Шэньян: Ляонинское Народное издательство. 1982. 141 с. (на кит. яз.)
- Жэнь Лися.** Лунь «Байчи» чжун дэ миныйцзянь вэньсюэ иньсу [任立侠. 论《白痴》中的民间文学因素]. Фольклорные элементы в «Идиоте» // Элосы вэньи. 2014. № 4. С. 43–49. (на кит. яз.)
- Ли Чуньлинь.** Фудяо шицзе Тосытоэфусыцзи ци жэнь ци цзо [李春林. 复调世界陀思妥耶夫斯基其人其作]. Полифонический мир: Достоевский и его творчество. Хэфэй: Аньхойское издательство литературы и искусства. 1999. 191 с. (на кит. яз.)
- Лю Хандо.** Лунь «Байчи» жэньу тиси чжун На Фэйлипафуна дэ цзоюн [刘航舵. 论《白痴》人物体系中娜费里帕夫娜的作用]. О роли Настасьи Филипповны в системе персонажей в «Идиоте» // Ляонин дасюэ сюэбао. 1987. № 3. С. 28–33. (на кит. яз.)

- Лю Цяо.** Тосытоэфусыцзи чуанцзо луныгао [刘翹。陀思妥耶夫斯基创作论稿]. О творчестве Достоевского. Чанчунь: Изд-о Цилиньского университета, 1986. 220 с. (на кит. яз.)
- Мэн Вэнь.** Юйхуэй дэ мэнтайци – «Байчи» синьцзе [萌文。语汇的蒙太奇——《白痴》新解]. Словесный монтаж – новая интерпретация «Идиота» // Элосы вэньи. 2000. № 6. С. 47–49. (на кит. яз.)
- Пань Даочжэн.** Кунань дэ цзячжи – Тосытоэфусыцзи «Байчи» чжун дэ «шоунань» сысян [潘道正。苦难的价值——陀思妥耶夫斯基《白痴》中的“受难”思想]. Ценность страдания: идея страдания в «Идиоте» Достоевского // Таньсо юй чжэнмин. 2010. № 5. С. 124–127. (на кит. яз.)
- Пэн Кэсюнь.** Тосытоэфусыцзи сяошо ишу яньцзю [彭克巽。陀思妥耶夫斯基小说艺术研究]. Исследование искусства романов Достоевского. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2006. 528 с. (на кит. яз.)
- Сюй Лихуа.** «Байчи» юй «Фухо» нань нюй чжужэньгун синьли мяосе чжи бицзяо [徐莉华。《白痴》与《复活》男女主人公心理描写之比较]. Сопоставление изображения внутреннего мира героев и героинь в «Идиоте» и «Воскресении» // Нэймэнгу шифань дасюэ бао: Ханьвэнь чжэсюэ шэхуй кэсюэ бао. 1987. № 3–4. С. 203–211. (на кит. яз.)
- Тун Шудэ.** Лунь «Байчи» [童树德。论《白痴》]. Об «Идиоте» // Исследования иностранной литературы. 1989. № 2. С. 28–35. (на кит. яз.)
- Фэн Цзэньи.** Тосытоэфусыцзи луныгао [冯增义。陀思妥耶夫斯基论稿]. Сочинения по произведениям Ф. М. Достоевского. Шанхай: Шанхайское издательство литературы и искусства, 2011. 295 с. (на кит. яз.)
- Ху Ди.** Таньсо синьлин аоми дэ жэнь – Тосытоэфусыцзи [胡狄。探索心灵奥秘的人——陀思妥耶夫斯基评述]. Исследователь человеческого духа: комментарии к произведениям Достоевского. Хайкоу: Хайнаньское изд-во, 1993. 143 с. (на кит. яз.)
- Чжао Гуйлянь.** Пяобо дэ лингуй – Тосытоэфусыцзи юй Элосы чуаньтун вэньсюэ [赵桂莲。漂泊的灵魂——陀思妥耶夫斯基与俄罗斯传统文化]. Бродячая душа Достоевского и русская традиционная культура. Пекин: Изд-во Пекинского университета. 2002. 455 с. (на кит. яз.)
- Чжи Лян.** Мэйшицинь гунцзюэ шиу гэ сяоши [智量。梅什金公爵的十五个小时]. Пятнадцать часов князя Мышкина // Хуадун шифань дасюэ сюэбао: Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань. 1986. № 3. С. 28–33. (на кит. яз.)
- Ши Ли.** Бицзяо юй фаньсы – цун лянвэй нюйсин жэньу синсян кань лянвэй Эго цзоцзя [石荔。比较与反思——从两位女性人物形象看两位俄国作家]. Сопоставление и рефлексия: исследование творчества двух писателей сквозь призму двух женских образов // Гуйчжоу шэхуй кэсюэ. 1998. № 4. С. 80–92. (на кит. яз.)

References

- Cherkassky L. E.** Russian literature in the East: Theory and practice of translation. Moscow, Nauka, 1987, 182 p. (in Russ.)
- Diao Shaohua.** Tuosituoyefusiji 1821–1881 [刁绍华。陀思妥耶夫斯基 1821–1881]. Dostoevsky (1812–1881). Shenyang, Liaoning people's Press, 1982, 141 p. (in Chin.)
- Feng Zengyi.** Tuosituoyefusiji lungao [冯增义。陀思妥耶夫斯基论稿]. Essays on the works of Dostoevsky. Shanghai, Shanghai Publ. House of literature and art, 2011, 295 p. (in Chin.)
- Gamsa M.** The Reading of Russian Literature in China. New York, Palgrave Macmillan, 2010, 227 p.
- Garipova G. T.** “Possible Worlds” and the Meanings of F. Dostoevsky's Providence in the Messianic Receptions of the XXth Century. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2021, no. 3, pp. 349–362. (in Russ.) DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-3-349-362

- Hu Di.** Tansuo xinling aomi de ren – Tuosituoyefusiji [胡狄。探索心灵奥秘的人—陀思妥耶夫斯基评述]. The Researcher of the human spirit: comments on the works of Dostoevsky. Hainan Press, 1993, 143 p. (in Chin.)
- Ignatenko A. V.** Painting in prose by A.P. Chekhov: an intermediate analysis. Moscow, Lenand Press., 2022, 146 p. (in Russ.)
- Ignatenko A. V.** Artistic features of Chinese network literature on the example of the web novel by Moxiang Tongxiu “The Grandmaster of Demonic Cultivation” (2016). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2024, no. 1. (in Russ.) URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/17789>
- Li Chunlin.** Fudiao shijie Tuosituoyefusiji qi ren qi zuo [李春林。复调世界陀思妥耶夫斯基其人其作]. The Polyphonic world: Dostoevsky and his work. Hefei, Anhui Publ. House of literature and art, 1999, 191 p. (in Chin.)
- Li Mingbin, Zha Xiaoyan.** The history of literary relations between China and Russia. Moscow, Chance, 2024, 742 p. (in Russ.)
- Liu Hangduo.** Lun “Baichi” renwu tixi Zhong Na • Feilipafuna de zuoyong [刘航舵。论《白痴》人物体系中娜 • 费里帕夫娜的作用]. About Nastasia Filippovna’s role in the character system in “The Idiot”. *Liaoning daxue xuebao*, 1987, no. 3, pp. 28–33. (in Chin.)
- Liu Qiao.** Tuosituoyefusiji chuanguo lungao [刘翘。陀思妥耶夫斯基创作论稿]. About Dostoevsky’s work. Changchun, Jilin Uni. Press, 1986, 220 p. (in Chin.)
- Meng Wen.** Yuhui de mengtaiqi – “Baichi” xinjie [萌文。语汇的蒙太奇—《白痴》新解]. Verbal editing – a new interpretation of “The Idiot”. *Eluosi wenyi*, 2000, no. 6, pp. 47–49. (in Chin.)
- Pan Daozheng.** Kunan de jiazhi – Tuosituoyefusiji “Baichi” Zhong de “shounan” sixiang [潘道正。苦难的价值—陀思妥耶夫斯基《白痴》中的“受难”思想]. The Value of suffering: the Idea of Suffering in Dostoevsky’s “The Idiot”. *Tansuo yu zhengming*, 2010, no. 5, pp. 124–127. (in Chin.)
- Peng Kexun.** Tuosituoyefusiji xiaoshuo yishu yanjiu [彭克巽。陀思妥耶夫斯基小说艺术研究]. A study of the Art of Dostoevsky’s novels. Beijing, Beijing Uni. Press, 2006, 528 p. (in Chin.)
- Ren Lixia.** Lun “Baichi” Zhong de minjian wenxue yinsu [任立侠。论《白痴》中的民间文学因素]. Folklore elements in “The Idiot”. *Eluosi wenyi*, 2014, no. 4, pp. 43–49. (in Chin.)
- Shi Li.** Bijiao yu fansi – cong liangwei nuxing renwu xingxiang kan liangwei Eguo zuojia [石荔。比较与反思—从两位女性人物形象看两位俄国作家]. Comparison and reflection: a study of the work of two writers through the prism of two female images. *Guizhou shehui kexue*, 1998, no. 4, pp. 80–92. (in Chin.)
- Schneider M. E.** Russian classics in China: Translations. Evaluations. Creative development. Moscow, Nauka, 1977, 272 p. (in Russ.)
- Tong Shude.** Lun “Baichi” [童树德。论《白痴》]. About “The Idiot”. *Research of foreign literature*, 1989, no. 2, pp. 28–35. (in Chin.)
- Wang Jianzhao.** Mei jiang zhenjiu shijie – “Baichi” yu Tuosituoyefusiji de moshilun sixiang [汪剑钊。美将拯救世界—《白痴》与陀思妥耶夫斯基的末世论思想]. Beauty will save the World: “The Idiot” and Dostoevsky’s Eschatology. *Waiguo wenxue pinglun*, 2002, no. 1, pp. 55–62. (in Chin.)
- Wang Jiajun.** Shenxiang, guanxing yu bie yu cunzai – Lieweinasi shiye xia de “Baichi” [王嘉军。圣像、惯性与别于存在—列维纳斯视野下的《白痴》]. Icon, inertia and non-existence: interpretation of the “The Idiot” in the aspect of the ethical concept of E. Levinas. *Wenyi zhengming*, 2022a, no. 6, pp. 89–98. (in Chin.)
- Wang Jiajun.** Tuosituoyefusiji “Baichi” Zhong de mianrong yu aiyu: yizhong Lieweinasi shi jiedu [王嘉军。陀思妥耶夫斯基《白痴》中的面容与爱欲：一种列维纳斯式解读]. Appearance and passion in Dostoevsky’s novel “The Idiot”: interpretation according to the theory of

E. Levinas. *Dongbei shifan daxue bao: Zhexue shehui kexue bao*, 2022b, no. 5, pp. 10–17. (in Chin.)

Xu Lihua. “Baichi” yu “Fuhuo” nan nu zhurengong xinli miaoxie zhi bijiao [徐莉华。《白痴》与《复活》男女主人公心理描写之比较]. Comparison of the image of the inner world of heroes and heroines in “The Idiot” and “Resurrection”. *Neimenggu shifan daxue bao: Hanwen zhexue shehui kexue bao*, 1987, no. 3–4, pp. 203–211. (in Chin.)

Zhao Guilian. Piaobo de linghui – Tuosituoyefusiji yu Eluosi chuantong wenxue [赵桂莲。漂泊的灵魂—陀思妥耶夫斯基与俄罗斯传统文化]. Dostoevsky’s Wandering Soul and Russian traditional culture. Beijing, Beijing Uni. Press, 2002, 455 p. (in Chin.)

Zhao Hong, Dubkova O. V. Translation and research of F. M. Dostoevsky’s work in China in the 19th century. *Communication Studies*, 2021, vol. 8, no. 4, pp. 671–686. (in Russ.) DOI 10.24147/2413-6182.2021.8(4).671-6860

Zhi Liang. Meishijin gongjue de shiwu ge xiaoshi [智量。梅什金公爵的十五个小时]. Fifteen hours of Prince Myshkin. *Huadong shifan daxue xuebao: Zhexue shehui kexue ban*, 1986, no. 3, pp. 28–33. (in Chin.)

Информация об авторах

Ян Цинмяо

PCNI 0000001094964251

Александр Владимирович Игнатенко, кандидат филологических наук, доцент

Scopus Author ID 57223025263

WoS Researcher ID ABC-7865-2020

RSCI Author ID 1045741

SPIN 7534-3139

Сунь Тин, кандидат филологических наук, доцент

PCNI 0000001078335375

Information about the Authors

Yang Qingmiao

PCNI 0000001094964251

Alexander V. Ignatenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 57223025263

WoS Researcher ID ABC-7865-2020

RSCI Author ID 1045741

SPIN 7534-3139

Sun Ting, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

PCNI 0000001078335375

Статья поступила в редакцию 26.09.2023;

одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 31.01.2024

The article was submitted on 26.09.2023;

approved after review on 18.01.2024; accepted for publication on 31.01.2024

Научная статья

УДК 82-3

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-32-42

Художественное своеобразие прозы китайской писательницы Чжан Юэжань

Анастасия Андреевна Куликова

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

aakulikova11@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-7494-6016>

Аннотация

Анализируется проза Чжан Юэжань (р. 1982), одной из самых ярких и талантливых молодых китайских авторов, родившихся в 1980-е гг. (восьмидесятники). Цель исследования заключается в выделении двух основных этапов развития творчества Чжан Юэжань и художественного своеобразия ее прозы. Проза раннего периода нулевых годов представляет собой психологические триллеры с элементами магического реализма и фэнтезийные романы, где ключевой является тема любви, однако в данных произведениях больший акцент делается на стиле, а не на сюжете. В прозе второго периода автор более тонко работает с формами, языковыми средствами (метафорами) и темами. В реалистических работах второго периода не только усложняются образы персонажей, но также поднимаются актуальные социальные проблемы. Главные герои прозы Чжан Юэжань, как правило, одинокие, травмированные недостатком родительской любви молодые люди, в большинстве случаев девушки, которые стремятся найти как истинную любовь, так и свой путь в жизни.

Ключевые слова

Чжан Юэжань, современная китайская литература, китайские писатели-восьмидесятники, тема любви, «Кокон»

Для цитирования

Куликова А. А. Художественное своеобразие прозы китайской писательницы Чжан Юэжань // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 32–42. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-32-42

Chinese Female Writer Zhang Yueran and Fictional Features of Her Prose

Anastasiia A. Kulikova

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russian Federation

aakulikova11@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-7494-6016>

Abstract

In this paper, the author analyzes the fiction of contemporary Chinese female writer Zhang Yueran (b. 1982). As a radiant and influential representative of the post-1980s generation in contemporary Chinese literature, Zhang Yueran is considered to be one of most talented and strong young writers. Post-1980s Chinese writers are known by depiction of young people's lives in big cities with elements of magical realism, however, unlike the most Post-1980s Chinese writers, Zhang Yueran focuses more on the characters' subjectivity and their pursuit of love (parental and romantic). Her complex characters thrive for love and happiness, but also suffer from loneliness and lack of parental attention.

© Куликова А. А., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 32–42

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 32–42

Zhang Yueran's writing is visceral and almost poetic in its use of metaphor. The development of Zhang Yueran's prose can be divided into two key periods. Her early works are aesthetic psychological thrillers about unhealthy love, inspired by classical fairytales that end with a character's death and self-destruction: while the language is beautiful and almost poetic, but there is a lack of narrative depth. In her second era, Zhang Yueran returns to realism and successfully combines style and deep narrative by contrasting scenes of cruelty and mercy. At the moment her latest novel "Cocoon" embodies all significant fictional features from the perspective of both style and narrative.

Keywords

Zhang Yueran, Contemporary Chinese Literature, Post-1980s Chinese writers, love theme, Cocoon

For citation

Kulikova A. A. Chinese Female Writer Zhang Yueran and Fictional Features of Her Prose. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 32–42. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-32-42

Введение

В последние годы особенности литературы китайских писателей разных поколений стали важным объектом исследований. Более того, активно выпускаются и переводятся на иностранные языки антологии рассказов и повестей молодых авторов, рожденных в 1970-е и 1980-е гг. (семидесятников и восьмидесятников).

Вопрос объединения писателей Китая по поколениям стал особенно актуален с приходом на литературную сцену авторов-семидесятниц. Литературовед Чэнь Сяомин отмечает: «Нет иного выбора, кроме как объединить женщин-литераторов, родившихся в 1970-е, в одну группу. По социальному и личному опыту они заметно отличаются от предшествующих литературных сообществ. У писательниц, родившихся в 1970-е, не было и коллективного опыта. Они определяли себя не в ключе истории, а с точки зрения личного опыта. Поэтому попытка обозначать этих авторов как "поколение 1970-х" лишь упрощает терминологию» [Чэнь Сяомин, 2019, с. 368]. С одной стороны, подобный подход оправдан, так как каждое поколение писателей объединяют как определенные стилистические особенности, так и специфика проблематики произведений в контексте социально-культурных факторов; с другой стороны, это также накладывает ярлык на автора, создавая некий шаблон в восприятии писателей одного поколения, хотя у каждого из них уникальное мировоззрение и жизненный опыт. Тем более в каждом поколении есть автор, который стоит особняком, и его творчество выходит за пределы того или иного термина. В то же время объединение авторов по поколениям формализует процесс, так как каждое следующее молодое поколение писателей отличается от предыдущего, что очевидно на примере восьмидесятников.

Особенности прозы китайских писателей поколения 80-х

Восьмидесятники считаются культурно-литературным феноменом начала нулевых: многие из них опубликовали свои произведения еще в подростковые годы, быстро став популярными и коммерчески успешными авторами. Необходимо отметить, что на творческое и мировоззренческое становление этих авторов, чья юность пришлась на девяностые годы, сильно повлияла политика реформ и открытости. У восьмидесятников широкий кругозор, многие из них учились за границей, в связи с чем эти авторы очень хорошо знакомы с классической и современной западной литературой. Они не боятся экспериментировать со стилем, создавая необычные для китайской литературы образы и сюжеты. Однако ряд критиков отмечает невысокую художественную ценность многих произведений восьмидесятников в начале и середине нулевых годов: влияние общества потребления и массовой культуры привело к тому, что проза, в основной массе посвященная жизни современной городской молодежи, носит коммерческий характер и не отличается смысловой глубиной, являясь, по сути, добротной беллетристикой, но не высокой литературой (см. подробнее: [Юй Вэньсю, 2013, с. 40]).

Как отмечает литературовед Чэнь Сяомин, «с середины 1990-х годов в истории новейшей литературы Китая уже нет практически ни одной тенденции, ни одного четкого переломного момента, которые бы означали переход к новому этапу развития. Новейшая литература Китая вступает в эпоху персонализированного творчества. Поэтому единственные осязаемые исторические отметки – сами писатели и их произведения. В своем индивидуальном духе писатели запечатлевают современную им эпоху» (см. подробнее: [Чэнь Сяомин, 2019, с. 447–448]). Опираясь на персонализированное или индивидуальное письмо (个人化写作 *гэжэньхуа сецзо*) и неореализм (新写实 *синь сеши*), восьмидесятники описывают в реалистическом ключе будни современной городской молодежи, однако в отличие от писателей-неореалистов девяностых, они часто обращаются к магическому реализму. На восьмидесятников большое влияние оказали японский писатель Харуки Мураками (р. 1949) и современная китайская писательница Анни Баобэй (安妮宝贝, р. 1974). По мнению ряда исследователей, в число которых входит и Чэнь Сяомин, они являются примером для современного китайского автора, успешно соединившего высокую литературу с популярной [Там же, с. 371]. Именно с писателями, родившимися в 1980-х, китайские литературоведы связывают настоящий бум молодежной литературы (青春书写 *цинчунь шусе*) начала нулевых годов, для которой ключевыми являются следующие темы: одиночество, самоидентичность, бунт, поиски себя и любовь. Ряд крупных журналов, например «Мэнья» (萌芽), проводили конкурсы и создавали интернет-платформы для молодых авторов-восьмидесятников, так как на их литературу был огромный спрос.

Если писатели старшего поколения, такие как Мо Янь (莫言, р. 1955) или Цзя Пинва (贾平凹, р. 1952), создавали целый мир из небольшого уезда или деревни, переосмыслили историю Китая, используя персонажей как зеркало эпохи, то восьмидесятникам интереснее искать общее с глобальным миром и анализировать душевные переживания их поколения. Таким образом, на первое место выходят авторское «я» и личная история. Язык этих молодых авторов стал более лаконичным и универсальным, более легким для читателя, без вэньнизмов, не столь насыщенный диалектизмами, в чем критики видят следствие влияния глобализации и рыночной культуры.

Как показало время, далеко не все восьмидесятники, чье творчество возглавляло списки бестселлеров в начале и середине нулевых годов, смогли удерживать лидирующее положение. Однако некоторые писатели, к числу которых относится и Чжан Юэжань (张悦然, р. 1982), выросли и как личности, и как авторы, работы которых находят всё большее признание за рубежом. На русском языке можно прочитать два произведения Чжан Юэжань: повесть «Красные туфельки» (红鞋 *Хун се*, 2004) в переводе И. Егорова в сборнике «Красные туфельки. Китайская проза XXI века» издательства «КАРО» и роман «Кокон» (茧 *Цзянь*, 2016), переведенный А. Перловой в издательстве «Фантом Пресс». В данной статье с учетом всего вышесказанного будут проанализированы ключевые произведения автора, выделены два основных этапа развития ее творчества, рассмотрены особенности художественного стиля и авторского мировоззрения Чжан Юэжань как представителя поколения китайских писателей, родившихся в 1980-х.

Ранний период творчества Чжан Юэжань (2003–2006)

Чжан Юэжань родилась в г. Цзинань провинции Шаньдун в обеспеченной образованной семье. Отец будущей писательницы преподавал литературу в университете, благодаря чему с юных лет Чжан Юэжань была хорошо знакома как с китайской, так и с западной литературой, что впоследствии будет умело использовать в собственных текстах. Первый рассказ Чжан Юэжань опубликовала уже в 14 лет и довольно быстро получила признание в литературных кругах. В 2001 г. Чжан Юэжань занимает первое место в конкурсе начинающих пи-

сателей «Новое видение» (新概念) от журнала «Шанхай вэньсюэ» (上海文学). В 2002 г. на сайте журнала «Мэнья» ее признали самой популярной из подающих надежды молодых авторов. Однако окончательно Чжан Юэжань выбрала путь профессионального писателя после окончания Сингапурского университета в 2003 г., когда после возвращения в Китай была удостоена «Новой национальной литературной премии – Гран-при» за два рассказа.

Ранний период творчества Чжан Юэжань (2003–2006) был довольно плодотворным и получил в основном положительные оценки не только читателей, но и критиков. К ключевым произведениям данного периода относятся сборники рассказов «Подсолнухи, потерявшиеся в 1890-м» (葵花走失在 1890 *Куйхуа цзоуши цзай 1890*, 2003), «Десять историй любви» (十爱 *Ши ай*, 2004); повесть «Красные туфельки» (红鞋 *Хун се*, 2004); романы «Разлука вишен» (樱桃之远 *Интао чжи юань*, 2004), «Нарцисс, оседлавший карпа» (水仙已乘鲤鱼去 *Шуйсянь и чэн лиюй цюй*, 2005) и «Птица клятвы» (誓鸟 *Ши няо*, 2006). Сборники рассказов практически сразу были переведены на английский язык.

Фактически малая проза раннего периода представляет собой мрачные готические сказки с притягательной эстетикой, красивым языком и откровенно жестоким, динамичным повествованием в духе триллера, сосредоточенным на трагической любви, которая в большинстве случаев приводит к смерти героини. Яркий образец магического реализма китайской молодежной литературы начала нулевых и первый полноценный дебют Чжан Юэжань как автора – сборник рассказов «Подсолнухи, потерявшиеся в 1890-м» наполнен сказочно-готической атмосферой сна и странными образами клоунов, черных кошек и красных туфелек, которые сопровождают юных героинь в поиске любви и «прекрасного принца». Мистика, красота, сон и мечта лучше всего характеризуют эти рассказы, в которых почти нет ничего от реальности. Мо Янь, написавший предисловие к данному сборнику, отметил красивый язык, силу воображения и талант молодой писательницы, но также указал на то, что слишком большой акцент на личном и вымышленном сдерживает потенциал ее работ, однако Мо Янь выразил уверенность, что с накоплением опыта Чжан Юэжань научится тоньше работать с магическим реализмом и ее работы станут более разнообразными в тематическом плане (см. подробнее: [Чжан Юэжань, 2003, с. 5]).

В интервью Чжан Юэжань признает: «Некоторые мои ранние произведения, если внимательно присмотреться, являются ретеллингами сказок. В тот период на меня сильное влияние оказало творчество Анджелы Картер¹» [Цзоу Цзоу, 2019, с. 250]. Действительно, сборник рассказов «Десять историй любви» (十爱 *Ши ай*, 2004) представляет собой удачный пример постмодернистского ретеллинга и деконструкции сюжетов и образов из «Русалочки» и «Золушки», по стилистике и атмосфере выдержанный в духе готической «Кровавой комнаты» (The Bloody Chamber, 1979) А. Картер. Данный сборник рассказов Чжан Юэжань получил высокую оценку критиков, которые отметили глубокое и неординарное для молодых писательниц, рожденных 1980-е, понимание любви. В частности, у критика Бай Е сложилось следующее впечатление от сборника: «Чжан Юэжань не только растет как личность, она также постоянно растет как автор. Могу сказать, что Чжан Юэжань одна из тех немногих молодых писательниц, которые уже выросли» [Бай Е, 2019, с. 119].

Рассмотрим несколько ключевых рассказов из сборника «Десяти историй любви» [Чжан Юэжань, 2004а, с. 30–70], которые дают наглядное представление не только о данном сборнике, но и обо всей ранней прозе Чжан Юэжань. В рассказе «Сяо Жань» (小染, 2004) юная героиня убивает отца-художника с помощью ножниц, так как его любовь к ней вышла за пределы отеческой, а потом наносит еще теплую кровь отца на губы в качестве помады. Чжан Юэжань при описании данной сцены использует следующую метафору: «Теплая кровь расцветала на губах, словно бордовая азалия» [Там же, с. 62]. Подобные метафоры, где кровь сравнивается с цветами, в целом часто встречаются в ее произведениях раннего периода.

¹ Анджела Картер (Angela Carter, 1940–1992) – британская писательница, одна из главных представителей магического реализма в западной литературе.

В рассказе «Танцующие, уснувшие вечным сном у подножия горы» (跳舞的人们都已长眠山下 *Тяоу дэ жэньмынь доу и чан мянь шанься*, 2004) девушка Сяо Си в день свадьбы видит призрак первой любви, который уговаривает ее уйти с ним. Сяо Си уже пыталась покончить с собой, так как не могла вынести тоски по любимому, который был многообещающим художником. Постепенно девушка теряет связь с реальностью, сбегает с собственной свадьбы, чтобы «танцевать с любимым у подножия горы», и ее насмерть сбивает машина. В другом рассказе «Арфа и Демон белой кости» (竖琴, 白骨精 *Шуцин, Байгуцзин*, 2004) Чжан Юэжань делает отсылку к образу демона белой кости (白骨精), который является одним из злодеев в китайском классическом романе У Чэньэня «Путешествие на Запад» (西游记 *Сиюйцзи*, XVI в.), способным принимать облик прекрасной девушки. В рассказе героиня жертвует кости ради совершенного музыкального инструмента, над которым работает ее муж-музыкант, в результате чего превращается в хрупкое и болезненное существо. Не случайно всё произведение пронизано белым цветом как символом смерти. Центральной темой во всех вышеуказанных рассказах является любовь, болезненная и трагическая, способная затуманить рассудок и привести к душевной и / или физической гибели. Нарратив довольно острый и кровавый, как и сам язык, о чем свидетельствуют наиболее часто встречающиеся слова в данных произведениях: «любовь» (爱), «кровь» (血) и «смерть» (死亡).

В повести «Красные туфельки» главным героем является наёмный убийца, который влюбился в дочь жертвы, что становится причиной его гибели. Эта повесть является одним из эталонных произведений Чжан Юэжань раннего периода, соединив в себе не только ключевые стилистические и тематические особенности раннего творчества автора, но и в целом эстетику прозы восьмидесятников первой половины нулевых. В данной повести одни из самых нехарактерных для китайской литературы сюжетов и образов: киллер, влюбленный в девушку-социопатку, которая создает прекрасные и в то же время жуткие фотографии. Несомненно, здесь можно проследить сходство с западным кинематографом 1990-х гг. и японской литературой, которыми довольно сильно вдохновлялись авторы-восьмидесятники, но у Чжан Юэжань хватает воображения и смелости, чтобы пойти дальше и в лучших традициях постмодернизма поиграть с архетипами. Э. А. Синецкая считала, что данное произведение скорее является притчей о возмездии, так как жестокость, бесчувственность, жестокосердие героев, конечно, имеют определенные врожденные, наследственные предпосылки, но в неменьшей степени являются следствием недолюбленности в детстве, большая часть которого прошла в детдоме. Таким образом, писательница затрагивает актуальную проблему сиротства (см. подробнее: [Синецкая, 2016, с. 492–493]). Авторский слог универсален: если бы не изредка встречающиеся языковые реалии, как «фея-небожительница» и «иероглифы», то сложно было бы угадать национальность автора. Однако язык в то же время очень красив и поэтичен в своем богатстве ярких и самобытных метафор, которые создают особую атмосферу и эстетику. В повести всё окрашено красным цветом: красные туфельки и кровь встречаются практически в каждом абзаце, иногда даже в одном предложении: «Кровь на лбу и волосах закружилась, как мошकारа, струйки сливались одна с другой. Перед глазами возникли бесчисленные красные туфельки» [Чжан Юэжань, 2004б, с. 70].

Романы первого периода также отличает богатая насыщенность метафорами, их можно назвать полуфэнтезийными, так как Чжан Юэжань активно обращается к китайским и западным мифам / легендам. В ключевом романе раннего периода «Птица клятвы» Чжан Юэжань обращается к образу Цзинвэй, которая поклялась отомстить морю, погубившему ее. Главная героиня романа Чунь Чи обладает такой же крепкой волей, как и Цзинвэй: потеряв память в кораблекрушении, она всю жизнь собирает ракушки, чтобы вернуть утраченные воспоминания. Чунь Чи подвергается огромному количеству испытаний, в числе которых тяжелые болезни, пребывание в тюрьме и слепота, но при этом она не теряет надежду и веру в любовь. Время действия романа относится к эпохе Великих географических открытий, и, хотя произведение относится к жанру фэнтези, как отмечает исследователь Ци Чуньфэн, роман мог по-

лучиться еще сильнее в содержательном плане, если бы Чжан Юэжань, кроме привычного для ранней прозы акцента на стремлении героев к любви и самопожертвованию, обратила внимание на вопрос национальной идентичности этнических китайцев, проживающих в странах Южной Азии, так как в романе есть подходящие второстепенные персонажи, но в полной мере их потенциал не был реализован [Ци Чуньфэн, 2019, с. 168].

В прозе раннего периода важную роль также играет образ отца: большое внимание уделяется взаимоотношению героинь с отцом / отчимом, более того, в ряде произведений присутствуют явные намеки на «комплекс Электры» [Там же, с. 77]. Интересно обыграна линия взаимоотношений отца и дочери в рассказе «Черная кошка не спит» (黑猫不睡, *Хэй мао бу шуй*, 2004), в котором повествование ведется от лица девушки из неблагополучной семьи, где отец злоупотребляет своей властью. Чжан Юэжань в прозе раннего периода часто работает с мифологическими и сказочными персонажами, образ черной кошки в данном произведении также использован с определенной целью. Отец героини видит в кошке предвестницу несчастья, но главная причина его злобы заключена в том, что кошка пробуждает в девушке независимость, она впервые осмеливается возразить отцу, когда тот решил выгнать кошку из дома. Впоследствии девушка осознает, что от отца ей не получить любовь, и она постепенно учится отстаивать права и влюбляется в соседского парня. Чжан Юэжань признавала, что таким образом она пыталась проработать личные переживания: «Мне не хватало отца в подростковые годы. Да, он всё время был рядом, но мы очень мало общались, и впоследствии наши отношения так и не смогли выйти на желанный для меня уровень» (см. подробнее: [Там же, с. 79]). В целом, душевные переживания юности, детские травмы, рефлексия часто поднимаются в произведениях восьмидесятников, что, например, характерно для раннего творчества другой современной писательницы, Янь Гэ (颜歌, р. 1984), однако Чжан Юэжань очень тонко обыгрывает данную тему, погружая читателя в особую «сказочную» атмосферу.

Подводя итог, можно сказать, что ранняя проза Чжан Юэжань представляет собой тексты, которые находятся на стыке нескольких жанров: мистический триллер или магический реализм. Самыми яркими образцами ранней прозы являются кроваво-готические повесть «Красные туфельки» и сборник рассказов «Десять историй любви», которые отличает мистическая атмосфера, своеобразная эстетика и остросюжетный нарратив в духе триллеров, наполненный убийствами, сломанными или раздробленными костями. Данные произведения написаны изящным поэтическим языком, насыщенным метафорами, но в ряде произведений присутствует избыточное использование иероглифа «кровь» и необычных метафор. Таким образом, ранняя проза Чжан Юэжань нулевых в целом соответствует общим художественным особенностям прозы восьмидесятников того времени, в том числе и в тематическом плане, но у автора сложились самобытный стиль и мировоззрение, которые выделяли Чжан Юэжань среди других молодых писателей нулевых поэтичным авторским слогом, богатым воображением, и особенно эстетизмом: почти каждый персонаж ее произведений был талантливым художником, фотографом или музыкантом, и любящие их люди без особых колебаний приносили себя в жертву ради их искусства. Как отмечает Сюй Доюй, «по сравнению с большинством восьмидесятников произведения Чжан Юэжань очень камерны, персонажи заключены в узком мирке, в то же время в социальном и историческом контексте они заметно уступают прозе классических авторов» [Сюй Доюй, 2011, с. 112]. Можно сказать, что на раннем этапе творчества Чжан Юэжань действительно больше внимания уделяла эстетической составляющей произведений, иногда злоупотребляя метафорами, что видно на примере рассказов из сборника «Десять историй любви». Однако помимо стремления героинь к любви, счастью и исполнению своей мечты автор также затрагивала ряд актуальных для своего поколения проблем, таких как одиночество, потерянности, равнодушие близких людей, недостаток родительской любви, пусть и не всегда раскрывая их в полной мере.

Зрелый период творчества (2008 – по настоящее время)

В 2008 г. Чжан Юэжань стала основателем и главным редактором литературного журнала «Ли» (鲤), в котором активно публиковались и другие авторы-восьмидесятники. Этот год можно считать точкой отсчета второго периода творчества писательницы. За это время в данном журнале были опубликованы несколько рассказов и повестей, в которых Чжан Юэжань начинает экспериментировать с тематикой и художественным стилем, что впервые проявляется в реалистическом рассказе «Семья», (家 Цзя, 2014) про личную и рабочую жизнь двух молодых женщин. Чжан Юэжань впервые оставляет в рассказе открытый финал, чтобы читатель смог сам решить, как сложится личная жизнь героини. Однако более поздние произведения, в числе которых роман «Кокон» (茧 Цзянь, 2016), повесть «Сестры Цяо» (大乔小乔 Дацяо сяоцяо, 2017), сборник рассказов «Я иду на свет огня» (我循着火光而来 Во сюньчжо хогуан эр лай, 2018), в полной мере отражают зрелый период творчества автора. Проза этого периода написана в более реалистичной манере, Чжан Юэжань отказывается от сказочных аллюзий или элементов магического реализма, описывая жизнь и личные проблемы людей среднего класса. Также необходимо отметить довольно заметные изменения в авторском слоге: поэтичность языка осталась, также сохранилось большое количество метафор, но они стали скрытыми. Чжан Юэжань указала следующие причины изменения своего стиля: «В начале творческого пути у меня был очень насыщенный “женский” стиль письма, как у Анджелы Картер и Чжан Айлин. Когда же я поняла, что хочу взяться за более объемные социальные темы, хочу создать новых персонажей, то осознала, что нужно сделать язык более простым, что позволит мне раскрыть тему под новым углом» [Син Чао, 2023, с. 294]. Атмосфера произведений стала теплее, и, несмотря на довольно острую социальную проблематику и тяжелые сцены, финал дает надежду, что у главной героини / героев всё может быть хорошо. Главной героиней в прозе второго периода по-прежнему остается юная девушка или молодая женщина, у которой сложные отношения с семьей или с мужчинами, но психологическая проработка образов персонажей становится более глубокой.

В произведениях второго периода творчества Чжан Юэжань поднимается больше тем, хотя любовь и семья по-прежнему являются ключевыми. Так, в повести «Сестры Цяо» (大乔小乔 Дацяо сяоцяо, 2017), которая получила премию Ван Цзэнци за лучшую повесть 2017 г., Чжан Юэжань обращается не только к таким привычным для себя образам и сюжетам, как взаимоотношения сестер и личностный рост героини, но и к злободневной теме политики ограничения рождаемости. Основой сюжет посвящен истории младшей «незапланированной» сестры Сюй Янь, которая постоянно стремится доказать родителям и самой себе, что она тоже имеет право и на любовь, и на признание, пытается найти себя и свое место в жизни. Стоит отметить, что Чжан Юэжань не впервые обращается к теме сестринства, но по сравнению с ранним творчеством в данной повести отношения между сестрами не так идеализированы. Например, Сюй Янь желает занять место старшей сестры, так как завидует ее теплым отношениям с родителями.

Роман «Кокон» на сегодняшний день является самым признанным произведением Чжан Юэжань в Китае и за рубежом. Роман вышел в 2016 г., спустя несколько лет его одновременно перевели на русский и французский языки. Во Франции в 2019 г. «Кокон» был номинирован как Лучшая иностранная книга и победил в номинации «Лучший азиатский роман 2019 г.». В 2022 г. роман, переведенный на английский Джереми Тяном (Jeremy Tiang), попал в список лучших книг от журнала «The New Yorker»². В России «Кокон» попал в короткий список премии «Ясная Поляна» 2023 г. «Кокон» Чжан Юэжань в плане проблематики приближен к таким произведениям именитых писателей старшего поколения, как «Лягушки»

² Zhang Yueran. URL: <https://worldeditions.org/authors/zhang-yueran/> (дата обращения 11.12.2023).

(蛙 *Ва*, 2012) Мо Яня или «Братья» (兄弟 *Сюнди*, 2005) Юй Хуа (余华, р. 1960), соединяя исторический опыт и актуальность, что редко можно увидеть в работах молодых писателей в силу отсутствия интереса к данной теме или из-за недостаточно высокого художественного мастерства. Однако, как отмечает известный литературовед Ян Цинсян, роман «Кокон» полностью соответствует стилю восьмидесятников, соединяя в себе реализм и постмодернизм, историзм и личный опыт (см. подробнее: [Ян Цинсян, 2016, с. 26]). Действительно, кроме истории старшего поколения семейств Чэн и Ли на фоне «культурной революции» и девяностых, Чжан Юэжань больше внимания уделяет сюжетным линиям главных героев, их личностному росту и внутренним изменениям, которые в финале позволят им «выбраться из кокона» и получить надежду на счастливый финал после всех испытаний. Более того, Чжан Юэжань также обращается к истории своей семьи и к детским воспоминаниям, что особенно характерно для авторов ее поколения, но, в отличие от ранней прозы, она больше не ограничивает себя только любовной линией, а, тонко используя исторический фон, раскрывает тему прощения и принятия себя. В то же время Цай Юйвань с сожалением отмечает, что история является только фоном взросления главных героев, что не позволяет роману быть причисленным к «новой исторической прозе», но «Кокон» продемонстрировал, что Чжан Юэжань выросла как автор (см. подробнее: [Цай Юйвань, 2021, с. 262]).

Чжан Юэжань анализирует проблематику семьи, физических и душевных шрамов. Каждый персонаж так или иначе находится в личном коконе душевных травм, которые идут из несчастливого детства: мать Чэн Гуна сбежала из семьи, а Ли Цзяци всё время пытается заслужить любовь отца-литератора, бросившего их с матерью. С первых страниц роман пронизывает холодная, даже тяжелая атмосфера из-за большого количества смертей и испытаний, с которыми сталкиваются главные герои: Ли Цзяци и Чэн Гун. Ощущение безысходности особенно сильно исходит от Ли Цзяци, которая безуспешно пытается понять, что такое любовь, из-за чего она вступает в нездоровые отношения с мужчиной намного старше себя, так как у него есть воспоминания об отце Ли Цзяци. Однако по мере повествования атмосфера становится менее мрачной, и главным героям всё же удается выбраться из кокона своих переживаний и травм. Чжан Юэжань считает, что с возрастом она стала более милосердной, что сказалось на ее творчестве: «В молодости моя проза была излишне категоричной, острой, даже, возможно, холодной, потому что тогда я не могла в полной мере увидеть или почувствовать настоящую трагедию»³. Таким образом, действительно, можно сказать, что Чжан Юэжань проявляет милосердие к героям, которые после многочисленных испытаний и ударов судьбы всё-таки получают шанс на лучшее будущее, хотя финал «Кокона» открытый, и, возможно, читатель увидит здесь только иллюзию счастливого финала.

В «Коконе» нет столь явной метафоричности прозы раннего периода, как в романе «Птица клятвы» (誓鸟 *Ши няо*, 2006), который, по сути, является красивым фантастическим садом, наполненным метафорами и символами, но не так силен в плане содержания и проблематики. В «Коконе» же образность остается и по-прежнему играет значимую роль, но метафоры обретают большую глубину. Собственно, само название произведения «Кокон», с одной стороны, более чем понятное и лаконичное, с другой же – несколько туманное, оставляющее простор для интерпретации и аллюзий. Кокон – одновременно и символ, и метафора судьбы главных героев. В данном произведении Чжан Юэжань в целом умело использует метафоры для того, чтобы усилить образ персонажа, например, следующую характеристику главной героини дает двоюродной сестре Пэйсюань: «Она всегда жила для бабушки и семьи. Бабушка и семья, словно поставленные в детстве брекеты, туго стягивали ее, придавая нужную форму. Чтобы не дать шанса ни одной щелочке, она продолжала носить их, даже повзрослев.

³ Чжан Юэжань: нюйсин чжицзянь ю и чжун цзинсян дэ гуаньси [张悦然: 女性之间有一种镜像的关系]. Чжан Юэжань: Между моими женскими персонажами есть «зеркальная связь»: через другую можно увидеть себя // Цзе мянь синьвэнь. URL: https://www.jiemian.com/article/1652608_qq.html (на кит. яз.) (дата обращения 25.11.2023).

Вся ее свобода была задавлена в наглухо сомкнутых щелях между зубами» [Чжан Юэжань, 2021, с. 38].

В этом романе герои сложные, неоднозначные, подвергшиеся многочисленным ударам судьбы, и далеко не у всех читателей они могут вызвать сочувствие. Как отмечает Чжан Юэжань, ей особенно легко удается писать персонажей, которых она понимает и с которыми у нее получается создать крепкую эмоциональную связь (см. подробнее: [Чжан Юэжань, 2020, с. 12]). Таким образом, на сегодняшний день по стилистическим и художественным параметрам «Кокон» является «программным» произведением Чжан Юэжань, как уже сформировавшегося и опытного автора, у которой получилось сохранить индивидуальность, а также вывести художественный стиль и проблематику работ на новый уровень.

Заключение

Чжан Юэжань по праву считается одной из самых ярких и самобытных современных авторов-восьмидесятников. Произведения Чжан Юэжань стабильно возглавляют списки бестселлеров в Китае, а также получают положительные отзывы со стороны читателей, критиков и других писателей. Несмотря на то что Чжан Юэжань пишет уже много лет, она растет как автор, не боится менять свои взгляды на литературу, экспериментировать со стилем и бросать себе вызов. В работах второго периода автор сконцентрировалась на более сложных и актуальных вопросах, связанных с жизнью не только ее поколения, но и всей страны, не потеряв при этом интерес к теме любви и семьи, которые в последних произведениях раскрываются с новых сторон. Можно сказать, что Чжан Юэжань обладает красивым узнаваемым авторским слогом, в котором ключевую роль играют метафоры, и самобытным мировоззрением, позволяющим ей тонко сочетать личные переживания и актуальные социальные темы. Чжан Юэжань говорит, что всё еще продолжает формироваться как автор, отмечая, что процесс написания романов – это также и процесс узнавания себя [Там же, с. 9].

Список литературы

- Синецкая Э. А.** Несколько слов о китайских сиротах, или По поводу прочтения повести «Красные туфельки» // Общество и государство в Китае. М.: ИВ РАН, 2016. Т. 46, № 2. С. 491–512.
- Чжан Юэжань.** Кокон. М.: Фантом Пресс, 2021. 544 с.
- Чэнь Сяомин.** Тенденции новейшей китайской литературы. М.: Шанс, 2019. 583 с.
- Бай Е.** Синь шили юй синь холи: 80хоу вэньсюэ сяньсян гуаньча [白烨。新实力与新活力: 80 后文学现象观察]. Новая сила и новая энергия: исследование феномена литературы поколения 80-х. Ухань: Чанцзян вэньи чубаньшэ, 2019. 342 с. (на кит. яз.)
- Син Чао.** Ай юй цзуньяньдэ шикэ – дандай цзоцзя фантань лу [行超。爱与尊严的时刻——当代作家访谈录]. Время любви и достоинства – Записи интервью с современными писателями. Шанхай: Шанхай вэньи чубаньшэ, 2023. 320 с. (на кит. яз.)
- Сюй Доюй.** Бицзяньдэ удао: 80хоу вэньсюэ цзяньяжэн [笔尖的舞蹈: 80 后文学见证]. Танец на кончике пера: засвидетельствование литературы поколения 80-х. Пекин: Дяньцзы гу-не чубаньшэ, 2011. 348 с. (на кит. яз.)
- Цай Юйвань.** Сюанькундэ болифан: цун мэн я цзочжэцюнь тоуши 80хоу сецзо [蔡郁婉。悬空的玻璃房: 从《萌芽》作者群透视 80 后写作]. Пустой стеклянный дом: литературное творчество восьмидесятников на примере группы авторов журнала “Мэнья”. Пекин: Вэньхуа ишу чубаньшэ, 2021. 300 с. (на кит. яз.)
- Цзоу Цзоу.** Фэй се букэ: 20 сяошоцзя фантань лу [走走。非写不可: 20 小说家访谈录]. Нельзя не писать: записи интервью двадцати писателей. Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2019. 274 с. (на кит. яз.)

- Ци Чуньфэн.** Цзывожэньтун юй цинчунь сюйши: 80хоу цзоцзя яньцзю [祁春风. 自我认同与青春叙事: 80 后作家研究]. Самоидентификация и молодежная литература: исследование писателей поколения 80-х. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ, 2019. 220 с. (на кит. яз.)
- Чжан Юэжань.** Куйхуа цзоуши цзай [张悦然. 葵花走失在 1890]. Подсолнухи, потерявшиеся в 1890-м. Пекин: Цзоцзя чубаньшэ, 2003. 240 с. (на кит. яз.)
- Чжан Юэжань.** Ши ай [张悦然. 十爱]. Десять историй любви. Пекин: Цзоцзя чубаньшэ, 2004а. 234 с. (на кит. яз.)
- Чжан Юэжань.** Хун се [张悦然. 红鞋]. Красные туфельки. Шанхай: Шанхай Ивэнь чубаньшэ, 2004б. 125 с. (на кит. яз.)
- Чжан Юэжань.** Дуньбудэ шикэ [张悦然. 顿悟的时刻]. Момент озарения. Пекин: Бэйцзин лянхэ чубаньгунсы, 2020. 137 с. (на кит. яз.)
- Юй Вэньсю.** Ухуа шидайдэ вэньсюэ шэнцунь: 70хоу, 80хоу нуюцзоцзя яньцзю [于文秀. 物化时代的文学生存: 70 后、80 后女作家研究]. Существование литературы в эпоху материализма: исследование творчества писательниц поколений 70-х, 80-х. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубань, 2013. 375 с. (на кит. яз.)
- Ян Цинсян.** Цзуй юй ай юй ие лишидэ юлин ю чунсянь лэ – ю Чжан Юэжаньдэ Цзянь цзай тань 80хоу идай [杨庆祥. 罪与爱与一切历史的幽灵又重现了——由张悦然的《茧》再谈 80 后一代]. Новое появление страданий и любви вместе с духом истории. Обсуждение поколения 80-х на примере романа «Кокон» Чжан Юэжань // Дандай цяньнянь. 2016. № 5. С. 25–29. (на кит. яз.)

References

- Bai Ye.** Xin shili yu xin huoli: 80hou wenxue xianxiang guancha [白烨. 新实力与新活力: 80 后文学现象观察]. New power and new energy: the observation of post-80s literary phenomenon. Wuhan, Changjiang wenyi chubanshe, 2019, 342 p. (in Chin.)
- Cai Yuwan.** Zui kongde bolifang: cong meng ya zuozhequn toushi 80hou xiezuo [蔡郁婉. 悬空的玻璃房: 从《萌芽》作者群透视 80 后写作]. The empty glass house: examination of post-1980 writing from the Meng Ya magazine's group of writers. Beijing, Wenhua yishu chubanshe, 2021, 300 p. (in Chin.)
- Chen Xiaoming.** Tendenesii noveishei kitaiskoi literatury [The tendencies of Chinese Contemporary Literature]. Moscow, Shans, 2019, 583 p. (in Russ.)
- Qi Chunfeng.** Ziwo rentong yu qingchun xushi: 80hou zuojia yanjiu [祁春风. 自我认同与青春叙事: 80 后作家研究]. Self-identification and youth narrative: the research of the Post-80s' writers. Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2019, 220 p. (in Chin.)
- Sinetskaya E. A.** Neskol'ko slov o kitaiskikh sirotakh, ili Po povodu prochleniya povesti "Krasnye tufel'ki" [A Few words on the Chinese orphans, or some comments on the "Red Shoes" novel]. Obshestvo i Gosudarstvo v Kitaye. Moscow, 2016, vol. 46, no. 2, pp. 491–512. (in Russ.)
- Xing Chao.** Ai yu zunjing de shike – dangdai zuojia fangtan lu [行超. 爱与尊严的时刻——当代作家访谈录]. The moment of love and honour – interview records with the contemporary writers. Shanghai, Shanghai wenyi chubanshe, 2023, 320 p. (in Chin.)
- Xu Duoyu.** Bijian de wudao: 80hou wenxue jianzheng [笔尖的舞蹈: 80 后文学见证]. The dance on the pen point: the witness of post-80s literature. Beijing, Dianzi gongye chubanshe, 2011, 348 p. (in Chin.)
- Yang Qingxiang.** Zui yu ai yu yiqie lishi de youling you chongshi le – you Zhang Yueran de Jian zai tan 80hou yidai [杨庆祥. 罪与爱与一切历史的幽灵又重现了——由张悦然的《茧》再谈 80 后一代]. Pain and love and the return of the ghost of history – Zhang Yueran's Cocoon and new discussion of the Post-1980s writers. *Dangdai jianyan*, 2016, no. 5, pp. 25–29. (in Chin.)

- Yu Wenxiu.** Wuhua shidai de wenxue shengcun: 70hou, 80hou nu zuojia yanjiu [于文秀。物化时代的文学生存：70后、80后女作家研究]. The literature existence in the materialistic age: the research of the post 70–80s female writers. Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe, 2013, 375 p. (in Chin.)
- Zhang Yueran.** Dunwu de shike [张悦然。顿悟的时刻]. Moment of Epiphany. Beijing, Beijing Lianhe chubanshe youxian, 2020, 137 p. (in Chin.)
- Zhang Yueran.** Hong xie [张悦然。红鞋]. The red shoes. Shanghai, Shanghai yiwen chubanshe, 2004, 125 p. (in Chin.)
- Zhang Yueran.** Cocoon. Phantom Press, 2021, 425 p. (in Rus.)
- Zhang Yueran.** Kuihua zoushi zai 1890 [张悦然。葵花走失在 1890]. The sunflowers lost in 1890. Beijing, Zuoja chubanshe, 2003, 240 p. (in Chin.)
- Zhang Yueran.** Shi ai [张悦然。十爱]. Ten love stories. Beijing, Zuoja chubanshe, 2004, 234 p. (in Chin.)
- Zou Zou.** Feixie buke [走走。非写不可：20 小说家访谈录]. Impossible not to write: interview records with 20 writers. Guilin, Guangxi shifan daxue chubanshe, 2019, 274 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Анастасия Андреевна Куликова, аспирант

Information about the Author

Anastasiia A. Kulikova, Post-Graduate Student

*Статья поступила в редакцию 21.12.2023;
одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 29.01.2024
The article was submitted on 21.12.2023;
approved after review on 22.01.2024; accepted for publication on 29.01.2024*

Научная статья

УДК 811.581.11

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-43-54

Синтаксические особенности пословиц со структурой сложноподчиненного предложения в китайском языке

Ульяна Николаевна Решетнёва

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия

ulresh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3377-2504>

Аннотация

Статья посвящена изучению синтаксической структуры китайских паремий, которые имеют свои грамматические особенности. Актуальность определяется недостаточной изученностью пословиц китайского языка со структурой сложного предложения. Цель статьи – определить синтаксические особенности сложноподчиненных предложений в паремиологическом фонде китайского языка. Материалом для данной работы послужили китайские пословицы с подчинительной связью, отобранные методом сплошной выборки, из сборника китайских народных изречений. Методология исследования предполагает обращение к описательному и интерпретативному методам, методу выборки, а также структурно-семантическому, компонентному и контекстуальному анализу. В ходе исследования эмпирического материала выявлено, что для пословиц как законченных единиц высказывания характерно структурное разнообразие предикативных частей в составе сложного. Из них наиболее многочисленны сложные предложения со значением условия. Некоторые союзные слова, характерные для письменной речи, не употребляются в устных народных высказываниях. Отсутствие субъекта действия подчеркивает обобщенность содержания пословиц, их различную адресную или временную направленность.

Ключевые слова

китайский язык, паремии, синтаксическая организация, сложноподчиненные предложения, средства связи в предложении, союзы и союзные слова

Для цитирования

Решетнёва У. Н. Синтаксические особенности пословиц со структурой сложноподчиненного предложения в китайском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 43–54. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-43-54

Syntactical Features of Proverbs with the Complex Sentence Structure in Chinese

Uliana N. Reshetneva

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg, Russian Federation

ulresh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3377-2504>

Abstract

The article addresses the study of the syntactic structure of Chinese proverbs, which have their own grammatical features. The relevance of this study is determined by the linguistic value of folk aphorisms, and the insufficient study of

© Решетнёва У. Н., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 43–54
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 43–54

Chinese proverbs with complex sentence structure. The purpose of the article is to identify syntactical peculiarities of complex sentences in the paremiological stock of the Chinese language. The material for this paper was Chinese proverbs with subordination, selected by the method of continuous sampling, from the collection of Chinese folk sayings. The methodology of the study involves recourse to descriptive and interpretive methods, sampling method, as well as structural-semantic, component and contextual analysis. The study of the empirical material revealed that proverbs, as complete units of utterance, are characterized by a structural diversity of predicative parts within the complex. The most numerous of them are complex sentences with the meaning of condition. Some connectives, characteristic of written speech, are not used in oral folk utterances. The absence of the subject of action emphasizes the generalization of the content of proverbs, their different address or temporal orientation.

Keywords

Chinese language, paremias, syntactic organization, complex sentences, means of connection in a sentence, conjunctions and connectives

For citation

Reshetneva U. N. Syntactical Features of Proverbs with the Complex Sentence Structure in Chinese. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 43–54. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-43-54

Введение

В последние годы всё большее внимание ученых привлекает изучение китайских пословиц и поговорок. Опубликовано исследование паремий в рамках лингвокультурологического, лингвокогнитивного и сравнительно-сопоставительного направлений. Российской наукой достигнуты определенные результаты в области изучения синтаксических особенностей народных афоризмов разных языков, представленные в диссертационных и монографических исследованиях И. М. Баловой (1999), З. К. Тарланова (1999), П. Г. Идрисовой (2015), Ш. З. Алиевой (2016), однако в вопросах синтаксической организации сложных предложений в системе китайских пословиц наблюдаются определенные лакуны. Таким образом, недостаточная изученность пословиц китайского языка со структурой сложного предложения обуславливает актуальность заявленной темы.

Объектом исследования являются паремиологические высказывания со структурой сложноподчиненного предложения, предметом – синтаксическая организация паремий со структурой (далее – СПП). Цель статьи – определить синтаксические особенности СПП в паремиологическом фонде китайского языка. Методы исследования: описательный и интерпретативный методы, метод выборки, а также структурно-семантический, компонентный и контекстуальный анализ. Методологической базой по вопросам организации сложных предложений китайского языка служат работы отечественных синологов В. М. Солнцева (1957), А. А. Драгунова (1962), С. Е. Яхонтова (1968), В. И. Горелова (1989), Е. И. Шутовой (1991). Материалом исследования в рамках данной работы послужили китайские пословицы с подчинительной связью, отобранные методом сплошной выборки, из сборника китайских народных изречений [Чжунго суюй яньйюу ку, 2001]. В ходе исследования паремий для сохранения национально-культурной специфики и грамматической структуры сложных пословичных выражений, а также для сохранения смыслового содержания народных афоризмов в нашей работе использованы калькирование или описательный прием перевода фразеологических единиц без указания их русскоязычных аналогов или эквивалентов. Научная новизна статьи заключается в описании синтаксической организации сложноподчиненных предложений в паремиологическом фонде китайского языка. Теоретическая значимость состоит в том, что выполненное исследование может стать основой для дальнейших научных изысканий в области китайской паремиологии.

Степень изученности проблемы

Пословицам как фразеологическим единицам языка присущи его лексические и грамматические закономерности, но в то же время они обладают своими особенностями. Среди них

вопросы синтаксической организации народных афоризмов являются актуальным объектом лингвистических изысканий последних лет на материале разных языков Сунь Шуянь (2017), И. Г. Трофимовой и И. Г. Никитиной (2017), О. Я. Карпеевой (2018), Р. Р. Ганиевой (2020), Д. М. Магомедова (2021). При этом работы, раскрывающие особенности синтаксических отношений между составными частями китайских пословиц, нами не обнаружены. Способы выражения средств связи в сложных предложениях китайского языка освещены в монографиях отечественных и зарубежных исследователей [Горелов, 1989; Шутова, 1991; Готлиб, 2002; Щичко, 2018; Карпека, 2019; Ивченко, 2021; Хуан Божун, Ляо Сюйдун, 2007; Син Фуи, 2020], а также в статьях ученых [Ван Цуй, Бочина, 2014; Шатравка, Чередниченко, 2016; Колпачкова, 2020; Рукавишникова, 2021; Чередниченко, Андросова, 2023; Син Гунвань, 1984; Ван Чуньхуэй, 2010; Лю Чуньгуан, Си Сюин, 2020; Фань Лицзюнь, 2020; Чжу Фэн, 2021].

Несмотря на сложившуюся филологическую традицию изучения грамматических особенностей китайского языка, в китайской и российской науке часть вопросов в области синтаксиса до сих пор носит дискуссионный характер. В настоящее время основные подходы к изучению и классификации сложных предложений китайского языка изложены в трудах китайских лингвистов: Ли Цзиньси 黎锦熙 (1924/2007), Син Фуи 邢福义 (2001) и Шао Цзинминь 邵敬敏 (2007). Ряд китайских исследователей разделяет точку зрения Син Фуи о выделении трех типов сложного предложения: причинных, сочинительных и противительных [Син Фуи, 2020, с. 461], но более распространенным в китайской лингвистической традиции является деление сложных предложений на бессоюзные и союзные, последних – на сложно-сочиненные (далее – ССП) и сложноподчиненные, рассматриваемое в трудах Ли Цзиньси и других ученых.

Хуан Божун 黄伯荣 и Ляо Сюйдун 廖晓东, следуя данной классификации, анализируют структуру ССП и СПП и среди сложных предложений подчинения выделяют следующие пять типов: 1) сложные предложения, выражающие условные отношения 条件复句 *тяоцзянь фуцзюй*; 2) сложные предложения, выражающие предположительные отношения 假设复句 *цзяшиэ фуцзюй*; 3) сложные предложения, выражающие причинно-следственные отношения 因果复句 *иньго фуцзюй*; 4) сложные предложения, выражающие целевые отношения 目的复句 *муди фуцзюй*; 5) сложные предложения, выражающие противительные отношения 转折复句 *чжуаньчжэ фуцзюй* [Хуан Божун, Ляо Сюйдун, 2007, с. 127].

В российской науке В. И. Горелов делит сложные предложения по признаку сочинения и подчинения. В частности для СПП ученый предлагает классификационную схему из десяти типов, «выражающих атрибутивные, временные, целевые, причинные, условные, уступительные, результативные, пропорциональные отношения, а также отношения сходства и различия» [Горелов, 1989, с. 212]. Е. И. Шутова рассматривает: подлежащно-сказуемое сложное предложение, ССП и СПП [Шутова, 1991, с. 333–358]. Оставляя вне задач данного исследования полемику о критериях выделения типов СПП и их средств связи, в нашей работе при изучении паремий, принимаем во внимание деление СПП на подтипы, предложенное Т. В. Ивченко: 1) сложные предложения со значением причины-следствия 因果关系复句; 2) противительные сложные предложения 转折关系复句; 3) уступительные сложные предложения 让步关系复句; 4) условные сложные предложения 条件关系复句; 5) сложные предложения цели 目的关系复句; 6) сложные предложения со сцепленной структурой 连锁关系复句 [Ивченко, 2021, с. 656].

Результаты

В данном исследовании для каждого типа сложных предложений с подчинительной связью рассмотрены наиболее частотные грамматические конструкции анализируемых пословиц, выявленные в них средства связи и порядок их следования в пословичном выражении, положение главной и придаточной частей высказывания.

1. Паремии – СПП, выражающие причинно-следственные отношения

1.1. Структура пословичных сложноподчиненных пояснительных предложений со значением причины-следствия

(1) 因为节省钉子，结果失去马掌¹ (1444)。 Из-за того, что сэкономил гвозди, в результате потерял подкову².

(2) 慢雀儿飞在前面，因为它早起了三分钟 (701)。 Медленная пташка летит впереди, потому что она встала на три минуты раньше.

Хотя в сложных предложениях причинно-следственных отношений традиционно в придаточной части причина маркируется составным союзом 因为 *иньвэй*, а в главной части следствие – союзом 所以 *сои*, в эмпирическом материале такая конструкция с союзами в обеих частях сложного предложения нами не выявлена. В примере (1) главная и придаточная части представляют собой шестисложные строки, поэтому опущение союза 所以 *сои* в пословицах в данном случае можно объяснить ритмико-композиционным строением пословицы.

Примеры функционирования только союза 因为 *иньвэй* в рассматриваемой выборке также немногочисленны, хотя ученые указывают на общее значение этого союза и на его широкое практическое применение «в любом конкретном случае, требующем выражения причинных отношений» [Шутова, 1991, с. 351]. В анализируемых паремиях встречается маркер причины 因为 *иньвэй*, который занимает разные позиции. В примере (1) его позиция в начале предложения, в этом случае подлежащее опущено, субъект действия не выражен, пословица имеет обобщенное значение, акцент делается на причине действия или ситуации. В примере (2) наблюдается обратный порядок частей сложного предложения, придаточное причины с 因为 *иньвэй* находится после главной части предложения, союз 因为 *иньвэй* занимает позицию до подлежащего. Примеры функционирования союза 由于 *ююй* в сложном пословичном предложении нам не встретились, данное служебное слово характерно для письменной речи.

1.2. Структура пословичных сложноподчиненных гипотетических предложений со значением причины-следствия

(3) 既然赶船，就别怕湿脚 (486)。 Раз уж торопишься на корабль, то не бойся мокрых ног.

(4) 既敢过大江，就不怕小河 (485)。 Раз уж осмелился перейти большую реку, то не бойся маленькой речки.

(5) 既读孔孟书，必达周公礼 (485)。 Поскольку читаешь книги Конфуция и Мэн-цзы, то непременно нужно выполнять ритуал Чжоу-гуна.

В эмпирическом материале в паремиях со структурой сложноподчиненных гипотетических предложений со значением причины-следствия союз 既然 *цзижань* в придаточной части маркирует некий свершившийся факт, ситуацию, которая уже произошла. В главной части предложения делается предположение о дальнейшем развитии событий. В сложных предложениях этого структурно-семантического типа паремий используются как одиночные, так и парные союзы. Среди анализируемых паремий обнаружены сочетания союза 既然 *цзижань* в придаточной части с наречием 就 *цзю* в главной части (пример 3), примеры с наречием 也 *е* нами не выявлены. По мнению ученых, «маркер аргументативности 既然 *jìrán* ‘раз уж’ может замещаться односложным союзом 既 *jì* ‘раз уж’» [Син Фуи, 2020, с. 467]. Именно примеры с односложным союзом 既 *jì* преобладают в пословичных выражениях. Одним из возможных объяснений этого факта является экономия языковых средств, характерная для народных афоризмов. В главной части сложных предложений со значением причины-следствия используется наречие 就 *цзю*, акцентирующее закономерности следствия (пример 4), либо в паремиях наречие может быть опущено (пример 5). В рассматриваемых примерах отсутствует номинация субъекта, что способствует абстрактности и обобщенности со-

¹ Текст на языке оригинала цитируется по: [Чжунго суюй яньюй ку, 2001], в скобках указаны страницы.

² Здесь и далее перевод паремий с китайского языка на русский язык выполнен нами. – У. Р.

держания пословицы, которая в таком случае может быть ориентирована на любого представителя этноса.

2. Паремии – СПП, выражающие противительные отношения

2.1. Структура пословичных выражений СПП явной противопоставленности

(6) 好药虽然发苦, 但能治病 (390). Хорошее лекарство, хотя и горькое, но может излечить болезнь.

(7) 虾子虽然小, 却登大宴席 (1274). Креветки, хотя и маленькие, однако же их подают на большой банкет.

(8) 蜜蜂的背虽有条纹, 但不能把它叫做老虎 (728). Хотя у пчелы на спине есть полосы, но не можешь назвать ее тигром.

(9) 泰山虽高, 遮不住太阳 (1155). Гора Тайшань, хотя и высока, но не может заслонить солнце.

Среди анализируемых пословичных выражений, передающих отношения явной противопоставленности, встретились паремии, в придаточной части которых употребляется союз 虽然 *суйжань*, в главной части – союз 但 *дань* (пример 6) или наречие 却 *цюэ* (пример 7). В таких сложных предложениях информация, представленная в придаточной части, соответствует действительности, но противопоставляется информации в главной части предложения. В данной выборке народных афоризмов, отражающих противительные отношения, встречаются примеры функционирования двусложного союза 虽然 *суйжань* (примеры 6 и 7) и односложного союза 虽 *суй* (примеры 8 и 9). Кроме того, нами выявлены предложения явной противопоставленности, в главной части которых отсутствуют союзы и наречия (пример 9). В указанных примерах союзы противопоставления 虽然 *суйжань* и 虽 *суй* занимают позицию после подлежащего.

2.2. Структура пословичных СПП неявной противопоставленности

(10) 狐狸可以改变身上的毛色, 但是决不会变好 (434). Лисы могут поменять цвет своей шерсти, но лучше никогда стать не смогут.

(11) 磨盘自己不吃, 但却把人养活 (742). Мельничный жернов сам не ест, зато людей кормит.

(12) 青草只是一夏之盛, 苍松可是四季常青 (877). Зеленая трава буйная лишь летом, но сосны зелены круглый год.

(13) 想要捉到乌鸦, 反而摔断了猎鹰的腿 (1294). Хотел поймать ворону, а сломал лапу соколу.

Для структуры пословичных предложений неявной противопоставленности характерно, отсутствие союза в начале придаточной части. В главной части таких предложений используются союзы 但是 *даньши* (пример 10), 但 *дань* (пример 11), 可是 *кэши* (пример 12) или 反而 *фаньэр* (пример 13). В начале пословиц предлагается аргумент, а затем после союзов указывается более убедительный контраргумент, что наиболее полно выражает назидательный характер паремий. В пословицах неявной противопоставленности в придаточной части сохраняется подлежащее (примеры 10–12) либо вербально выраженное подлежащее отсутствует (пример 13). Хотя в примерах (11, 12) субъект выражен словесно, а в примере (13) – косвенно, содержание народного афоризма отражает его обобщенное значение, присутствует отсылка к народному опыту.

2.3. Структура пословичных СПП слабой противопоставленности

(14) 养儿不要厠金溺银, 只是见景生情便好 (1366). Воспитывая ребенка, не нужно испражняться золотом и мочиться серебром, лучше всего смотреть на ситуацию и быстро реагировать.

(15) 读书全靠自用功, 先生不过领路人 (251). Когда учишься, полностью полагайся на собственные силы, ведь учитель – это всего лишь проводник по дороге.

В эмпирическом материале в сложноподчиненных пословичных предложениях с семантикой слабой противопоставленности местоположение придаточной части препозитивно, союзы 只是 *чжиши* (пример 14) и 不过 *буго* (пример 15) функционируют во второй части сложного предложения. Эта часть является главной частью предложения, которая уточняет, корректирует содержание первой, придаточной, части. В содержании этих пословиц наблюдается мягкий вариант противопоставления, добавляется пояснение к сказанному, предлагается возможный вариант действия в сложившейся ситуации. В данных примерах опущено подлежащее, субъект действия невербализован, что позволяет использовать пословицы в типичных ситуациях назидательного характера.

3. Паремии – СПП, выражающие уступительные отношения

3.1. Структура пословичных выражений уступительных СПП, в которых сообщается о реальной, актуальной на данный момент ситуации

(16) 尽管狼在嚎叫, 骆驼照样走路 (537). Несмотря на то что волки воют, верблюды всё равно идут.

(17) 桃花尽管在几番风雨后谢去, 却留下香甜的果子 (1165). Хотя цветы персика после ветра и дождя опали, но оставили ароматные и сладкие плоды.

В анализируемом материале пословиц, выражающих уступительные отношения и сообщающих о реальной ситуации, незначительное количество. В придаточной части уступительный союз 尽管 *цзиньгуань* маркирует уже произошедшее событие. В главной части используются наречие 照样 *чжаоян* (пример 16) или наречие 却 *цюэ* (пример 17), указывающие на то, что действие или событие происходят вопреки предположениям, описанным в придаточной части. Среди паремий исследуемого сборника союз 尽管 *цзиньгуань* может стоять до подлежащего (пример 16) или после подлежащего (пример 17).

3.2. Структура пословичных выражений уступительных СПП, в которых сообщается о некоторой гипотетической ситуации

(18) 即使把蛇装在竹管里, 它也永远不会变直 (484). Даже если змею положить в бамбуковую трубку, она всё равно никогда не сможет выпрямиться.

(19) 狼终究是狼, 即使它不吃你的羊 (608). Волк всё-таки волк, даже если он не ест твоих овец.

(20) 纵然是发臭的污泥, 里头也长荷花 (1599). Даже если это зловонная тина, всё равно в ней растут цветы лотоса.

(21) 纵然蜜蜂有黄斑, 谁能说它是猛虎 (1599). Даже если у пчелы есть желтые пятна, кто сможет сказать, что она свирепый тигр.

(22) 老马不迷路, 哪怕野草涂 (619). Старая лошадь не потеряет дорогу, даже если всё заросло бурьяном.

Сложноподчиненные пословичные предложения, выражающие уступительные отношения и сообщающие о некоторой гипотетической ситуации, представлены большим разнообразием грамматических конструкций и используемых в них союзов. Место придаточной части предложения, как правило, препозитивно, но возможен и обратный порядок следования главной и придаточной частей. В анализируемых пословичных выражениях встречаются союзы 即使 *цзиши*, 纵然 *цзунжань*, 哪怕 *напа*, указывающие на гипотетическое событие в прошлом или будущем, вопреки которому может произойти другое событие. В рассматриваемых предложениях союз 即使 *цзиши* сочетается с наречиями 也 *е* (пример 18) и 终究 *чжунцзю* (пример 19), союз 纵然 *цзунжань* также употребляется с наречием 也 *е* (пример 20), либо наречие может отсутствовать в главной части предложения (пример 21). В эмпирическом материале союз 即使 *цзиши* используется в основном в отрицательных пословичных предложениях (примеры 18 и 19). В пословицах, выражающих уступительные отношения, соотносятся две ситуации, указывается на их несовместимость, но в то же время констатируется сосуществование этих двух ситуаций.

4. Паремии – СПП, выражающие условные отношения

4.1. Структура пословичных выражений СПП с достаточным условием

(23) 只要有根, 就会开出花来; 只要有志, 就能做出事来 (1562). Нужны лишь корни, тогда цветы зацветут, нужна лишь воля, тогда сможешь многое сделать.

(24) 只要人有恒, 万事都可成 (1563). Нужно лишь, чтобы у человека было упорство, тогда и десять тысяч дел можно сделать.

(25) 只要足智多谋, 山羊也能战胜狮子 (1564). Если будет чуть больше ума и сообразительности, то и горный козел сможет победить льва.

(26) 小船赶大船, 只要几篙竿 (1306). Маленькие лодки догонят большой корабль, нужно лишь несколько бамбуковых шестов.

Анализ пословиц, выражающих достаточное условие, позволил выявить конструкцию с союзом 只要 *чжияо*, который занимает положение в начале придаточного предложения и вводит достаточное условие, необходимое для осуществления ситуации. В главном предложении используются наречия 就 *цзю* (пример 23), 都 *доу* (пример 24), 也 *е* (пример 25), которые стоят перед сказуемым, хотя в пословицах иногда могут и отсутствовать. В случае обратного соположения частей сложного предложения сначала идет главная часть, затем придаточная, оформленная союзом 只要 *чжияо*, в главной части предложения наречия не употребляются (пример 26).

4.2. Структура пословичных выражений СПП с необходимым условием

(27) 母牛只有到失去尾巴的时候, 才知道尾巴的价值 (744). Корова только если хвост потеряет, то тогда и узнает ему цену.

(28) 只有做得好, 才能吃得好 (1559). Если сделаешь хорошо, то и поесть сможешь хорошо.

В паремиологическом фонде китайского языка пословицы с семантикой необходимого условия представлены конструкцией, в начале придаточной части которой используется союз 只有 *чжю*. Данный союз маркирует необходимое условие для осуществления ситуации в главной части предложения. В примере (27) союз 只有 *чжю* занимает позицию после подлежащего, в главном предложении используется наречие 才 *цай*. В примере (28) функционирует сочетание 才 (能) *цай (нэн)*, подлежащее отсутствует, субъект действия не указан.

(29) 没有狠心, 不能做官 (711). Не имея жестокого сердца, невозможно быть чиновником.

(30) 失去双翼的鸟不能飞, 没有桨的船不能划 (1058). Птица, потерявшая крылья, не может летать, на лодке без вёсел невозможно плыть.

Анализируя конструкции со значением необходимого условия в публицистическом тексте, Т. Н. Никитина выделяет ее отрицательный вариант: 没有...就不可能 (不能) *мэйюцзю ... бу кэнэн (бунэн)* [Никитина, 2007, с. 140]. В паремиологическом материале нами также выявлены подобные примеры (29, 30).

4.3. Структура безусловных предложений пословичных выражений

(31) 不管黑猫白猫, 捉住老鼠的是好猫 (67). Неважно, черный кот или белый, хороший тот кот, который ловит мышей.

(32) 树不管长的多高, 它的根都是生长在土里 (1109). Каким бы высоким ни выросло дерево, его корни растут в земле.

(33) 不论包裹得多么巧妙, 臭东西总要发出臭味来 (57). Как бы ловко ни заворачивали, дрянные вещи всё-таки дурно пахнут.

(34) 花朵无论多么香, 它却没有果子那么甜 (442). Неважно, что цветок столь ароматен, но он не столь сладок, как его плод.

Одним из способов выражения безусловной семантики в анализируемых китайских паремиях является использование конструкции с союзами 不管 *бугуань*, 不论 *булунь*, 无论 *улунь*, занимающими позицию в начале придаточного предложения, до (пример 31) или после под-

лежащего (примеры 32 и 34). Придаточная часть сложного предложения указывает, что при любых условиях получится результат или ситуация, описанные в главном предложении. Соответственно, в главном предложении встречаются наречия 都 *доу* (пример 32), 总 *цзун* (пример 33) или 却 *цюэ* (пример 34). В ряде примеров исследуемого корпуса пословиц данные слова могут быть опущены (пример 31). В эмпирическом материале предложение обычно начинается с придаточной части. Союзы в сложных предложениях безусловной семантики могут располагаться либо до подлежащего (пример 31), либо после него (примеры 32 и 34).

4.4. Структура пословичных выражений СПП со значением гипотетического условия

(35) 如果每天挖掉一点泥土, 就是高山也能铲平 (971). Если каждый день копать понемногу землю, то даже и высокие горы можно сровнять.

(36) 如果是明珠, 放在哪里也闪光 (971). Если это жемчужина, то, куда ни положи, всё равно будет блестеть.

(37) 如果太阳消失, 星星代替不了太阳 (971). Если солнце исчезнет, то звезды не смогут заменить солнце.

(38) 锅里要是没有肉, 勺子也舀不上肉来 (374). Если в кастрюле нет мяса, то ложкой его не зачерпнуть.

(39) 锅盖倘若要揭早了, 小心吃上生米饭 (374). Если захочешь крышку кастрюли поднять пораньше, то остерегайся съесть сырой рис.

Анализ паремий показывает, что в пословицах со структурой сложноподчиненных предложений, выражающих гипотетическое условие, типичными союзами являются: 如果 *жуго* (примеры 35–37), 要是 *яоши* (пример 38) и 倘若 *танжо* (пример 39). Придаточная часть сложного предложения, выражающего условные отношения, занимает препозитивную позицию, хотя возможен и обратный порядок положения частей высказывания. В придаточной части пословичных предложений говорится о некой предполагаемой ситуации, при которой возможна новая ситуация или действие. В главной части предложения используются наречия 也 *е* (примеры 36 и 38) и 就 *цзю* (пример 35), обобщается возможный результат, описанный в придаточной части. В некоторых примерах эмпирического материала данные наречия могут опускаться (примеры 36 и 39). Обращает на себя внимание тот факт, что среди народных изречений анализируемого сборника паремий, выражающие условные отношения, наиболее многочисленны. Одна из причин этого заключается в том, что «условные союзы – это самый многочисленный класс союзов, употребляемых в сложном предложении современного китайского языка» [Горелов, 1989, с. 250].

5. Паремии – СПП, выражающие целевые отношения

5.1. Структура пословичных выражений СПП со значением положительной цели

(40) 为寻一文钱, 照完一支烛 (1233). Для того чтобы найти мелкую монетку, нужно сжечь свечу.

(41) 为了学会游泳, 必须钻进水中 (1233). Чтобы научиться плавать, нужно войти в воду.

(42) 鸟儿到处衔草, 为的是筑个温暖舒适的窝巢 (780). Пташка повсюду берет травинку, чтобы свить теплое и уютное гнездышко.

(43) 大雁高飞, 不是为了炫耀翅膀 (191). Дикий гусь высоко летит не для того, чтобы крыльями красоваться.

В сложных пословичных выражениях со значением положительной цели встречаются два структурных варианта. Для первого характерно, что в начале придаточного предложения, в котором дается указание на цель, стоят предлоги 为 *вэй* (пример 40) или 为了 *вэйлэ* (пример 41), в главном предложении описываются действия по достижению данной цели. Для второго варианта пословичных предложений со значением положительной цели характерно, что в главном предложении сначала описываются действия по достижению цели, затем, в придаточном предложении, дается указание на цель. В этом случае используются сле-

дующие союзные слова: 为的是 *вэйдэши* (пример 42) и 是为了 *шивэйлэ* (пример 43). Среди анализируемых пословиц со значением положительной цели примеры с союзными словами 以便 *ибянь*, 用以 *юньи*, 借以 *цзеи* нами не выявлены. Среди рассматриваемых пословичных выражений со значением положительной цели наиболее продуктивны конструкции первого варианта с предлогами 为 *вэй* (пример 40) и 为了 *вэйлэ* (пример 41).

5.2. Структура пословичных выражений СПП со значением отрицательной цели

(44) 饭后三百步, 免得肚皮疼 (284). После еды триста шагов, избежишь боли в животе.

(45) 舍得学来舍得问, 以免学习往后退 (1036). Готов учиться, будь готов и спрашивать, чтобы во время учебы не отступать.

(46) 晴天带雨伞, 以防万一 (882). В ясный день захватить зонтик, чтобы избежать досадных случайностей.

В пословичных сложных предложениях со значением отрицательной цели сначала располагается главная часть предложения. В ней описываются действия, которые необходимо предпринять, чтобы избежать последствий. Для придаточной части характерны союзные слова 免得 *мяньдэ* (пример 44), 以免 *имянь* (пример 45), 以防 *ифан* (пример 46), указывающие на неприятную цель, которую следует избежать.

6. Паремии – СПП со сцепленной структурой

(47) 谁怕豺狼, 谁就不敢上山 (1115). Кто боится шакалов, тот не осмелится подняться на гору.

(48) 到什么庙, 烧什么香 (219). В какой храм пойдешь, такие благовония и зажигай.

(49) 好汉永远热爱故土, 狗才哪里有食哪里去 (397). Добрый молодец всегда любит свою родину, а собака только, где есть еда, туда и пойдет.

(50) 龙头怎么摆, 龙尾怎么甩 (664). Как голова дракона машет, так и хвост дракона виляет.

В эмпирической выборке в сложных пословичных выражениях со сцепленной структурой встречаются следующие вопросительные местоимения: 谁 *шуй* (пример 47), 什么 *шэньмэ* (пример 48), 哪里 *нали* (пример 49), 怎么 *цзэньмэ* (пример 50), которые повторяются в обеих частях сложного предложения. В данных предложениях придаточная часть занимает препозицию. В первой части указываются условия осуществления действия или ситуации, во второй части предложения выделены объект, субъект или место, удовлетворяющие данным условиям. Использование наречий 就 *цзю* (пример 47) и 才 *цай* (пример 49) во второй части выражения не столь продуктивно для анализируемых паремий.

Заключение

В современной науке вопросы синтаксиса китайских паремий являются актуальными в настоящее время. Во многом это связано с неразработанностью вопросов типологии сложных предложений в отечественной синологии и противоречивостью мнений исследователей о выражении значений союзными словами. Пословицы, являясь законченными высказываниями, лексически и грамматически оформлены с соблюдением норм языка, поэтому не случайно, что для китайского паремиологического фонда характерно видовое разнообразие сложных конструкций, которые представлены бессоюзной, сочинительной и подчинительной связью. В эмпирическом материале представлены все типы пословичных предложений с подчинительной связью, из них наиболее частотны сложные предложения со значением условия. Многочисленность условных союзов китайского языка во многом определяет доминирование сложных пословичных предложений, выражающих условные отношения. Анализ пословиц показал, что не все союзы и союзные слова, характерные для СПП, встречаются в структуре паремий. Это объясняется тем, что некоторые союзные слова присущи письменной речи и, соответственно, не употребляются в устных народных высказываниях. В случае отсутствия субъекта действия в китайских паремиях подчеркивается обобщенность изрече-

ния, его различная адресная или временная направленность. Перспективами дальнейшего исследования является изучение сложносочиненных паремиологических высказываний, а также специфики функционирования в них союзов и союзных слов.

Список литературы

- Ван Цуй, Бочина Т. Г.** Каузативная конструкция в русском и китайском языках // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 7–12.
- Ван Чуньхуэй.** Типологическая классификация условных предложений китайского языка // Вестник Санкт-Петерб. гос. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2010. № 2. С. 174–185.
- Горелов В. И.** Теоретическая грамматика китайского языка: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1989. 318 с.
- Готлиб О. М.** Практическая грамматика современного китайского языка. М.: Муравей, 2002. 304 с.
- Ивченко Т. В.** Китайский язык. Полная грамматика в схемах и таблицах. М.: АСТ, 2021. 736 с.
- Карпека Д. А.** Синтаксис китайского языка: единицы и структуры. СПб.: Восточный экспресс, 2019. 504 с.
- Колпачкова Е. Н.** Клаузальные причинные конструкции в современном китайском языке // Причинные конструкции в языках мира (синхрония, диахрония, типология): Материалы Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 28–30 января 2021 г.) / Сост. Н. М. Заика. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 101–104.
- Никитина Т. Н.** Грамматика китайского публицистического текста: Учеб. пособие. СПб.: КАРО, 2007. 224 с.
- Рукавишникова О. И.** Специфика китайских союзов и союзных конструкций в тексте новостного сообщения // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 554–556.
- Син Фуи.** Грамматика китайского языка / [Пер. с кит. Е. Н. Колпачковой, А. В. Лебедевой, Н. А. Сомкиной, Е. Ю. Фокиной; науч. ред. пер. Е. Н. Колпачкова]. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. 764 с.
- Чередниченко О. А., Андросова С. В.** Особенности функционирования служебных слов 因为, 由于 в текстах разных жанров // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 164–175. DOI 10.22250/24107190_2023_9_2_164
- Шатравка А. В., Чередниченко О. А.** Грамматические особенности предлогов и союзов, передающие причинные и целевые отношения в современном китайском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Т. 2, № 4. С. 93–100. DOI 10.22250/24107190_2016_2_4_93_100
- Шутова Е. И.** Синтаксис современного китайского языка. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991. 391 с.
- Щичко В. Ф.** Практическая грамматика современного китайского языка. М.: Изд-во ВКН, 2018. 208 с.
- Лю Чуньгуан, Си Сюин.** Ханьюй тяоцзянь фуцзюй юйсюй бяода дэ сюаньцзэсин яньцзю [刘春光, 昔秀颖. 汉语条件复句语序表达的选择性研究]. Изучение выбора порядка слов в сложных предложениях условия китайского языка // Ханьюй сюэси [汉语学习]. Изучение китайского языка. 2020. № 6. С. 53–60. (на кит. яз.)
- Син Гунвань.** Шо ханьюй дэ «ляньсо фуцзюй» – Цзинянь «Юйянь цзяосюэ юй яньцзю» чуанкань у чжоу нянь [邢公畹. 说汉语的“连锁复句”——纪念《语言教学与研究》创刊五周年]. Разговор о сложных предложениях китайского языка «со сцепленной структурой» – К пятилетию со дня публикации журнала «Лингвистические исследования и обучение языкам» // Юйянь цзяосюэ юй яньцзю [语言教学与研究]. Лингвистические исследования и обучение языкам. 1984. № 3. С. 23–37. (на кит. яз.)

- Фань Лицзюнь.** Цзанмяньюй чжуаньчжэ фуцзюй гуаньянь бяоци дэ лэйсинсюэ тэчжэн: цзянь юй ханьюй бицзяо [范丽君. 藏缅语转折复句关联标记的类型学特征——兼与汉语比较]. Типологическая характеристика маркеров связи противительных сложных предложений в тибето-бирманских языках: сравнение с китайским языком // Миньцзу юй-вэнь [民族语文]. Национальные языки. 2020. № 2. С. 65–74. (на кит. яз.)
- Хуан Божун, Ляо Сюйдун.** Сяньдай ханьюй [黄伯荣, 廖序东. 现代汉语]. Современный китайский язык. Пекин: Гаодэн цзяоюй чубаньшэ, 2007. Т. 2. 337 с. (на кит. яз.)
- Чжу Фэн.** Ханьха иньго гуаньси фуцзюй дуйби яньцзю [朱峰. 汉哈因果关系复句对比研究]. Сопоставительное изучение сложных предложений причинно-следственной связи в китайском и казахском языках // Чжунго миньцзу болян [中国民族博览]. Этнографическое обозрение Китая. 2021. № 7 (14). С. 119–121. (на кит. яз.)
- Чжунго суюй яньюй ку** [中国俗语谚语库]. Сборник китайских народных изречений, пословиц и поговорок / Сост. Чжан Иньдун. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 2001. Т. 1–2. 1620 с. (на кит. яз.)

References

- Cherednichenko O. A., Androsova S. V.** Osobennosti funktsionirovaniya sluzhebnykh slov 因为, 由于 v tekstakh raznykh zhanrov [Functioning patterns of grammatical words 因为, 由于 in texts of different genres]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 2023, vol. 9, no. 2, pp. 164–175. (in Russ.) DOI 10.22250/24107190_2023_9_2_164
- Gorelov V. I.** Teoreticheskaya grammatika kitaiskogo yazyka [The Theory of Chinese Grammar]. Moscow, Prosveshchenie Press, 1989, 318 p. (in Russ.)
- Gotlib O. M.** Prakticheskaya grammatika sovremennogo kitaiskogo yazyka [Practical Grammar of Modern Chinese]. Moscow, Muravei, 2002, 304 p. (in Russ.)
- Ivchenko T. V.** Kitaiskii yazyk. Polnaya grammatika v skhemakh i tablitsakh [Chinese Language. Complete Grammar in Diagrams and Tables]. Moscow, Publishing House AST, 2021, 736 p. (in Russ.)
- Karpeka D. A.** Sintaksis kitaiskogo yazyka: edinitsey i struktury [Syntax of the Chinese Language: Units and Structures]. St. Petersburg, Vostochny Ekspress, 2019, 504 p. (in Russ.)
- Kolpachkova E. N.** Klauzal'nye prichinnye konstruktii v sovremennom kitaiskom yazyke [Clausal Constructions in Modern Chinese]. In: Zaika N. M. (comp.) Prichinnye konstruktii v yazykakh mira (sinkhroniya, diakhroniya, tipologiya) [Causal Constructions in the World's Languages (Synchrony, Diachrony, Typology)]. A Book of Abstracts (St. Petersburg, January 28–30, 2021). St. Petersburg, ILI RAN, 2020, pp. 101–104. (in Russ.)
- Nikitina T. N.** Grammatika kitaiskogo publitsisticheskogo teksta [Grammar of Chinese Publicistic Text]. Study Guide. St. Petersburg, KARO, 2007, 224 p. (in Russ.)
- Rukavishnikova O. I.** Spetsifika kitaiskikh soyuzov i soyuznykh konstruktii v tekste novostnogo soobshcheniya [Specificity of Chinese Conjunctions and Conjunction-Based Constructions in Newsletter Texts]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The World of Science, Culture and Education]*, 2021, vol. 2 (87), pp. 554–556. (in Russ.)
- Shatravka A. V., Cherednichenko O. A.** Grammaticheskie osobennosti predlogov i soyuzov, peredayushchie prichinnye i tselevye otnosheniya v sovremennom kitaiskom yazyke [Grammatical Features of Function Words Expressing the Relations of Reason and Purpose in Modern Chinese]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 2016, vol. 2, no. 4, pp. 93–100. (in Russ.) DOI 10.22250/2410-7190_2016_2_4_93_100
- Shchichko V. F.** Prakticheskaya grammatika sovremennogo kitayskogo yazyka [Practical Grammar of Modern Chinese Language]. Moscow, VKN Publ., 2018, 208 p. (in Russ.)
- Shutova E. I.** Sintaksis sovremennogo kitaiskogo yazyka [The Syntax of Modern Chinese]. Moscow, Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1991, 391 p. (in Russ.)

- Wang Chunhui.** Tipologicheskaya klassifikatsiya uslovykh predlozhenii kitaiskogo yazyka [Typological Classification of Chinese Conditional Sentences]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie. Afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian and African Studies], 2010, no. 2, pp. 174–185. (in Russ.)
- Wang Cui, Bochina T. G.** Kauzativnaya konstruktsiya v russkom i kitaiskom yazykakh [Causative Constructions in Russian and Chinese]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2014, vol. 3 (37), pp. 7–12. (in Russ.)
- Xing Fuyi.** Grammatika kitaiskogo yazyka [Chinese Grammar]. Translated by E. N. Kolpachkova A. V. Lebedeva, N. A. Somkina, E. Yu. Fokina. St. Petersburg, St. Petersburg Uni. Press, 2020, 764 p. (in Russ.)
- Fan Lijun.** Cangmianyu zhuanzhe fuju guanlian biaoji de leixingxue tezheng: jian yu hanyu bijiao [范丽君. 藏缅语转折复句关联标记的类型学特征——兼与汉语比较]. Typological Characteristics of Adversative Markers in Tibeto-Burman Compound Sentences: with a Comparison to Chinese. *Minzu yuwen* [民族语文]. *Minority Languages of China*, 2020, no. 2, pp. 65–74. (in Chin.)
- Huang Borong, Liao Xudong.** Xiandai haanyu [黄伯荣, 廖序东. 现代汉语]. Modern Chinese. Beijing, Gaodeng jiaoyu chubanshe, 2007, vol. 2, 337 p. (in Chin.)
- Liu Chunguang, Xi Xiuying.** Hanyu tiaojian fuju yuxu biaoda de xuanzhexing yanjiu [刘春光, 昔秀颖. 汉语条件复句语序表达的选择性研究]. A Study on the Clause Order of Conditional Complex Sentences in Mandarin. *Hanyu xuexi* [汉语学习]. *Chinese Language Learning*, 2020, no. 6, pp. 53–60. (in Chin.)
- Xing Gongwan.** Shuo hanyu de “liansuo fuju” – jinian “Yuyan jiaoxue yu yanjiu” chuangkan wu zhounian [邢公畹. 说汉语的“连锁复句”——纪念《语言教学与研究》创刊五周年]. Conversation about Chinese complex sentences “with concatenated structure”. On the occasion of the 5th anniversary of the publication of the journal “Linguistic Research and Language Teaching”. *Yuyan jiaoxue yu yanjiu* [语言教学与研究]. *Language Teaching and Linguistic Studies*, 1984, no. 3, pp. 23–37. (in Chin.)
- Zhongguo suyu yanyu ku** [中国俗语谚语库]. A Collection of Chinese Folk Wisdom, Proverbs and Sayings. Zhengzhou, Zhongzhou guji chubanshe, 2001, vol. 1–2, 1620 p. (in Chin.)
- Zhu Feng.** Hanha yinguo guanxi fuju duibi yanjiu [朱峰. 汉哈因果关系复句对比研究]. Comparative Study of Complex Causal Sentences in Chinese and Kazakh. *Zhongguo minzu bolan* [中国民族博览]. *China National Exhibition*, 2021, no. 7 (14), pp. 119–121. (in Chin.)

Информация об авторе

Ульяна Николаевна Решетнёва, кандидат филологических наук
Scopus Author ID 57216951608
RSCI Author ID 703778
SPIN 9334-0591

Information about the Author

Uliana N. Reshetneva, Candidate of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57216951608
RSCI Author ID 703778
SPIN 9334-0591

Статья поступила в редакцию 28.08.2022;
одобрена после рецензирования 06.01.2023; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted on 28.08.2022;
approved after review on 06.01.2023; accepted for publication on 10.02.2024

Обзорная статья

УДК 930.2

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-55-64

Саньсиндуй в историографии Республики Корея

Анастасия Леонидовна Нестеркина

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

a.l.subbotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3703-1527>

Аннотация

Рассмотрена степень изученности в историографии Республики Корея эпонимного памятника культуры Саньсиндуй, распространенной в пров. Сычуань КНР. Саньсиндуй вошел в мировую историографию благодаря находкам ритуальных бронзовых предметов – масок-личин, антропоморфных статуй, «священных деревьев» и др. В результате анализа публикаций южнокорейских исследователей, изданных на корейском языке в Республике Корея, можно сделать вывод, что Саньсиндуй в южнокорейской историографии не остался без внимания. Основные виды публикаций материалов Саньсиндуй – отдельные разделы в обобщающих работах по истории и культуре Китая, а также статьи по мифологии и лингвистике древнего Китая и Восточной Азии в целом. Отражениям мифологических образов в культуре Саньсиндуй посвящена целая серия научно-исследовательских проектов под руководством профессоров Ким Хёнджа (Женский университет Ихва) и Ким Сонджа (Университет Ёнсе). В Республике Корея защищено две магистерских диссертации, в которых материалы Саньсиндуй привлекались для решения задач прикладного характера.

Ключевые слова

памятник Саньсиндуй, культура Саньсиндуй, ритуальные бронзы, Республика Корея, историография

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01554, <https://rscf.ru/project/24-28-01554>

Для цитирования

Нестеркина А.Л. Саньсиндуй в историографии Республики Корея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 55–64. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-55-64

Sanxingdui in the Historiography of the Republic of Korea

Anastasia L. Nesterkina

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

a.l.subbotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3703-1527>

Abstract

The purpose of this article is to analyze the degree of archaeological and scientific knowledge on the territory of the Republic of Korea of the site and culture of Sanxingdui, discovered in 1986 in the Sichuan province of the People's Republic of China. The Sanxingdui site entered world historiography due to the finds of magnificent bronze objects – such as face masks, human statues and “sacred trees”. The sources of the work were 28 printed works published in the Republic of Korea, the authors or translators of which were South Korean specialists. As a result of the analysis of South Korean publications that used materials from the Sanxingdui site or culture, the following conclusions can be drawn. The site and culture of Sanxingdui did not go without deserved attention in South Korean historiography.

© Нестеркина А. Л., 2024

The main types of publication of Sanxingdui materials are chapters in general works on the history and culture of ancient China, as well as articles on Chinese and East Asian mythology and linguistics. A whole series of research projects under the leadership of Professors Kim Hyunja and Kim Seonja is devoted to the reflection of mythological images in the Sanxingdui culture. Also in the Republic of Korea, two Masters thesis were defended in which materials from the Sanxingdui site were used to solve applied problems. The site and culture of Sanxingdui have left a clear mark on South Korean historiography, though not always original.

Keywords

Sanxingdui site, Sanxingdui culture, ritual bronzes, Republic of Korea, historiography

Acknowledgements

This study was funded by the Russian Scientific Foundation (RSF), project no. 24-28-01554, <https://rscf.ru/project/24-28-01554>

For citation

Nesterkina A. L. Sanxingdui in the Historiography of the Republic of Korea. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 55–64. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-55-64

Введение

Саньсиндуй – археологическая культура эпохи бронзы, распространенная на равнине Чуаньси, что в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Эпонимный памятник, городище площадью около 12 кв. км, находится в уезде Гуанхань. Первые археологические находки там были сделаны еще в 1929 г. Памятник неоднократно исследовался, но, поскольку металла в ходе раскопок встречено не было, считался вполне заурядным. Только летом 1986 г. при разработке глиняного карьера, расположенного на территории городища, оказались случайно открыты две так называемые жертвенные ямы, заполненные многими сотнями обожженных бронзовых изделий и десятками слоновьих бивней [Варенов, Гирченко, 2012, с. 10–12; 2013, с. 19–20]. С тех пор Саньсиндуй получил общенациональную известность и был признан крупнейшим археологическим открытием года в Китае. Когда выставка ритуальных бронз Саньсиндуя объехала многие страны мира, их слава стала общемировой, а само городище было объявлено объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО.

На корейском языке Саньсиндуй (三星堆) читается как 삼성퇴 / 썌싱두이 / 산싱뚜이 (Самсонхве / Ссансиндуи / Сансиндуи). В историографии Республики Корея, как и в общемировой историографии, этот памятник получил заслуженное внимание. Согласно базе данных RISS (Research Information Service System), в которой собраны все научные труды, вышедшие в свет на территории Республики Корея, памятник Саньсиндуй и одноименная культура эпохи бронзы упоминаются в общей сложности в 65 печатных изданиях: в 35 монографиях, 16 научных статьях, 8 диссертациях, 6 отчетах по научно-исследовательским проектам. Данная статья рассматривает наиболее информативные научные работы, опубликованные в Республике Корея представителями национальной историографии, в которых упоминается Саньсиндуй. Всего выявлено 24 публикации, в том числе семь монографий, шесть отчетов по научно-исследовательским проектам, 11 статей и две диссертации. В результате анализа этой публикационной активности можно будет сделать выводы о проблематике корейских исследований, посвященных Саньсиндую.

Главы и разделы в обобщающих монографиях и научные отчеты по исследовательским проектам

Первым в 2000 г. увидел свет труд «Исследования по китайской археологии: введение в археологию Китая», состоящий из шести глав, в которых обобщены материалы лекций профессора факультета археологии Гуманитарного колледжа Пусанского национального университета Чан Хандока (장한덕). Хронологические рамки работы охватывают период от палеолита до культуры нижнего слоя Сяцзянянь. Саньсиндую посвящена глава 5 «Культура Саньсиндуй», включающая три раздела: небольшое «Введение», «Бронзовые изделия куль-

туры Саньсиндуй» и «Культура Саньсиндуй и древнее царство Шу» [Чан Хандок, 2000, с. 359–366].

В 2003 г. опубликована работа «Происхождение и развитие древнекитайской цивилизации» профессора факультета истории Университета Сонгюнган Лим Бёндок (임병덕). Его книга состоит из шести глав, описывающих период от зарождения цивилизации на территории современного Китая (от палеолита) до войны царств Чу и Хань в III в. до н. э. Саньсиндую посвящена глава 3 «Культура бронзы на западе пров. Сычуань», состоящая из семи разделов. В первом приводятся общие сведения о культуре Саньсиндуй, в четырех последующих описаны наиболее яркие ее составляющие (бронзовая статуя стоящего человека в натуральную величину, скульптурные изображения человеческих голов, бронзовые маски-личины, бронзовое «священное дерево», золотые и нефритовые изделия). Два заключительных раздела посвящены реконструкции связей культуры Саньсиндуй с синхронными культурами в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзы [Лим Бёндок, 2003, с. 79–94].

В 2004 г. опубликована монография профессора факультета Азии и Среднего Востока Института иностранных языков Университета Тангук Лим Гёнхи (임경희) «Историко-культурное наследие Китая». Ее книга представляет собой подобие справочника-путеводителя, включающего разделы по отдельным, наиболее значимым, с точки зрения автора, в историко-культурном плане, городам и регионам Китая: его современной столице Пекину, г. Чэндэ в пров. Хэбэй, городам Аньян и Лоян в пров. Хэнань, г. Сиань в пров. Шэньси, оазису Дуньхуан в пров. Ганьсу, тибетской Лхасе, г. Лицзян в пров. Юньнань, г. Сучжоу в пров. Цзянсу и др. Глава VII посвящена историко-культурному наследию «Края небесного изобилия» – пров. Сычуань. Раздел 3 озаглавлен «Открытие памятника Саньсиндуй и новая трактовка истории древнего царства Шу» [Лим Гёнхи, 2004, с. 148–150].

В 2006 г. переведена на корейский язык и опубликована в Южной Корее работа китайского автора Юэ Наня (岳南) «Культура бронзы Саньсиндуй». Монография состоит из двух томов, каждый из которых насчитывает более 300 страниц. Автор долгое время проработал журналистом. В этом качестве он посетил множество археологических раскопок, где смог пообщаться с известными китайскими специалистами-археологами. Как следует из аннотации к книге, в ней «через уникальные находки, сделанные на памятнике Саньсиндуй, ярко и реалистично обрисован образ древнего царства Шу, а также подчеркнута огромная значимость памятников Саньсиндуй и Цзиньша для разгадки тайны внезапно исчезнувшей великолепной культуры Саньсиндуй». На сегодняшний день монография Юэ Наня остается единственным специальным, пусть и научно-популярным, монографическим изданием о культуре Саньсиндуй, вышедшим в Республике Корея [Юэ Нань, 2006].

В 2011 г. увидела свет четырехтомная «История китайского искусства», подготовленная к печати большим коллективом китайских и корейских исследователей. Культуре Саньсиндуй в этом труде отведен раздел в томе 1, озаглавленный «Бронзовые антропоморфные статуи Саньсиндуй» [Чунгук мисульса, 2011, с. 232–246].

Новая монография «От цивилизации в долине Хуанхэ до возникновения империи», содержащая раздел по материалам Саньсиндуй, опубликована в 2020 г. профессором факультета истории Университета Чоннам Ли Сонвоном (이성원). Ее хронологические рамки охватывают период истории Китая от первых неолитических «цивилизаций» до империи Хань (III в. н. э.). Культуре Саньсиндуй посвящена глава 6 «Исчезнувшая цивилизация в долине р. Янцзы: цивилизация Саньсиндуй и царство Шу» [Ли Сонвон, 2020a].

В Корее также реализовано несколько научно-исследовательских проектов по материалам культуры Саньсиндуй. В 2002 г. представлен первый отчет по научно-исследовательскому проекту «Священная власть китайских правителей: мифология, ритуал, символика», выполненному при поддержке Национального исследовательского фонда Республики Корея (한국연구재단, National Research Foundation of Korea). Руководство проектом осуществляла профессор факультета корейского языка и литературы Гуманитарного колледжа Женского

университета Ихва Ким Хёнджа (김현자). Проведенное в рамках проекта исследование посвящено китайской мифологии, связанной с образом «священного дерева», материальное воплощение которого, как считается, обнаружено на памятнике Саньсиндуй. Предпринята попытка установления связи образа «священного дерева» с солярной мифологией и императорской властью в древнем Китае ¹.

В последующие три года коллективом под руководством профессора Ким Хёнджа была продолжена работа по изучению китайской мифологии и ее связи с коллекцией находок из Саньсиндуй. В 2004–2006 гг. при финансовой поддержке Национального исследовательского фонда Республики Корея ими реализован проект «Солярные верования в Древнем Китае: мифология, ритуал, символика». Ключевую роль в проведенном исследовании сыграли обнаруженные на памятнике Саньсиндуй два отлитых из бронзы «священных дерева» ².

В 2004–2005 г. под руководством профессора факультета китайского языка и литературы Университета Ёнсе Ким Сонджа (김선자) успешно завершён ещё один научно-исследовательский проект по китайской мифологии под названием «Китайская мифология по данным иконографии: от петроглифов до Саньсиндуй». В ходе работы над проектом был выделен пласт изображений, относящихся, как считали исследователи, к древнейшей изобразительной традиции в Китае – рисунки рыб, солнца и птиц. В изображениях солнца и птиц среди находок из Саньсиндуй они усмотрели связь с шаманскими верованиями ³. По итогам реализации проекта в периодическом издании «Сборник статей по китайской филологии и литературоведению» Ким Сонджа опубликовала статью, представляющую основные результаты проделанной работы [Ким Сонджа, 2006].

¹ Ким Хёнджа. Кодэ Чунгуг-ый синсон вангвон, кы синхва-ва ыйре мит санджинмуль [고대 중국의 신성 왕권, 그 신화와 의례 및 상징물]. Священная власть китайских правителей: мифология, ритуал, символика. Сеул: Хангук ёнгу чэдан, 2003. (на кор. яз.) URL: https://www-riss-kr-ssl.openlink.khu.ac.kr/search/detail/DetailView.do?p_mat_type=695c7ada7e580906&control_no=478afb08e3ab863f&keyword=%EC%82%BC%EC%84%B1%ED%87%B4 (дата обращения 06.02.2024).

² Ким Хёнджа. Кодэ Чунгуг-ый тхэян синан, кы синхва-ва ыйре мит санджинмуль [고대 중국의 태양 신앙, 그 신화와 의례 및 상징물]. Солярные верования в древнем Китае: мифология, ритуал, символика. Сеул: Хангук ёнгу чэдан, 2004. (на кор. яз.) URL: https://www-riss-kr-ssl.openlink.khu.ac.kr/search/detail/DetailView.do?p_mat_type=695c7ada7e580906&control_no=4a209e2a20a3fe01&keyword=%EC%82%BC%EC%84%B1%ED%87%B4 (дата обращения 06.02.2024).

Ким Хёнджа. Кодэ Чунгуг-ый тхэян синан, кы синхва-ва ыйре мит санджинмуль (чунган погосо) [고대 중국의 태양 신앙, 그 신화와 의례 및 상징물 (중간보고서)]. Солярные верования в древнем Китае: мифология, ритуал, символика (промежуточный отчет). Сеул: Хангук ёнгу чэдан, 2005. (на кор. яз.) URL: https://www-riss-kr-ssl.openlink.khu.ac.kr/search/detail/DetailView.do?p_mat_type=695c7ada7e580906&control_no=dfc7de6ae6a65a2c&keyword=%EC%82%BC%EC%84%B1%ED%87%B4 (дата обращения 06.02.2024).

Ким Хёнджа. Кодэ Чунгуг-ый тхэян синан, кы синхва-ва ыйре мит санджинмуль (чунган погосо) [고대 중국의 태양 신앙, 그 신화와 의례 및 상징물 (결과보고서)]. Солярные верования в Древнем Китае: мифология, ритуал, символика (итоговый отчет). Сеул: Хангук ёнгу чэдан, 2006. (на кор. яз.) URL: https://www-riss-kr-ssl.openlink.khu.ac.kr/search/detail/DetailView.do?p_mat_type=695c7ada7e580906&control_no=127a4f589c36b108&keyword=%EC%82%BC%EC%84%B1%ED%87%B4 (дата обращения 06.02.2024).

³ Ким Сонджа. Тосан-ыйро пон Чунгук синхва: амгаххва-эсо Самсонтхве-ккаджи [圖像으로 본 중국신화 — 岩刻畫에서 三星堆까지]. Китайская мифология в иконографии: от петроглифов до Саньсиндуй. Сеул: Хангук ёнгу чэдан, 2004. (на кор. яз.) URL: https://www-riss-kr-ssl.openlink.khu.ac.kr/search/detail/DetailView.do?p_mat_type=695c7ada7e580906&control_no=eba500d4d15478ff&keyword=%EC%82%BC%EC%84%B1%ED%87%B4 (дата обращения 06.02.2024).

Ким Сонджа. Тосан-ыйро пон Чунгук синхва: амгаххва-эсо Самсонтхве-ккаджи [圖像으로 본 중국신화 — 岩刻畫에서 三星堆까지]. Китайская мифология в иконографии: от петроглифов до Саньсиндуй. Сеул: Хангук ёнгу чэдан, 2005. (на кор. яз.) URL: https://www-riss-kr-ssl.openlink.khu.ac.kr/search/detail/DetailView.do?p_mat_type=695c7ada7e580906&control_no=4cda62354340bd57&keyword=%EC%82%BC%EC%84%B1%ED%87%B4 (дата обращения 06.02.2024).

Статьи и диссертации о Саньсиндуге

Помимо разделов в обобщающих трудах и единственной специальной, пусть и переводной с китайского языка, научно-популярной монографии в Республике Корея издано несколько статей, посвященных Саньсиндугу. В 2002 г. в журнале «Изучение шаманизма» выходит статья профессора факультета культурной антропологии Университета Ханъян Ан Синвона (안신원) «Исследование жертвенных ям памятника Саньсиндуй в пров. Сычуань». В ней рассматривается связь обнаруженных в Саньсиндуге жертвенных ям с коллективной ритуальной деятельностью древнего населения пров. Сычуань [Ан Синвон, 2002].

В 2004 г. опубликована статья профессора факультета истории Востока Сеульского национального университета Ким Бёнджуна (김병준) «Улыбка духа, радость святого: пересмотр концепции святости в культуре Древнего Китая». В статье проводится анализ изображений ртов у антропоморфных масок из Саньсиндуга. Автор приходит к выводу, что растянутые в подобии улыбки рты этих масок символизировали «веселого» духа, а сами маски использовались в обрядах изгнания духов злых [Ким Бёнджун, 2004].

В 2007 г. в журнале «Китаеведение» издана статья профессора факультета китайского языка и литературы Университета Тонгук Пак Сокхона (박석홍) «Бронзовые маски с вертикальными глазами из Саньсиндуга и шанская письменность», в которой анализируется связь формы глаз у масок из Саньсиндуга со знаком глаза в шанской письменности [Пак Сокхон, 2007]. В 2012 г. в периодическом издании «Исследования по китайской литературе» опубликована другая статья этого же исследователя – «Значение глаза и взгляда у бронзовых масок культуры Шу». В этой работе оформление глаз у масок с вертикальными зрачками в культуре Саньсиндуй рассматривается как доказательство существования обычая поклонения солнцу у жителей царства Шу и, вероятно, как прототип солярного письменного знака [Пак Сокхон, 2012].

В 2010 г. в журнале «Культура Японии» издана статья профессора факультета японского языка и литературы Гуманитарного колледжа Университета Корё Ким Чхэсу (김채수) под названием «Нагорья и Великий шелковый путь». По мнению автора, большая часть указанного торгового маршрута пролегла через различные нагорья, которые становились центрами культурных контактов. Материал культуры Саньсиндуй приводится в качестве доказательства этой теории. Автор пытается объяснить происхождение культуры Саньсиндуй влиянием со стороны культур Тибетского и Памирского нагорий [Ким Чхэсу, 2010]. Теория нагорий как центров культурных контактов получила дальнейшее развитие в изданной в 2013 г. монографии профессора Ким Чхэсу «Теория Алтайской цивилизации». В ней приводятся доказательства того, что культура Саньсиндуй сформировалась благодаря контактам с культурами Евразийских нагорий [Ким Чхэсу, 2013].

В 2014 г. в «Сборнике статей по гуманитарным наукам» опубликована работа профессора отделения китайского языка и литературы факультета китаеведения Университета Чхонджу Юн Сун (윤순) «Бронзовое священное дерево из Саньсиндуга и его интерпретация в связи с записью о 10 солнцах из “Шань хай цзина”» [Юн Сун, 2014].

В 2020 г. в периодическом издании «Историческая наука в Тэгугу» издана статья профессора факультета истории Университета Чоннам Ли Сонвона (이성원) «Полифункциональность бронзовых изделий в Древнем Китае», в которой рассматриваются различные функции бронзовых изделий в древнекитайской культуре: оружие, в том числе и церемониальное, ритуальные сосуды, музыкальные инструменты и т. д. Не оставлены без внимания и бронзовые статуи людей в натуральную величину. Предполагается, что они использовались в царстве Шу в коллективных ритуалах поклонения предкам [Ли Сонвон, 2020].

Также в 2020 г. в журнале «Китаеведение» издана статья профессора факультета китайского языка и литературы Университета Чонбук Мун Хеджон (문혜정) «Исследование мифа

о Цань Цуне в царстве Шу» (蜀地 ‘蠶叢’ 신화 연구). Автор полагает, что многие находки из Саньсиндую связаны с мифом о Цань Цуне как предке-основателе царства Шу. Кроме того, Цань Цун известен как основатель шелководства, поэтому изучение мифов, связанных с этим героем, может прояснить многие вопросы не только китайской, но и корейской истории, в частности вопрос о возникновении шелководства в корейской культуре [Мун Хеджон, 2020].

В 2021 г. в журнале «Востоковедение» опубликована статья профессора факультета истории Университета Тангук Сим Джэхуна (심재훈) «Движение цивилизации на восток и появление образа грифона в Китае». В статье отмечается, что образ грифона появляется в Китае намного раньше, чем принято считать, т. е. уже в XII в. до н. э. На территорию Китая этот образ проник в результате контактов с западными соседями. К формированию образа грифона непосредственно на территории Китая имеют отношение находки «священных деревьев», птиц и статуй крылатых людей на памятнике Саньсиндуй [Сим Джэхун, 2021].

Большой интерес представляет опубликованная в 2022 г. в периодическом издании «Исследования по культуре Кореи» статья профессора факультета истории и культурологии Университета Ульсан Чон Хотхэ (전호태) «Идея глаз на петроглифах Мулььянни в у. Санджу и в древней культуре Кореи», в которой отмечается, что изображения основного пласта на петроглифах Мулььянни в у. Санджу (бассейн р. Нактонган) представляют собой глаза. Автор считает, что изображения глаз на корейских петроглифах сопоставимы с идеей глаза в других культурах, в том числе в культуре Саньсиндуй [Чон Хотхэ, 2022].

По тематике культуры Саньсиндуй в Республике Корея защищено несколько диссертаций. Авторами работ являются преимущественно соискатели – граждане КНР, прошедшие обучение в магистратуре и аспирантуре в университетах Республики Корея. Специальные квалификационные работы, посвященные материалам памятника или культуры Саньсиндуй, написанные гражданами Республики Корея, отсутствуют. Однако материалы Саньсиндую часто используются в квалификационных работах корейцев для решения напрямую не связанных с археологией прикладных проблем. В 2007 г. Чхве Дэгю (최대규) в Университете Хонгик защищена магистерская диссертация по специальности «промышленное керамическое производство». Тема квалификационной работы сформулирована так: «Изучение влияния древних китайских бронз на современное керамическое производство», в работе имеется раздел «Бронзовые статуи Саньсиндую» [Чхве Дэгю, 2007, с. 18–23]. Еще один показательный пример – защищенная в Университете Кёнхи в 2014 г. по специальности «Науки о жилой среде» магистерская диссертация Ли Мённо (이명노) «Особенности выражения китайской и местной традиционной культуры в ресторанах сычуаньской кухни». В работе показано, что культура Саньсиндуй стала «визитной карточкой» пров. Сычуань, а реплики находок с одноименного памятника нередко являются частью интерьеров ресторанов сычуаньской кухни [Ли Мённо, 2014].

Заключение

В результате анализа публикационной активности и тематики работ южнокорейских исследователей, посвященных Саньсиндую, можно сделать следующие выводы. Интерес к памятнику и культуре в целом в южнокорейской историографии возникает довольно поздно – первая работа, представляющая собой раздел монографии общеоисторического содержания, опубликована только в 2000 г., через 14 лет после обнаружения в Саньсиндую жертвенных ям с ритуальными бронзами. Возможно, такая ситуация связана с традицией южнокорейской исторической науки, приоритетным направлением которой является изучение историко-культурного наследия Кореи. Несмотря на позднее обращение корейских ученых к материалам Саньсиндую, с 2000 по 2022 г. опубликовано 65 печатных работ. Материалы культуры Саньсиндуй упоминались на страницах 35 монографий, 16 научных статей, 6 отчетов о выполнении научно-исследовательских проектов и 8 диссертаций.

Анализ тематики опубликованных работ позволяет сделать вывод о том, что в обнаруженных в Саньсиндуге ритуальных бронзах южнокорейские авторы ищут истоки различных мифологических сюжетов (солярных мифов, мифологем «священного дерева», глаза), шаманских представлений и верований, культа предков, письменных знаков, а также истоки самой культуры Саньсиндуй и доказательства ее связей с предшествующими и синхронными культурами Китая и Евразии в целом. Можно заключить, что памятник и культура Саньсиндуй оставили отчетливый след в корейской историографии, пусть далеко не всегда оригинальный.

Список литературы

- Варенов А. В., Гирченко Е. А.** Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуга и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4: Востоковедение. С. 10–19.
- Варенов А. В., Гирченко Е. А.** Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндуга // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 4: Востоковедение. С. 19–30.
- Ан Синвон.** Сачхон Самсонхва чеса юджог-ый сонгёг-э тэхаё [사천 삼성퇴(三星堆) 제사갱유적(祭祀坑遺蹟)의 성격에 대하여 // 샤머니즘연구]. Исследование жертвенных ям Саньсиндуга // Сямониджымы ёнгу. 2002. Т. 4. С. 431–457. (на кор. яз.)
- Ким Бёнджун.** Син-ый усым, сонъин-ый ак: Чунгук кодэ синсон кэньём-ый чэгомтхэ [神의 웃음, 聖人の 樂 - 中國 古代 神聖 개념의 재검토 // 東洋史學研究]. Улыбка духа, радость святого – Пересмотр концепции святости в культуре Древнего Китая // Тонъян сахак ёнгу. 2004. Т. 86. С. 1–43. (на кор. яз.)
- Ким Сонджа.** Тосан-ыйро пон Чунгук синхва: амгахва-эсо Самсонхва-ккаджи [圖像으로 본 중국신화 — 岩刻畵에서 三星堆까지 // 중국어문학논집]. Китайская мифология в иконологии: от петроглифов до Саньсиндуга // Чунгуго мунхак нонмунджип. 2006. № 40. С. 393–431. (на кор. яз.)
- Ким Чхэсу.** Силкхы роды-ва ковоп [실크로드와 고원 // 일본문화학보]. Нагорья и Великий шелковый путь // Ильбон мунхва хагбо. 2010. № 46. С. 363–390. (на кор. яз.)
- Ким Чхэсу.** Алтхай мунмённон [알타이 문명론]. Теория Алтайской цивилизации. Сеул: Пак Иджон, 2013. 729 с. (на кор. яз.)
- Ли Сонвон.** Хванха мунмён-эсо чегуг-ый чхульхён-ккаджи [황하문명에서 제국의 출현까지]. От цивилизации в долине Хуанхэ до возникновения империи. Кванджу: Maronie, 2020a. 263 с. (на кор. яз.)
- Ли Сонвон.** Кодэ Чунгук чхондонги-ый тачхын-джок хамый [고대 중국 청동기의 다층적 함의 // 대구사학]. Полифункциональность бронзовых изделий в Древнем Китае // Тэгу сахак. 2020b. Т. 140. С. 245–288. (на кор. яз.)
- Ли Мённо.** Сачхонсик лесытхоран-ый Чунгук мит чиёк мунхва пхёхён тхыксон ёнгу [사천식 레스토랑의 중국 및 지역문화 표현 특성 연구]. Особенности выражения китайской и местной традиционной культуры в ресторанах сычуаньской кухни: Дис. ... магистр. Сеул: Ун-т Кёнхи, 2014. 96 с. (на кор. яз.)
- Лим Бёндок.** Чунгук кодэ мунмён-ый кивон-гва чонгэ [중국고대문명의 기원과 전개]. Происхождение и развитие древнекитайской цивилизации. Тэджон: Мунгён чхульпханса, 2003. 203 с. (на кор. яз.)
- Лим Гёнхи.** Чунгуг-ый ёкса мунхва юсан [중국의 역사문화유산]. Историко-культурное наследие Китая. Сеул: Тусоль, 2004. 220 с. (на кор. яз.)
- Мун Хеджон.** Чхогджи Чамчхон синхва ёнгу [蜀地 ‘蠶叢’ 신화 연구 // 중국학]. Исследование мифа о Цань Цуне в царстве Шу // Чунгук хагбо. 2021. Т. 70. С. 387–402. (на кор. яз.)

- Пак Сокхон.** Сандэ мунджа-рыль тхонхан Самсонхве «чонмок чхондон инмёнсан» кочхаль [상대문자(商代文字)를 통한 삼성퇴(三星堆) "중목청동인면상(縱目青銅人面像)" 고찰(考察) // 중국학보]. Бронзовые маски с вертикальными глазами из Саньсиндуя и шанская письменность // Чунгук хагбо. 2007. Т. 55. С. 51–67. (на кор. яз.)
- Пак Сокхон.** Кочхок мунхва чхондон чонмок инмёнсан-ый нун-гва сисон-ый хамый сого [古蜀文化(고촉문화) 青銅縱目人面像(청동중목인면상)의 눈과 시선의 함의(함의) 小考(소고) // 中國文學研究]. Значение глаза и взгляда у бронзовых масок культуры Шу // Чунгук мунхак ёнгу. 2012. Т. 46. С. 261–279. (на кор. яз.)
- Сим Джэхун.** Чунгуг-э натханан кырипхин-ква мунмён-ый тонджин [중국에 나타난 그리핀과 문명의 동진 // 동양학]. Движение цивилизации на восток и появление образа грифона в Китае // Тонъянхак. 2021. № 83. С. 247–271. (на кор. яз.)
- Чан Хандок.** Чунгук когохак ёнгу: Чунгук когохаг-ый кильджаби [中國 考古學 研究: 중국 고고학의 길잡이]. Исследования по китайской археологии: введение в археологию Китая. Сеул: Хагён мунхваса, 2000. 383 с. (на кор. яз.)
- Чон Хотхэ.** Санджу Мульянни амгаххва-ро пон сонса мит кодэ Хангуг-ый нун кваннём [상주 물랑리암각화로 본 선사 및 고대 한국의 눈 관념 // 한국문화연구]. Идея глаз на петроглифах Мульянни в уезде Санджу и в древней культуре Кореи // Хангук мунхва ёнгу. 2022. Т. 43. С. 7–37. (на кор. яз.)
- Чунгук мисульса 1 [중국미술사 1]. История китайского искусства. Т. 1. Сеул: Тарын сэнгак, 2011. 649 с. (на кор. яз.)
- Чхве Дэгю.** Чунгук кодэ чхондонги-рыль соджэ-ро хан тоджа чохён ёнгу [中國 古代 青銅器를 소재로 한 陶器造形 研究]. Изучение влияния древних китайских бронз на современное керамическое производство: Дис. ... магистр. Сеул: Ун-т Хонъик, 2007. 46 с. (на кор. яз.)
- Юн Сун.** Самсонхве чхондон синсу-ва сибиль синхва: «Санхэгён»-ый «сибиль»-э кванхан киджэ-рыль чунсим-ыйро [三星堆 青銅神樹와十日神話: 『山海經』의 ‘十日’에 관한 記載를 중심으로 // 인문과학논집]. Бронзовое священное дерево из Саньсиндуя и его интерпретация в связи с записью о 10 солнцах из «Шанхайцзин» // Инмун квахак нонджип. 2014. Т. 48. С. 237–260. (на кор. яз.)
- Юэ Нань.** Самсонхве-ый чхондон мунмён 1 [삼성퇴의 청동문명 1, 2]. Культура эпохи бронзы Саньсиндуй. Сеул: Ильбит, 2006. Т. 1. 385 с.; Т. 2. 378 с. (на кор. яз.)

References

- Ahn Shinwon.** Sacheon Samseongtoe jesagaen gyujeok-ui seonggyeog-e daehayeo [사천 삼성퇴 (三星堆) 제사갱유적(祭祀坑遺蹟)의 성격에 대하여 // 샤머니즘연구]. Study of Sanxingdui ritual pits. *Syameonijeum yeongu*, 2002, vol. 4, pp. 431–457. (in Kor.)
- Choi Daegyul.** Jungguk godae cheongdonggi-reul sojae-ro han doja johyeong yeongu [中國 古代 青銅器를 소재로 한 陶器造形 研究]. Studying the influence of ancient Chinese bronzes on modern ceramic production: Masters Thesis. Seoul, Hongik University, 2007, 46 p. (in Kor.)
- Jang Handeok.** Jungguk gogohak yeongu: jungguk gogohagui giljabi [中國 考古學 研究: 중국 고고학의 길잡이]. Studies in Chinese Archaeology: An Introduction to the Archeology of China. Seoul, Hagyeon munhwasa, 2000, 383 p. (in Kor.)
- Jeon Hotaе.** Sangju Mullyang-ri amgakhwa-ro bon seonsa mit godae hangug-ui nun gwannyeom [상주 물랑리암각화로 본 선사 및 고대 한국의 눈 관념 // 한국문화연구]. The eye idea in Prehistoric and Ancient Korea as seen in Sangju Mulryang-ri Petroglyphs. *Hanguk munhwa yeongu*, 2022, vol. 43, pp. 7–37. (in Kor.)

- Jungguk misulsa 1 [중국미술사 1]. Art of China, vol. 1. Seoul: Dareun saenggak, 2011, 649 p. (in Kor.)
- Kim Byeongjun.** Sin-ui useum, seongin-ui ak: Jungguk godae sinseong gaenyeom-ui jaeggeomto [신의 웃음, 聖人の樂 - 中國 古代 神聖 개념의 재검토 // 東洋史學研究]. The Smile of the Spirit, the Joy of the Saint Revisiting the Concept of Holiness in the Culture of Ancient China. *Dongyang sahak yeongu*, 2004, vol. 86, pp. 1–43. (in Kor.)
- Kim Chaesu.** Silkeurodeu-wa gowon [실크로드와 고원 // 일본문화학보]. Highlands and the Great Silk Road. *Ilbon munhwa hakbo*, 2010, no. 46, pp. 363–390. (in Kor.)
- Kim Chaesu.** Altai munmyeongron [알타이 문명론]. On Altai civilization. Seoul, Park Ijeong, 2013, 729 p. (in Kor.)
- Kim Seonja.** Dosangeuro bon jungguk sinhwa: amgakhwa-eseo Samseongtoe-kkaji [圖像으로 본 중국신화 — 岩刻畵에서 三星堆까지 // 중국어문학논집]. A Study On The Chinese Myth Viewed In Iconology: Focussed On Rock Art, Painted Pottery, and Sanxingdui. *Junggugueo munhak nonjip*, 2006, no. 40, pp. 393–431. (in Kor.)
- Lee Myeongro.** Sacheonsik reseutorang-ui jungguk mit jiyeokmunhwa pyohyeon teukseong yeongu [사천식 레스토랑의 중국 및 지역문화 표현 특성 연구]. The Expression Characteristics of Chinese and Local Traditional Culture at Sichuan Restaurants: Masters Thesis. Seoul, Kyung Hee University, 2014, 96 p. (in Kor.)
- Lee Seongwon.** Hwangha munmyeong-eseo jegug-ui chulhyeon-kkaji [황하문명에서 제국의 출현까지]. From civilization in the Yellow River Valley to the rise of the empire. Gwangju, Maronie, 2020a, 263 p. (in Kor.)
- Lee Seongwon.** Godae Jungguk cheongdonggiui dacheungjeok hamui [고대 중국 청동기의 다층적 함의 // 대구사학]. Multifunctionality of bronze items in ancient China. *Daegu sahak*, 2020b, vol. 140, pp. 245–288 (in Kor.)
- Lim Byeongdeok.** Jungguk godae munmyeong-ui giwon-gwa jeongae [중국고대문명의 기원과 전개]. Origin and development of ancient Chinese civilization. Daejeon, Mungyeong chulpansa, 2003, 203 p. (in Kor.)
- Lim Gyeonghui.** Junggug-ui yeoksa munhwa yusan [중국의 역사문화유산]. Historical and cultural heritage of China. Seoul, Dusol, 2004, 220 p. (in Kor.)
- Moon Haejeong.** Chokji ‘Jamchong’ sinhwa yeongu [蜀地 ‘蠶叢’ 신화 연구 // 중국학보]. The Study of Can Cong Myth in Shu Area. *Jungguk hakbo*, 2020, vol. 70, pp. 387–402. (in Kor.)
- Park Seokhong.** Sangdae munja-reul tonghan Samseongtoe “jongmok cheongdong inmyeonsang” gochal [상대문자(商代文字)를 통한 삼성토(三星堆) “종목청동인면상(縱目青銅人面像)” 고찰(考察) // 중국학보]. Studies on The Bronze Vertical-eyed Mask of Sanxingdui. *Jungguk hakbo*, 2007, vol. 55, pp. 51–67. (in Kor.)
- Park Seokhong.** Gochok munhwa cheongdong jongmok inmyeonsang-ui nun-gwa siseon-ui hamui sogo [古蜀文化(고촉문화) 青銅縱目人面像(청동종목인면상)의 눈과 시선의 함의(함의) 小考(소고) // 中國文學研究]. The meaning of the eye and gaze in bronze masks of the Shu culture. *Jungguk munhak yeongu*, 2012, vol. 46, pp. 261–279. (in Kor.)
- Sim Jaehun.** Junggug-e natanan geuripin-gwa munmyeong-ui dongjin [중국에 나타난 그리핀과 문명의 동진 // 동양학]. Civilization Marches East: Early Appearances of the Griffin Motif in China. *Dongyanghak*, 2021, no. 83, pp. 247–271. (in Kor.)
- Varenov A. V., Girchenko E. A.** Bronzovye golovy iz zhertvennykh yam Sanxingduya i rekonstruktsiya detaley inter'era drevnikh khramov [Bronze Heads from the Sacrificial Pits of Sanxingdui and the Reconstruction of the interior details of Ancient Temples]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, no. 4: Oriental Studies, pp. 10–19. (in Russ.)

- Varenov A. V., Girchenko E. A.** Bronzovye maski, maskoidy i lichiny iz zhertvennykh yam Sanxingduya [Bronze Masks and Maskoids from the Sacrificial Pits of Sanxingdui]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 4: Oriental Studies, pp. 19–30. (in Russ.)
- Yun Sun.** Samseongtoe cheongdong sinsu-wa sibil sinhwa: “Sanhaegyeong”-ui ‘sibil-e gwanhan gijae-reul jungsim-euro [三星堆 青銅神樹와 十日神話: 『山海經』의 ‘十日’에 관한 記載를 중심으로 // 인문과학논집]. Bronze sacred tree from Sanxingdui and its interpretation in connection with the entry about the 10 suns from “Shanghai Jing”. *Inmun gwahak nonjip*, 2014, vol. 48, pp. 237–260. (in Kor.)
- Yue Nan.** Samseongtoe-ui cheongdong munmyeong 1 [삼성퇴의 청동문명 1, 2]. Bronze culture of Sanxingdui. Seoul, Ilbit, 2006, vol. 1, 385 p., vol. 2, 378 p. (in Kor.)

Информация об авторе

Анастасия Леонидовна Нестеркина, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57198438084
WoS Research ID ABA-5922-2020
RSCI Author ID 792441
SPIN 1796-9710

Information about the Author

Anastasia L. Nesterkina, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57198438084
WoS Research ID ABA-5922-2020
RSCI Author ID 792441
SPIN 1796-9710

Статья поступила в редакцию 07.02.2024;
одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted on 07.02.2024;
approved after review on 09.02.2024; accepted for publication on 10.02.2024

Научная статья

УДК 903.26

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-65-78

Бронзовые антропоморфные статуэтки из жертвенных ям Саньсиндуя

Андрей Васильевич Варенов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

Аннотация

В работе даны описание бронзовых статуэток из второй жертвенной ямы Саньсиндуя и их классификация по принадлежности к ритуальным бронзам разных категорий, деталями которых они изначально являлись. Это позволило отнести мелкие антропоморфные изображения к одному из ранее выделенных автором этапов технологической эволюции бронзолитейного искусства Саньсиндуя и тем самым построить хронологически значимую типологию бронзовых статуэток. В результате удалось выделить следующие группы статуэток: 1) сидящие у корней бронзовых «деревьев духов»; 2) являющиеся деталями так называемого «священного алтаря» («алтаря духов»); 3) держащие в руках плоские двурогие скипетры; 4) стоящие на коленях на постаментах. Сидящие у корней деревьев статуэтки относятся к первой и второй стадиям технологической эволюции бронзовых изделий из жертвенной ямы JK2. Все статуэтки из «священного алтаря» должны датироваться третьим этапом технологической эволюции, так же как и само это изделие. Кроме того, бронзовые статуэтки предоставляют возможность реконструкции одежды древних обитателей Саньсиндуя.

Ключевые слова

Китай, археология, эпоха бронзы, Саньсиндуй, ритуальные бронзы, жертвенные ямы, антропоморфные статуэтки

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01554, <https://rscf.ru/project/24-28-01554>

Для цитирования

Варенов А. В. Бронзовые антропоморфные статуэтки из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 65–78. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-65-78

Bronze Anthropomorphic Figurines from the Sacrificial Pits of Sanxingdui

Andrey V. Varenov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

avvarenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>

Abstract

This work gives a description of bronze figurines from the second sacrificial pit of Sanxingdui and their classification according to the affinity to different categories of ritual bronzes whose details they initially were. The classification helped to attribute small anthropomorphic images to one of the, earlier isolated by the author, stages of the

© Варенов А. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 65–78
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 65–78

technological evolution of Sanxingdui art of bronze casting from the JK2 sacrificial pit. Therefore, the chronologically meaningful typology of bronze figurines from the second sacrificial pit was constructed. As a result, the following groups of figurines were isolated: 1) figurines sitting at the roots of the “spirit trees”, 2) figurines that were details of the so-called “sacred altar” (“altar of spirits”), 3) figurines holding two-horned flat sceptres in their hands, 4) figurines kneeling on pedestals. Figurines sitting at the roots of the “spirit trees” belong to the first and second stages of the technological evolution of bronzes from the JK2 sacrificial pit. The sets of three figurines sitting at the roots of the “spirit trees” no. 2 and no. 3 represent in each case only one personage, so it can be seen from every side of the tree. All the figurines from the “sacred altar” must be dated to the third stage of the technological evolution of bronzes from JK2 like the artifact being discussed. Analogies to figurines from the “sacred altar” can be found among jades from the urn burials of Xiaojiauwuji cemetery belonging to the late Neolithic Shijiahe culture of Hubei province. Bronze figurines also give an opportunity to reconstruct garments of the ancient inhabitants of Sanxingdui.

Keywords

China, archaeology, Bronze Age, Sanxingdui, ritual bronzes, sacrificial pits, anthropomorphic figurines

Acknowledgements

This study was funded by the Russian Scientific Foundation (RSF), project no. 24-28-01554, <https://rscf.ru/project/24-28-01554>

For citation

Varenov A. V. Bronze Anthropomorphic Figurines from the Sacrificial Pits of Sanxingdui. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 65–78. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-65-78

Введение

Саньсиндуй – своеобразная культура эпохи бронзы на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие художественного бронзового литья. Практически все бронзовые изделия Саньсиндуя, известные до возобновления раскопок памятника на рубеже 2020–2021 гг., происходили из двух жертвенных ям – JK1 и JK2, обнаруженных на территории эпонимного городища, которое китайские исследователи называют столицей упоминаемого Сыма Цянем древнего царства Шу [Сыма Цянь, 1972, с. 185].

В 2021 г. начались неторопливые раскопки еще 7 жертвенных ям, которые всё еще не завершены. Пока в научной печати доступны лишь предварительные, неполные их результаты [Жань Хунлинь и др., 2022; Комиссаров и др., 2021; 2022]. Из числа находок в первых двух жертвенных ямах, которые мы считаем намеренно захороненным инвентарем двух последовательно существовавших и уничтоженных (сожженных) храмов, наибольшее внимание исследователей всегда привлекали бронзовые антропоморфные изображения. Именно они обычно украшали обложки выходивших в Китае как серьезных научных изданий, так и популярных книг о Саньсиндуе [Чжунго..., 1994; Саньсиндуй цзисыкэн, 1999; Саньсиндуй яньцзю, 2006; Саньсиндуй юй Наньсылу, 2007; Саньсиндуй юй Цзиньша..., 2010; Чэнь Дэань, 2000; Чэнь Дэань и др., 1998].

Еще пять лет назад мы предложили считать антропоморфными статуями смонтированные из предварительно отлитых деталей ростовые изображения человека (а не отдельных частей его тела, например, голов), общая высота которых (с учетом утраченных ныне элементов) превышала 50 см [Варенов, 2019, с. 69]. Ростовые изображения человека меньшего размера и отлитые целиком, в один прием, мы предложили называть статуэтками. Почти все бронзовые антропоморфные статуэтки Саньсиндуя встречены во второй жертвенной яме (JK2) и являются деталями более крупных отливок ритуального характера. В первой жертвенной яме (JK1) встречена лишь одна статуэтка коленопреклоненного человека, которая изначально не была ни к чему прикреплена.

В ходе настоящего исследования предполагается дать описание статуэток из второй жертвенной ямы и классифицировать их по принадлежности к ритуальным бронзам той или иной категории, деталями которых они изначально являлись. Это позволит привязать мелкие антропоморфные изображения к одному из выделенных нами ранее этапов эволюции бронзолитейного искусства Саньсиндуя и объяснить особенности антропоморфной фигурки из JK1.

Тем самым удастся построить хронологически значимую типологию бронзовых статуэток и попытаться раскрыть специфику их внешнего вида.

В китайской монографической публикации находок из двух первых жертвенных ям Саньсиндуня далеко не все статуэтки учтены и описаны как отдельные артефакты [Саньсиндун цзисыкэн, 1999, с. 169]. В первоначальной журнальной публикации китайские авторы насчитывали их до 8 экз. [Эр Чэнь, 1989, с. 6]. В данной статье мы будем придерживаться собственной классификации, исходящей из принадлежности статуэток к ритуальным бронзам той или иной категории.

Статуэтки, сидящие у корней деревьев духов

Первая из выделенных нами условных групп – статуэтки, входившие в один ритуальный комплекс с так называемыми бронзовыми «деревьями духов» или смонтированные непосредственно на них. В первую очередь это статуэтки у основания бронзового дерева духов № 2.

На его опорном кольце, прямо в центре образуемой «корнями» арки, с каждой из трех его сторон размещено по коленапреклоненной человеческой фигурке высотой 19 см (рис. 1, 1, 2). Головы у них полые, на головы надеты головные уборы, лица, как считается, закрыты масками. У статуэток большие глаза и уши, прямые носы. Тела одеты в длинную двубортную одежду с короткими рукавами, украшенную меандрами и перетянутую в области талии поясом. Передние полы одежды доходят до колен, задние полы прижаты бедрами сидящих фигурок (рис. 1, 3, 4). Обе их руки горизонтально вытянуты вперед, ноги босые. Каждый из секторов основания дерева за спинами фигурок украшен ажурным орнаментом (рис. 2, 1).

Рис. 1. Статуэтки, сидящие у корней деревьев духов:

1, 2 – основание дерева духов № 2; 3, 4 – статуэтки у основания дерева духов № 2; 5–7 – статуэтки у основания дерева духов № 3; 8, 9 – основание дерева духов № 3 (графическая реконструкция А. В. Варенова и оригинал), 10 – статуэтка из жертвенной ямы JK1.

Рис. 3–7, 10 в одном масштабе; 1–10 – по: [Саньсиндун цзисыкэн, 1999, с. 29, 170, 220, 230, рис. 18, 85, 121, 127]

(Рис. 1–5 масштабированы и скомпонованы А. В. Вареновым)

Fig. 1. Figurines sitting at the tree roots:

1, 2 – the base of spirit tree no. 2; 3, 4 – figurines at the base of spirit tree no. 2; 5–7 – figurines at the base of spirit tree no. 3; 8, 9 – the base of spirit tree no. 3 (graphic reconstruction by A. V. Varenov and original); 10 – figurine from the sacrificial pit JK1.

Fig. 3–7, 10 are of the same scale; 1–10 – as per: [Sanxingdui jisikeng, 1999, pp. 29, 170, 220, 230, fig. 18, 85, 121, 127]

(Fig. 1–5 were scaled and consolidated by A. V. Varenov)

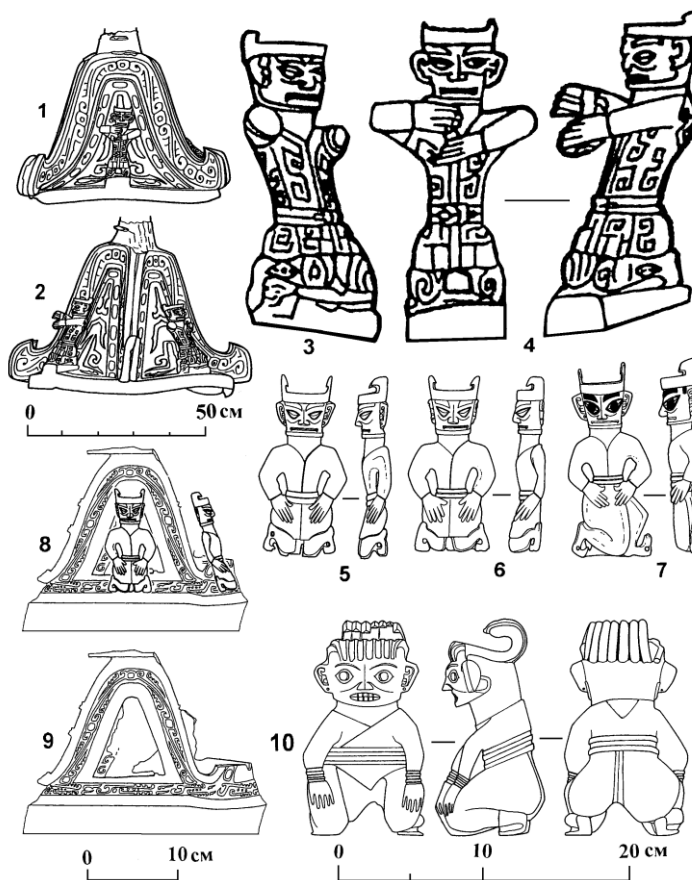

Рис. 2. Статуэтки, сидящие у корней деревьев духов:

1 – у основания дерева духов № 2; 2 – из жертвенной ямы JK1; 3, 4 – статуэтки у основания дерева духов № 3 (1 – по: [Чжунго, 1994, с. 37, рис. 41]; 2, 4 – по: [Саньсиндуй юй Цзиньша, 2010, с. 39, 40]; 3 – по: [Чэнь Дэнь, 2000, с. 20])

Fig. 2. Figurines sitting at the tree roots:

1 – at the base of spirit tree no. 2; 2 – from the sacrificial pit JK1; 3, 4 – figurines at the base of spirit tree no. 3 (1 – as per: [Zhongguo, 1994, p. 37, fig. 41]; 2, 4 – as per: [Sanxingdui yu Jinsha, 2010, pp. 39, 40]; 3 – as per: [Chen Dean, 2000, p. 20])

Сюда же следует отнести три полукруглых в поперечном сечении коленопреклоненных статуэтки [Эр Чэнь, 2006, с. 184, 191, рис. 15, 1]. Китайскими археологами они разделяются на два типа: А – человек, стоящий на обоих коленях, и В – человек, опустившийся на одно колено. Выражение лица и покрой одежды у всех трех в общих чертах сходны, одежда двубортная, дважды перетянутая поясом, а на головы надеты головные уборы (рис. 2, 3, 4). *Тип А* – 2 экз. Оба изделия представляют человека, опустившегося на оба колена, и сходны по форме и размерам. Образец K2(3):05 шириной 5,8 см, высотой 12,4 см (рис. 1, 5). Образец K2(3):7 шириной 5,9 см, высотой 12 см (рис. 1, 6). *Тип В* – 1 экз. находка изображает человека, преклонившего одно колено. В районе его глаз сохранились следы черной краски,

в каждой из ступней проделано по небольшому отверстию (см. рис. 2, 4). Образец K2(3):04 шириной 5,5 см, высотой 13,3 см (рис. 1, 7).

Мы считаем полукруглые в поперечном сечении коленопреклоненные статуэтки деталями дерева духов № 3, от которого сохранилась только часть бронзового основания высотой 20 см и диаметром 26 см (рис. 1, 9). Основание дерева духов № 3 применялось как металлическая накладка, в пользу чего свидетельствуют 10 маленьких круглых отверстий в его боковых стенках, использовавшихся для крепления этой бронзовой детали к деревянной основе [Варенов, Гирченко, 2015, с. 18]. Ствол дерева и его ветви оставались деревянными, были дополнены небольшими бронзовыми украшениями вроде сидящих на цветках птиц и другими элементами. В число этих элементов входили и коленопреклоненные статуэтки, крепившиеся через отверстия в ногах к одному из концов круглых в сечении L- или V-образных сучков-развилочек. Другой (свободный) конец этих сучков закреплялся в отверстиях, просверленных в деревянном основании по центру трех дугообразных арок. Результат нашей графической реконструкции получился очень похожим на дерево духов № 2 (рис. 1, 8).

Здесь уместно обратиться к статуэтке стоящего на коленях человека из жертвенной ямы JK1 (образец K1:293) высотой 14,6 см и шириной 8,2 см. Он изображен с широко раскрытыми круглыми глазами и оскаленными зубами, одет в короткую рубашу с запахом направо и треугольным вырезом на спине, подпоясанную двойным или даже тройным поясом (рис. 2, 2). Его руки с браслетами на запястьях лежат на коленях, волосы зачесаны назад, а на затылке поднимаются волной вверх и загибаются вперед, напоминая в этом плане головные уборы статуэток у оснований деревьев духов из ямы JK2. Общая поза и абсолютные размеры статуэток из двух ям тоже близки (рис. 1, 10). Прослеженная нами ранее эволюция «деревьев духов» из ямы JK2 позволяет предположить, что в период создания ямы JK1 «деревья духов» были вообще без бронзовых деталей, изготовленными только из дерева, а значит, рассматриваемая статуэтка могла сидеть у корней одного из них [Там же, с. 22].

Статуэтки «священного алтаря»

Другая отчетливо выделяемая условная группа – статуэтки, входившие в один ритуальный комплекс с так называемыми «священными алтарями» или «алтарями духов». Как правило, они смонтированы непосредственно на алтарях и встречаются вместе с ними. В жертвенной яме JK2 в поддающемся восстановлению виде найден всего один такой алтарь, и тот сильно поврежденный. В высоту «алтарь» достигал 53 см и состоял как минимум из четырех уровней. Самый нижний ярус был представлен зооморфными существами. Затем следовал ярус из четырех стоящих крупных антропоморфных фигур, далее – уровень, состоящий из четырех гор, а самая верхняя часть представляла собой бронзовую шкатулку, так называемый «небесный чертог» [Варенов, Гирченко, 2009, с. 248, 249].

Верхняя часть алтаря изготовлена в виде квадратной в плане шкатулки. Высота каждой из стенок шкатулки-чертога – 7 см, ширина в нижней части – 11 см, ширина в верхней части – 12,6 см. В средней части каждой из четырех стен проделаны широкие прямоугольные вырезы с рядами коленопреклоненных фигурок одного размера внутри. Руки этих фигурок вытянуты вперед и согнуты на уровне груди. Низ шкатулки под коленопреклоненными фигурами украшен полосой меандров, верх – полосой орнамента в виде перьев, посреди которой находится выпуклая фигура существа с рогатым антропоморфным лицом (маской?) и птичьим телом с крыльями (рис. 3, 1).

Второй снизу уровень, или ярус, «алтаря» представлен круглым основанием с четырьмя стоящими на нем антропоморфными фигурами. Они одеты в двубортные халаты с короткими рукавами, перевязанные двойными поясами. Спина и подол одежды украшены «вихревыми» узорами, на ногах фигур – орнамент в виде глаз, руки вытянуты на уровне груди и держат какие-то извивающиеся предметы. Головы четырех стоящих фигур увенчаны шапками V-образной формы, из середины которых поднимаются плоские антропоморфные личины

в причудливых головных уборах, но эти детали сильно повреждены. Высота основания яруса со стоящими фигурами – 2 см, его диаметр – около 13,5 см, высота самих стоящих фигур – 11, 2 см (рис. 3, 3).

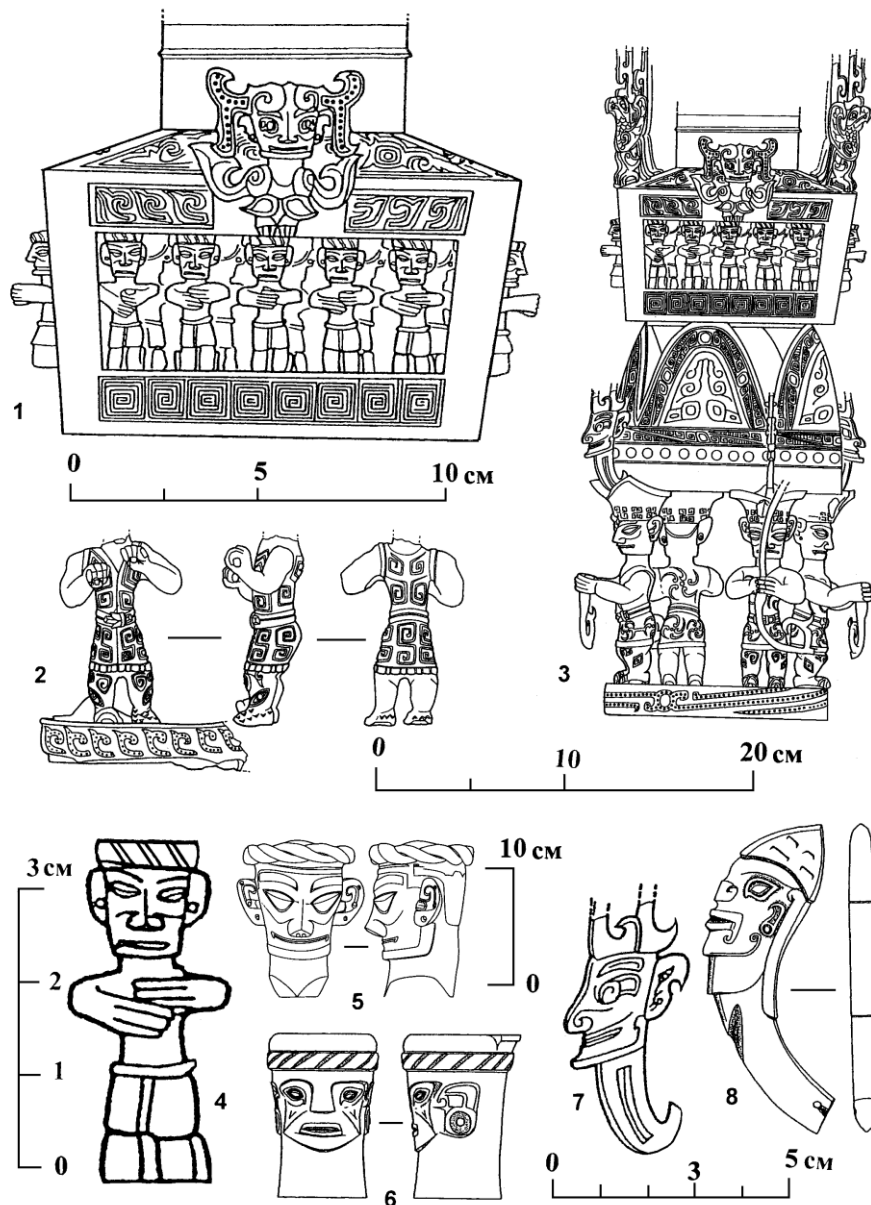

Рис. 3. Статуэтки «священного алтаря» и их аналоги:

1 – «небесный чертог» из алтаря духов; 2 – остатки второго «алтаря духов»; 3 – верхняя часть «алтаря духов»; 4 – фигурка из «небесного чертога»; 5 – голова типа А из JK2; 6 – нефритовая головка из погребения в урне W7; 7 – плоская антропоморфная личина из «алтаря духов»; 8 – плоская нефритовая антропоморфная личина из погребения в урне W6 (1–5, 7 – по: [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 172, 233, 234, рис. 88, 129, 130]; 6, 8 – по: [Сяоцзяуцзи, 1999, с. 316, рис. 251, 3, 4])

Fig. 3. Figurines of the “sacred altar” and their analogies:

1 – “celestial chamber” from the “altar of spirits”; 2 – remains of the second “altar of spirits”; 3 – upper part of the “altar of spirits”; 4 – a figurine from the “celestial chamber”; 5 – type A head from JK2; 6 – jade head from the urn burial W7; 7 – flat anthropomorphic face from the “altar of spirits”; 8 – flat jade anthropomorphic face from the urn burial W6 ([1–5, 7 – as per: [Sanxingdui jisikeng, 1999, pp. 172, 233, 234, fig. 88, 129, 130]; 6, 8 – as per: [Xiaojiauwuji, 1999, p. 316, fig. 251, 3, 4])

В жертвенной яме JK2 имелся и второй «алтарь духов». От него сохранилась половина круглой подставки. На ней первоначально крепилась найденная отдельно фигурка стоящего человека, ноги которого китайским археологам удалось совместить с оставшимися на подставке следами, восстановив внешний вид изделия. Голова этой статуэтки не сохранилась. Ее тело одето в двубортный халат с короткими рукавами, дважды опоясанный завязанным спереди кушаком. Полы халата доходят до колен. На ноги фигурки, как считают китайские археологи, надеты чулки и башмаки. Впереди и сзади ее одежда украшена геометрическими меандрами, ноги покрыты спиралями и узорами в виде глаз, а тыльная сторона стоп – узором в форме сетки. Обе кисти согнутых рук сжаты так, будто что-то держат в горизонтальной плоскости. Высота круглой подставки (образец K2(3):296–1) – 2,1 см, ее диаметр – 12,4 см, сохранившаяся высота статуэтки – 10,8 см (рис. 3, 2).

Статуэтки со скипетрами в руках

Третья выделенная нами группа статуэток из жертвенной ямы JK2 в Саньсиндуе – антропоморфные фигурки, держащие в руках так называемые скипетры. Они могут быть как коленопреклоненными, так и стоящими в полный рост. В ходе раскопок встречено два таких изделия.

Голова одного из них утрачена. Фигурка стоит на коленях, ее руки, сжимающие скипетр, втянуты вперед на уровне плеч. Один кончик верхней части скипетра короткий, другой длинный, скипетр развернут длинным кончиком вперед. Статуэтка одета в юбку, перевязанную поясом (рис. 4, 3). По размерам находка близка фигуркам из «небесного чертога» «священного алтаря», возможно, она изначально также крепилась к какому-то основанию. Образец K2(3):325 высотой 4,7 см, шириной 1,8 см (рис. 5, 1).

Рис. 4. Статуэтки со скипетрами в руках и коленопреклоненные на постаментах:

1 – на постаменте с сосудом над головой; 2 – псевдоантропоморфная пластина; 3 – со скипетром в руках
(1, 2 – по: [Саньсиндуй юй Цзиньша, 2010, с. 41, 55]; 3 – по: [Чэнь Дэань, 2000, с. 85, рис. 73])

Fig. 4. Figurines with sceptres in their hands and figurines kneeling on pedestals:

1 – on the pedestal with a vessel over the head; 2 – pseudo anthropomorphic plate; 3 – holding a scepter
(1, 2 – as per: [Sanxingdui yu Jinsha, 2010, pp. 41, 55]; 3 – as per: [Chen Dean, 2000, p. 85, fig. 73])

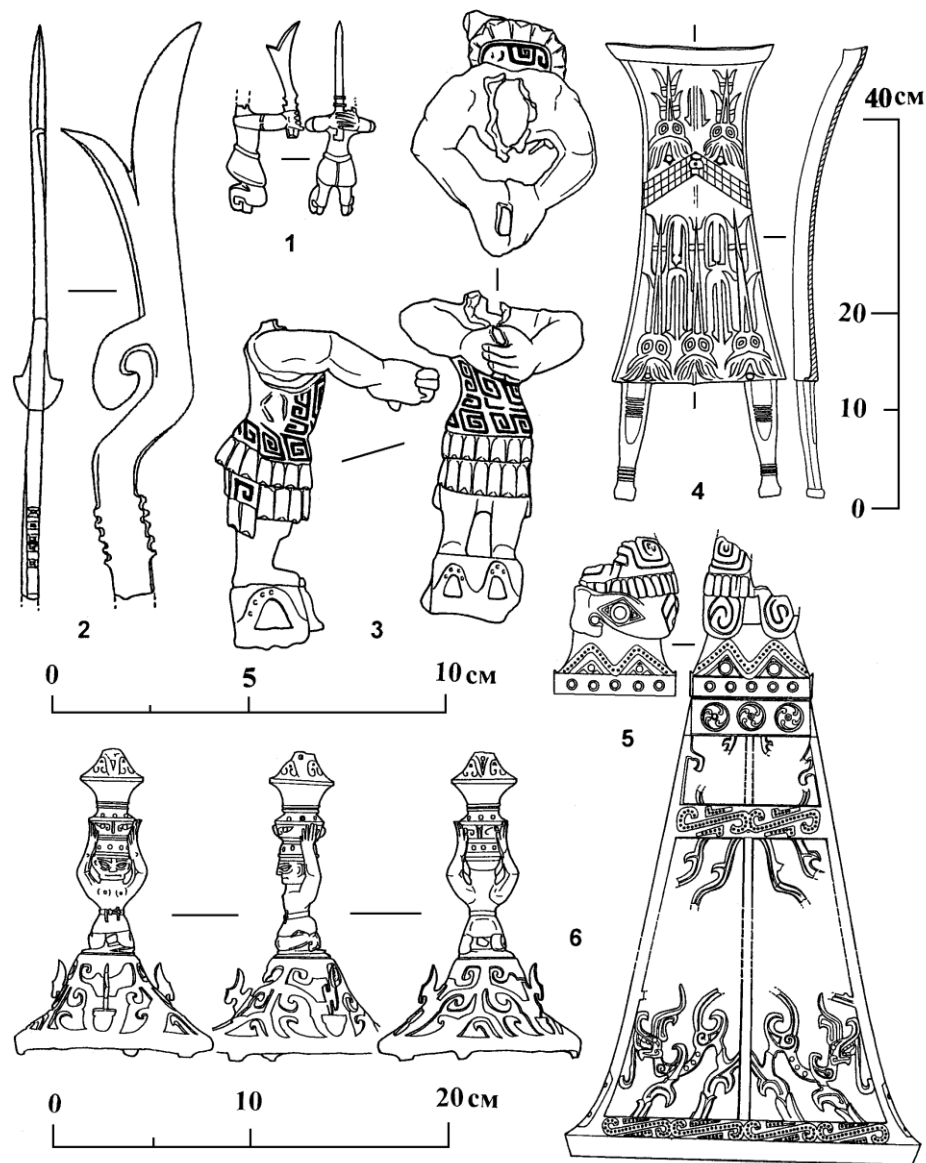

Рис. 5. Статуэтки со скипетрами в руках и коленопреклоненные на постаментах:
1, 3 – со скипетрами в руках; 2 – бронзовый скипетр; 4 – псевдоантропоморфная пластина;
5, 6 – коленопреклоненные на постаментах (1–6 – по: [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 167, 170, 185, 234, 235, 285, рис. 83, 86, 102, 131, 133, 158])

Fig. 5. Figurines with sceptres in their hands and figurines kneeling on pedestals:
1, 3 – with sceptres in their hands; 2 – bronze sceptre; 4 – pseudo anthropomorphic plate;
5, 6 – kneeling on pedestals (1–6 – as per: [Sanxingdui jisikeng, 1999, pp. 167, 170, 185, 234, 235, 285, fig. 83, 86, 102, 131, 133, 158])

Другая статуэтка со скипетром в руках также без головы, повреждено и основание под ее ногами. Это основание прямоугольное, шириной 2,2 см, длиной 1,8 см и высотой 1,5 см. Каждая из четырех сторон основания орнаментирована узором, состоящим из нескольких выпуклых «жемчужин». Стоящий на основании человек изображен босым. Его нижняя рубашка имеет высокий ворот. Поверх нижнего платья, как считается, надеты доспехи без рукавов, украшенные геометрическими меандрами. Одежда спереди короткая, на ней две сборки, края

ровные. Сзади одежда длинная, с тремя складками. Обе руки статуэтки вытянуты вперед, соединены и сжаты, в сомкнутых ладонях проделано прямоугольное отверстие. Можно предположить, что фигурка первоначально держала в руках скипетр. Образец K2(3):292–2 высотой 8,3 см, шириной 4,6 см (рис. 5, 3). Такой плоский двурогий скипетр с направленными вперед длинным, а назад коротким концом встречен в жертвенной яме JK2, но он слишком крупный для рассматриваемой статуэтки. Обр. K2(2):144–5 длиной 14,2 см [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 283, 285, рис. 158] (рис. 5, 2).

Коленопреклоненные статуэтки на постаментах

Четвертая выделяемая нами группа статуэток из жертвенной ямы JK2 в Саньсиндуе смонтирована на так называемых «святилищах духов», т. е. конических или пирамидальных основаниях [Гирченко, Варенов, 2015, с. 215]. Как правило, венчающие «святилища» человеческие фигурки показаны коленопреклоненными. В ходе раскопок встречено два таких изделия.

Образец K2(2):143–1 – сохранилось три не стыкующихся между собой фрагмента «святилища духов»: квадратная платформа наверху, верхний и нижний участки боковой поверхности основания. Оба боковых участка ажурные, прорезные, нижний участок заполнен противостоящими драконами, орнамент верхнего участка сохранился очень плохо. Наверху, на квадратной платформе, фигурка коленопреклоненного человека. Уцелела только нижняя половина его тела. Одежда и колени статуэтки украшены меандрами, на икрах с двух сторон орнамент, похожий на «глаз» (ромб с кружком в центре). Ширина квадратной платформы по низу 6,2 см, по верху 4,4 см, высота 2,7 см, общая высота сломанного изделия 31 см (рис. 5, 5).

Образец K2(3):48 – статуэтка коленопреклоненного человека, стоящего на конусовидном основании и держащего над головой сосуд *цзунь* (см. рис. 4, 1). Конусовидное основание сплошь украшено ажурным растительным орнаментом, разделено на секторы тремя вертикальными ребрами в виде ножевидных перьев, его кольцевой низ опирается на три небольшие ножки, верх ровный. На вершине основания размещена отлитая отдельно человеческая фигурка с длинными изогнутыми бровями, большими глазами, прямым носом, широким ртом, круглыми ушами и голым торсом с выступающими сосками. Статуэтка одета в юбку, перетянутую по талии завязанным на животе поясом. Двумя руками она поддерживает над головой круглый сосуд *цзунь*. Диаметр ажурного основания по низу 10 см, высота 5,3 см, общая высота 15,6 см (рис. 5, 6).

Остается еще одно бронзовое изделие из ямы JK2, антропоморфизм которого весьма условный. Китайские археологи считают, что оно изображает человеческое тело со спины, сужающееся от плеч к талии, а потом опять расширяющееся к бедрам [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999, с. 169]. По центру плоской выгнутой «спины» вертикально проходит рельефно выступающий хребет, а ниже находятся ноги (см. рис. 4, 2). «Ноги» вогнуты внутрь, на их вогнутых частях по пять горизонтальных рельефных линий, в основании «ног» – еще по четыре. «Спина» украшена пятью рисунками каракатиц или кальмаров, два вверху и три внизу. Они отделены друг от друга выступающей углом вверх полосой сетчатого орнамента. Китайские исследователи убеждены, что на «спине» изображены не головоногие, а орлиные головы. Образец K2(3):103–27 шириной в верхней части 17 см, в нижней части 17,6 см, с высотой «туловища» 34 см, общей высотой 46,4 см (рис. 5, 4).

Заключение

Статуэтки, сидящие у корней «деревьев духов», легко привязать ко времени создания этих деревьев, учитывая, что они когда-то составляли одно целое. Согласно разработанной нами относительной хронологии двух первых жертвенных ям Саньсиндуя, дерево духов № 2 вме-

сте с прилитыми к нему статуэтками относится ко второй стадии технологической эволюции бронзовых изделий из жертвенной ямы JK2 [Варенов, Гирченко, 2015, с. 20]. Дерево духов № 3, от которого сохранилось только бронзовое накладное основание и три полукруглые в сечении статуэтки-накладки, должно, согласно технологии его изготовления, принадлежать к первой стадии эволюции. К этой же стадии относятся самые ранние для жертвенной ямы JK2 бронзовые маски типов D и B, а также бронзовые чарки *цзунь* II и III типов, с которыми дерево № 3 сходно технологически [Варенов, Гирченко, 2013, с. 21–23; 2014, с. 27–32].

Жертвенная яма JK1, а значит, и коленопреклоненная статуэтка из нее, древнее, чем любое бронзовое изделие из ямы JK2. Эта одиночная статуэтка свидетельствует, что наборы из трех объемных или накладных, полукруглых в сечении статуэток у корней «деревьев духов» № 2 и 3 на самом деле изображают не трех, а одного персонажа, но каждый раз как бы «единого в трех лицах». Какой бы стороной ни повернуть «дерево духов», он всегда оказывается на виду. В таком случае, правда, остается открытым вопрос о статуэтке, которая должна была бы сидеть около самого позднего «дерева духов» № 1, представляющего третий этап технологической эволюции бронзовых изделий из ямы JK2. Ничего похожего на нее археологи не нашли, а коленопреклоненные статуэтки на постаментах на эту роль не подходят в силу своих небольших абсолютных размеров.

Можно, конечно, предположить, что стоящего на коленях возле мирового «дерева духов» № 1 человека (жреца или шамана) замещал прилитый к его стволу крылатый дракон, традиционный посредник-медиатор между тремя мирами: небесным, земным и водным (подземным). Но деревья духов № 3 и 2 с человеческими фигурками у корней первоначально тоже были снабжены драконами, от которых сохранились только бронзовые головы типов A и B, а их тела, видимо, были сделаны из органических материалов [Варенов, Гирченко, 2017, с. 286–288].

Все статуэтки из «священного алтаря», так же как и он сам, должны датироваться третьим этапом технологической эволюции. Об относительной хронологии другого алтаря, от которого сохранились только часть основания и одна человеческая фигурка, судить сложно, именно в силу скудости этих находок. Но вот корни у персонажей, присутствующих на разных ярусах этого небольшого изделия, должны быть очень глубокими. Головы статуэток, стоящих на коленях вдоль стен «небесного чертога», снабжены головными уборами, похожими на обручи из свернутой жгутом материи или переплетенных веревок (см. рис. 3, 4).

Точно такой же витой обруч, причем отлитый отдельно, украшает небольшую, по сравнению с другими изделиями той же категории, бронзовую головку типа A из жертвенной ямы JK2 (см. рис. 3, 5). От остальных бронзовых голов ее отличают не только абсолютные размеры и головной убор, но и три отверстия в ухе для серег [Варенов, Гирченко, 2012, с. 14–16]. У остальных голов проделано только по одному отверстию в каждом ухе. Когда именно отлита голова типа A, сказать сложно, но все остальные бронзовые головы, в отличие от бронзовых масок, сосудов, деревьев и остального инвентаря, судя по всему, изготовлены одновременно, в момент создания храма, частью инвентаря (деревянных скульптур) которого они являлись [Там же, с. 18, 19].

Материалами жертвенной ямы JK2 аналогии для статуэток «священного алтаря» не ограничиваются. Головной убор в виде витого обруча, правда, закрученного в другую сторону, есть у резной нефритовой головки из погребения в урне W7 со стоянки Сяоцзяуцзи поздне-неолитической культуры Шицзяхэ (см. рис. 3, 6). Памятник расположен за пределами Сычуаньской котловины, в 16 км к северо-западу от г. Тяньмэнь городского округа Шихэ пров. Хубэй, и датируется концом III тыс. до н. э. [Сяоцзяуцзи, 1999, с. 1–9, 348–349]. Среди нефритовых изделий культуры Шицзяхэ находится еще один аналог для статуэток «священного алтаря» из JK2. Речь идет о плоских антропоморфных личинах в причудливых головных уборах, поднимающихся из середины V-образных шапок четырех человеческих фигур, стоящих во втором снизу ярусе алтаря (см. рис. 3, 7). Похожее нефритовое изделие – плоская

головка в странной шапке на длинной изогнутой шее – встречено в погребении в урне W6 того же памятника Сяоцзяцзи (см. рис. 3, 8).

Бронзовые статуэтки из жертвенных ям предоставляют дополнительную возможность реконструкции одежды древних обитателей Саньсиндуня. Большие бронзовые статуи показывают изображаемых ими персонажей (по нашему мнению, божеств) в богато орнаментированной распашной одежде до колен и с длинными рукавами, а главного из них, представленного самой крупной статуей, даже в трех слоях одежды [Варенов, 2019, с. 70–75]. Одежда, изображенная на статуэтках, далеко не всегда покрыта орнаментом, чаще всего это распашные безрукавки длиной до колен. Отдельные фигурки, отлитые со скипетром в руках или с сосудом на голове, вообще показаны с голым торсом, в одних только подпоясанных юбках (см. рис. 4, 1, 3). Такое разнообразие одеяний статуэток может быть результатом социальной и / или половозрастной дифференциации их живых прототипов.

Список литературы

- Варенов А. В.** Бронзовые антропоморфные статуи Саньсиндуня и ритуальные одеяния древнего царства Шу // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 1 (25). С. 69–85. DOI 10.14258/tpai(2019)1(25).-07
- Варенов А. В., Гирченко Е. А.** Культовые бронзы Саньсиндуня и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2009. Т. 15. С. 246–251.
- Варенов А. В., Гирченко Е. А.** Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуня и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4: Востоковедение. С. 10–19.
- Варенов А. В., Гирченко Е. А.** Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндуня // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 4: Востоковедение. С. 19–30.
- Варенов А. В., Гирченко Е. А.** Бронзовые сосуды из жертвенных ям Саньсиндуня // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 4: Востоковедение. С. 26–39.
- Варенов А. В., Гирченко Е. А.** Бронзовые деревья из жертвенных ям Саньсиндуня // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 4: Востоковедение. С. 13–23.
- Варенов А. В., Гирченко Е. А.** Бронзовые змеи и драконы из второй жертвенной ямы Саньсиндуня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 284–288.
- Гирченко Е. А., Варенов А. В.** Бронзовые «священные алтари» и «святые места духов» из жертвенных ям Саньсиндуня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 214–219.
- Комиссаров С. А., Гирченко Е. А., Соловьев А. И.** Новейшие данные по культуре Саньсиндуня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. 27. С. 468–474. DOI 10.17746/2658-6193.2021.27.0468-0474
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И., Гирченко Е. А.** Жертвенники культуры Саньсиндуня (по материалам раскопок 2021–2022 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. Т. 28. С. 563–569. DOI 10.17746/2658-6193.2022.28.0563-0569
- Сыма Цянь.** Исторические записки. М.: Наука, 1972. Т. 1. 440 с.
- Жань Хунлинь, Лэй Юй, Чжао У, Се Чжэнь, Ли Хайчао, Ван Чун, Сюй Фэйхун, Сюй Даньян.** Сычуань Гуанханьши Саньсиндунь ичжи цзисыщюй [冉宏林, 雷雨, 赵吴, 谢震斌, 黎海超, 王冲, 徐裴宏, 许丹阳. 四川广汉市三星堆遗址祭祀区]. Район жертво-

- приношений на памятнике Саньсиндуй близ г. Гуанхань пров. Сычуань // Каогу. 2022. № 7. С. 15–33. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй цзисыкэн [三星堆祭祀坑]. Жертвенные ямы Саньсиндуя. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. 628 с. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй юй Наньсылу: Чжунго синань дицюй дэ цинтун вэньхуа [三星堆与南丝路: 中国西南地区的青铜文化]. Саньсиндуй и южный Шелковый путь: бронзовая культура юго-западных районов Китая / Под ред. Сяо Сяньцинь [肖先进]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007. 140 с. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй юй Цзиньша: гу Шу вэньмин ши шан дэ лянцы гаофэн [三星堆与金沙: 古蜀文明史上的两次高峰]. Саньсиндуй и Цзиньша: две вершины в истории цивилизации древнего Шу. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2010. 154 с. (на кит. яз.)
- Саньсиндуй яньцзю [三星堆研究]. Исследования Саньсиндуя. Чэнду: Тяньди чубаньшэ, 2006. Вып. 1. 282 с., 32 л. ил. (на кит. яз.)
- Сяоцзяуцзи [肖家屋脊]. Сяоцзяуцзи. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. Т. 1. 454 с. (на кит. яз.)
- Чжунго тунци цюаньцзи [中国铜器全集]. Полное собрание бронзовых изделий Китая. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1994. Т. 13. Ба-Шу. 32, 180, 54 с. (на кит. яз.).
- Чэнь Дэань.** Саньсиндуй: гу шу вангодэ шэнди [陈德安. 三星堆: 古蜀王国的圣地]. Саньсиндуй: священная земля древнего царства Шу. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2000. 124 с. (на кит. яз.)
- Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган.** Саньсиндуй: Чанцзян шанью вэньмин чжунсин таньсо [陈德安, 魏学峰, 李伟纲. 三星堆. 长江上游文明中心探索]. Саньсиндуй: изучение центра цивилизации в верховьях Янцзы. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1998. 6, 74, 8 с. (на кит. яз.)
- Эр Чэнь.** Гуанхань Саньсиндуй ичжи эрхао цзисыкэн фацзюе цзяньбао [二陈. 广汉三星堆遗址二号祭祀坑发掘简报]. Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы № 2 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань // Вэньу. 1989. № 5. С. 1–20. (на кит. яз.)
- Эр Чэнь.** Гуанхань Саньсиндуй ичжи эрхао цзисыкэн фацзюе цзяньбао [二陈. 广汉三星堆遗址二号祭祀坑发掘简报]. Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы № 2 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань // Саньсиндуй яньцзю [三星堆研究]. Исследования Саньсиндуя. Чэнду: Тяньди чубаньшэ, 2006. Вып. 1. С. 180–210. (на кит. яз.)

References

- Girchenko E. A., Varenov A. V.** Bronze “Sacred Altars” and “Spirit Sanctuaries” from the Sacrificial Pits of Sanxingdui. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2015, vol. 21, pp. 214–219. (in Russ.)
- Komissarov S. A., Girchenko E. A., Solovyev A. I.** The Latest Data on Sanxingdui Culture. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2021, vol. 27, pp. 468–474. (in Russ.) DOI 10.17746/2658-6193.2021.27.0468-0474
- Komissarov S. A., Solovyev A. I., Girchenko E. A.** Sacrificial Pits of the Sanxingdui Culture (Evidence of Excavations in 2021–2022). In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2022, vol. 28, pp. 563–569. (in Russ.) DOI 10.17746/2658-6193.2022.28.0563-0569
- Syma Tsyau.** Istoricheskie zapiski [Historical Records (Sima Qian. “Shiji”)]. Moscow, Nauka, 1972, vol.1, 440 p. (in Russ.)

- Varenov A. V.** Bronze Human Statues from Sanxingdui and Ritual Garments of Ancient Shu Kingdom. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2019, no. 1 (25), pp. 69–85. DOI 10.14258/tpai(2019)1(25).-07
- Varenov A. V., Girchenko E. A.** Cult Bronzes of Sanxingdui and the Ways of their Semantic Interpretation. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2009, vol. 15, pp. 246–251. (in Russ.)
- Varenov A. V., Girchenko E. A.** Bronze Heads from the Sacrificial Pits of Sanxingdui and the Reconstruction of the interior details of Ancient Temples. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, Vol. 11, iss. 4: Oriental Studies, pp. 10–19. (in Russ.)
- Varenov A. V., Girchenko E. A.** Bronze Masks and Maskoids from the Sacrificial Pits of Sanxingdui. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, iss. 4: Oriental Studies, pp. 19–30. (in Russ.)
- Varenov A. V., Girchenko E. A.** Bronze Vessels from the Sacrificial Pits of Sanxingdui. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2014, vol. 13, iss. 4: Oriental Studies, pp. 26–39. (in Russ.)
- Varenov A. V., Girchenko E. A.** Bronze Trees from the Sacrificial Pits of Sanxingdui. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, iss. 4: Oriental Studies, pp. 13–23. (in Russ.)
- Varenov A. V., Girchenko E. A.** Bronze Snakes and Dragons from the Second Sacrificial Pit of Sanxingdui. In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2017, vol. 23, pp. 284–288. (in Russ.)
- Chen Dean.** Sanxingdui: gu Shu wangguode shengdi [陈德安。三星堆：古蜀王国的圣地]. Sanxingdui: the Sacred Land of Ancient Shu Kingdom. Chengdu, Sichuan Renmin Publ., 2000, 124 p. (in Chin.)
- Chen Dean, Wei Xuefeng, Li Weigang.** Sanxingdui: Changjiang shangyou wenming zhongxin tansuo [陈德安，魏学峰，李伟纲。三星堆。长江上游文明中心探索]. Sanxingdui: Studies of the civilization centre in the Upper Yangzi. Chengdu, Sichuan renmin chubanshe, 1998, 6, 74, 8 p. (in Chin.)
- Er Chen.** Guanghan Sanxingdui yizhi erhao jisikeng fajue jianbao [二陈。广汉三星堆遗址二号祭祀坑发掘简报]. A Brief Report on the Excavations of Sacrificial Pit Number Two at Sanxingdui Site, Guanghan County. *Wenwu*, 1989, no. 5, pp. 1–20. (in Chin.)
- Er Chen.** Guanghan Sanxingdui yizhi erhao jisikeng fajue jianbao [二陈。广汉三星堆遗址二号祭祀坑发掘简报]. A Brief Report on the Excavations of Sacrificial Pit Number Two at Sanxingdui Site, Guanghan County. In: Sanxingdui yanjiu [三星堆研究]. Sanxingdui Research. Chengdu, Tiandi publishers, 2006, iss. 1, pp. 180–210. (in Chin.)
- Ran Honglin, Lei Yu, Zhao Wu, Xie Zhenwu, Li Haichao, Wang Chong, Xu Feihong, Xu Danyang.** Sichuan Guanghanshi Sanxingdui yizhi jisiqu [冉宏林，雷雨，赵吴，谢震斌，黎海超，王冲，徐裴宏，许丹阳。四川广汉市三星堆遗址祭祀区]. Sacrificial region at Sanxingdui site near Guanghan, Sichuan Province. *Kaogu [Archaeology]*, 2022, no. 7. pp. 15–33. (in Chin.)
- Sanxingdui jisikeng [三星堆祭祀坑。北京：文物出版社，1999]. Sacrificial Pits of Sanxingdui. Beijing, Wenwu Publ., 1999, 628 p. (in Chin.)
- Sanxingdui yanjiu [三星堆研究]. Sanxingdui Research. Chengdu, Tiandi Publ., 2006, iss. 1, 282 p., 32 pl. (in Chin.)
- Sanxingdui yu Nansilu: Zhongguo xinan diqu de qingtong wenhua [三星堆与南丝路：中国西南地区的青铜文化]. Sanxingdui and Southern Silk Road: Bronze Culture of South-Western Regions of China. Ed. Xiao Xianjin [肖先进]. Beijing, Wenwu Publ., 2007, 140 p. (in Chin.)

Sanxingdui yu Jinsha: gu Shu wenming shi shang de liangci gaofeng [三星堆与金沙: 古蜀文明史上的两次高峰]. Sanxingdui and Jinsha: Two Peaks in the History of Ancient Shu Civilization. Chengdu, Sichuan Renmin Publ., 2010, 154 p. (in Chin.)

Xiaojiawuji [肖家屋脊]. Xiaojiawuji. Beijing, Wenwu Publ., 1994, vol. 1, 454 p. (in Chin.)

Zhongguo tongqi quanji [中国铜器全集。第 13 卷。巴蜀]. The Complete Collection of Chinese Bronzes. Ba-Shu. Beijing, Wenwu publishers, 1994, vol. 13, 32, 180, 54 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Андрей Васильевич Варенов, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57189442974

WoS Researcher ID IST-6876-2023

RSCI Author ID 556744

SPIN 3690-2300

Information about the Author

Andrey V. Varenov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57189442974

WoS Researcher ID IST-6876-2023

RSCI Author ID 556744

SPIN 3690-2300

Статья поступила в редакцию 02.07.2024;

одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 10.02.2024

The article was submitted 07.02.2024;

approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 10.02.2024

Научная статья

УДК 903.28(512)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-79-90

Раковинные кучи озера Дяньчи

Сергей Александрович Комиссаров¹

Александр Иванович Соловьев²

^{1,2} Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ sergai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>

² easolovievy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Аннотация

Приведены данные по исследованию находок, полученных в ходе археологических раскопок на раковинных кучах в районе оз. Дяньчи, пров. Юньнань, КНР. Эти объекты представляют собой распространенную, но в то же время специфическую категорию археологических источников, содержащих важную информацию о материальной и духовной жизни населения, которое их оставило. Из немалого числа юньнаньских кьеккенмедингов наибольшее внимание привлекло городище Гучэнцунь, при раскопках которого удалось впервые выявить последовательность преддяньского и раннедяньского этапов, которые характеризуются своеобразным набором керамического и бронзового инвентаря. Эти находки дают возможность высказать предварительные соображения по поводу происхождения культуры и государства Дянь. Часть керамики обладает сходством с сосудами местной неолитической культуры Байянцунь, имевшей контакты с неолитом долины Хуанхэ; другая ее часть, а также нефритовые полукольца и морские раковины указывают на связь с прибрежными культурами Восточного Китая. Бронзовые ножи и кинжал, вероятно, связаны происхождением с населением Северного Китая и сопредельных территорий. Взаимодействие этих факторов сформировало основу дяньской культуры, а контакты с северными народами наметили линию взаимодействия, следуя которой в Юньнань проникает «всадническая культура», оформившая становление государства Дянь.

Ключевые слова

провинция Юньнань, культура Дянь, преддяньский и раннедяньский этапы, раковинные кучи

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00820, <https://rscf.ru/project/23-28-00820>

Для цитирования

Комиссаров С. А., Соловьев А. И. Раковинные кучи озера Дяньчи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 79–90. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-79-90

Shell Mounds of the Dian Lake

Sergey A. Komissarov¹, Aleksandr I. Solovyev²

^{1,2} Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ sergai@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>

² easolovievy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>

Abstract

This article provides data on the search and study of the finds obtained during archaeological excavations of shell mounds in the region of Dian Lake in Yunnan Province, China. These objects represent a common, but at the same time, quite specific category of archaeological sources containing important information about the material and spiritual life of the population that left them. From the considerable number of Yunnan *køkkenmøddings*, the ancient fortified settlement of Guchengcun attracted the most attention, during the excavations of which it was possible for the first time to reveal the direct sequence of the Pre-Dian and Early Dian stages, dating back to the period of 3500–2500 years BC, which are characterized by a unique set of ceramic and bronze implements. These finds give us the opportunity to express preliminary considerations regarding the origin of the Dian culture and state. Some part of the ceramics is similar to the vessels of the local Neolithic culture of Baiyangcun, which had contacts with the Neolithic painted pottery of the Yellow River valley; another part of it, as well as jade half-rings and sea shells, indicating a connection with the coastal cultures of Eastern China. Bronze knives and daggers are probably related in origin to the population of Northern China and adjacent territories. The interaction of these factors formed the basis of the Dian culture, while the contacts with the northern peoples outlined a line of interaction, following which the “horseback culture” later penetrated into Yunnan, shaping the formation of the Dian state.

Keywords

Yunnan Province, Dian Culture, pre-Dian and Early-Dian stages, shell-middens

Acknowledgments

This study was carried out with support of the Russian Scientific Foundation (RSF), grant no. 23-28-00820, <https://rscf.ru/project/23-28-00820>

For citation

Komissarov S. A., Solovyev A. I. Shell Mounds of the Dian Lake. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 79–90. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-79-90

Введение

Кухонные кучи (кøkkenмединги, или миддены) представляют собой распространенную, но в то же время специфическую категорию археологических объектов. Их название вполне соответствует содержанию, однако от обычной груды отходов, в той или иной мере присущих любому поселению, они отличаются большими размерами и абсолютным преобладанием одного вида пищевых отходов: раковин моллюсков, которые составляли важную часть рациона и хозяйственной деятельности населения данной территории. Поэтому кøkkenмединги часто фигурируют в литературе под названием «раковинные кучи». Их материалы использовал выдающийся датский археолог Е. Я. Ворсо (1821–1885) для разработки метода относительного датирования, что сыграло важную роль в становлении археологии как науки [Комиссаров, Ульянов, 2011]. По ходу исследований, особенно на территории США, Японии и Кореи, выяснилось, что создание мидденов часто носило неслучайный характер. Они могли вмещать самые разные события в жизни общества: постройку жилищ, проведение совместных пиршеств и ритуальных жертвоприношений, обустройство могил (см.: [Gamble, 2017]).

Что касается территории Китая, то там к изучению раковинных куч впервые приступил знаменитый японский ученый Тории Рюдзо (1870–1953), который в 1897 г. провел раскопки на памятнике Юаньшань на Тайване. В настоящее время открыто свыше 210 памятников,

в основном в приморских районах [Yuan Jing et al., 2002, p. 1–3]. В то же время речные и особенно озерные миддены исследованы намного слабее.

Расположение и большие размеры раковинных куч могли символизировать доминирование создавшего их населения на определенной территории, а захоронения в мидденах и включение в их состав специфических артефактов вводили эти сооружения в ритуальную сферу (см.: [McNiven, 2013]). Подобная практика придания сакрального значения повседневным вещам, даже таким, как пищевые отходы, имеет этнографическое подтверждение; однако возможность такой интерпретации должна оцениваться в каждом конкретном случае отдельно.

Ценные отбросы

Хронологический диапазон и территориальное распространение раковинных куч очень велики: от конца палеолита до современности и от Аляски до Тасмании [Rick, 2023]. Моллюски оказывались высокоценным пищевым продуктом, доступным в больших количествах на постоянной основе. Раковины использовались и для изготовления украшений, орудий труда и утвари, а также для получения красителей (см. обзор: [Сериков, 2017]), но на первом месте оставалась пищевая ценность их содержимого. Запасы мирового океана казались безграничными, поэтому многие племена, акцентируя свою деятельность на добыче моллюсков и некоторых других морепродуктов, на этой основе переходили к оседлому образу жизни. И рядом с мидденами или даже на их поверхности возникали поселения, жители которых естественным образом развивали приморскую экономику, занимаясь сбором водорослей, рыбной ловлей и добычей морского зверя, что также отразилось в составе кухонных отходов. Наблюдения за характеристиками раковин навело на мысль, что в некоторых местах население переходило от простого собирательства к выращиванию моллюсков определенного вида и размера, в результате чего сложилась аквакультура как особый тип производящего хозяйства [Раков, Бродянский, 2007; Lepofsky et al., 2015; Rogers, 2023]. Впрочем, подобные изменения в составе раковин в кучах могли быть результатом специализированного промысла в рамках приморской адаптации в целом [Табарев, 2007].

Поскольку человек не может постоянно питаться одними морепродуктами, при всей их исключительной питательности и насыщенности микроэлементами, и нуждается в растительной пище, то нередко раковинные кучи содержат палеоботанические остатки. На территории Китая такие свидетельства обнаружены на трех объектах в Гуанси-Чжуанском автономном районе, датированных в пределах от 12000 до 9560 л. н. Для нас важно, что эти кучи находились на берегу реки и, соответственно, формировались из раковин пресноводных моллюсков, а также содержали многочисленные фитолиты семян различных пальм, масличные плоды, желуды, корневище лотоса и целый ряд семян, плодов, клубнелуковиц, видовая принадлежность которых пока не определена [Чжан Екунь и др., 2021; Zhang Yekun et al., 2021]. Необходимость дополнять диету из водных обитателей растительной пищей была полностью реализована после перехода к земледелию, о чем свидетельствуют находки многочисленных фитолитов риса, проса, пшеницы и ячменя в дяньских слоях раковинной кучи Даинчжуан в районе оз. Дяньчи в Юньнани [Dal Martello et al., 2021].

Очень вкусные улитки

Внушительные раковинные кучи располагались на берегах главных озер пров. Юньнань (Дяньчи, Эрхай, Фусяньху, Цилуху), но долгое время они не привлекали внимания археологов. Думается, главная причина состояла в том, что практически все научные кадры были заняты на раскопках богатейших могильников – таких как Шичжайшань, Лицзяшань, Тяньцзымяо, Янфутуо и др., которые приносили богатейшие комплексы очень информативного и высокохудожественного материала, прежде всего бронзовых изделий, исследование, пуб-

ликация и экспонирование которых требовали значительного напряжения имеющихся сил. Ситуация изменилась в первом десятилетии XXI в., когда была принята масштабная программа по исследованию дяньских поселений, поскольку исключительно погребальные памятники не давали полной картины археологического облика культуры Шичжайшань. В реализации программы приняли участие не только местные научные кадры, но и их коллеги из других археологических центров Китая, а также ученые из Нового Света (см.: [Комиссаров, Соловьев, 2023]). Наиболее примечательные находки были сделаны на памятнике Хэбосо, где, очевидно, находилась столица государства Дянь, а затем административный центр ханьского округа Ичжоу¹.

Практически все исследованные поселения располагались на раковинных кучах той или иной степени сохранности. Так, при постройке зданий, колодцев, хозяйственных ям в Хэбосо большой кьеккенмединг был основательно потревожен, практически все выделяемые стратиграфические слои содержали разбитые раковины, которые частично применялись для покрытия стен и вымостки дороги [Цзян Чжилун и др., 2023, с. 63–65], т. е. налицо вторичное использование, казалось бы, уже отработанного материала.

Абсолютное большинство раковин принадлежало крупным пресноводным улиткам вида *Margarya melanoides*, выделенного Дж. Невиллом (G. Nevill) в отложениях оз. Эрхай еще в 1877 г. Современные малакологи считают данный вид эндемичным для озер Юньнани, хотя его ископаемые остатки обнаруживают в пещерах Мьянмы [Hiroaki Ugai et al., 2006, p. 210–211]; а уже в этнографические времена этих моллюсков добывали и выращивали в районе г. Лючжоу (Гуанси-Чжуанский автономный район), где они стали основным ингредиентом в приготовлении знаменитого местного блюда – лапши *лосыфэнь* [Ху Чжэньтао, 2022]. Однако на берегах Дяньчи аквакультура не возникла, судя по многочисленным фотографиям, раковины накапливались недифференцированно, большие вперемешку с маленькими. Их могли раскалывать, например, используя узкие бронзовые стамески, входившие в состав обнаруженного на памятнике инвентаря, но чаще «хозяев» известкового экзоскелета извлекали из «домика» с помощью найденных костяных игл или бамбуковой щепки и употребляли в пищу, скорее всего, сырыми, поскольку на раковинах и вблизи их скоплений не встречено следов термического воздействия. Впрочем, в какой-то момент извлеченную пищевую субстанцию могли помещать в керамические или плетеные емкости и транспортировать к кухонным очагам. Следует отметить, что, по наблюдению одного из руководителей раскопок Чжоу Жяньчао, размеры раковин от ранних слоев к более поздним постоянно уменьшались². Количество биомассы, связанное с улитками, в оз. Дяньчи постоянно сокращалось и в настоящее время уже практически равно нулю. По мнению китайских биологов, изучавших эту проблему, роковую роль сыграло ухудшение природной среды под действием антропогенного фактора [Song Zhuoyan et al., 2013]. Но, судя по впечатляющим размерам раковинных куч, неумеренное потребление без целенаправленного воспроизводства тоже сыграло свою роль: улиток попросту съели. В настоящее время они уже не фигурируют в меню местных харчевен и ресторанов.

Древняя бронза под слоем раковин

Наибольшее внимание научной общественности привлекли находки у населенного пункта с интригующим названием Гучэнцунь, которое переводится как «Деревня древнего города». И действительно, при раскопках в нижних слоях были найдены руины оборонительных со-

¹ Данный сюжет будет рассмотрен нами в специальной публикации, см.: Комиссаров С. А., Соловьев А. И. История городища Хэбосо: от столицы царства к окружному центру (в печати).

² Чэнь Юйвэй. Гучэнцунь ичжи: цзан цзай бэйцюлидэ мими [陈雨薇. 古城村遗址: 藏在贝丘里的秘密 // 广播电视台]. Памятник Гучэнцунь: тайна, сохраненная в раковинной куче // Мультимедийная публикация на сайте телерадиостанции г. Куньмина. 01.03.2023. (на кит. яз.) URL: <http://www.kunmingbc.com/lm/xq/jnq/245026.shtml> (дата обращения 15.01.2024).

оружий, поэтому памятник можно по праву называть «городище Гучэнцунь». Вероятно, какие-то смутные предания о древних стенах передавались местными жителями из поколения в поколение, пока не были официально зафиксированы. Памятник расположен в литоральной зоне юго-восточной части оз. Дяньчи, всего в 8 км от знаменитого «царского» могильника Шичжайшань, представляет собой раковинную кучу овальной формы, возвышающуюся над современной поверхностью примерно на 3 м; поверху расположены современные постройки, что затрудняло проведение работ.

Первая разведка была проведена в 1959 г. и затем, после долгого перерыва, в 2008 г.; планомерные раскопки начались в 2019 г. и продолжают вплоть до наших дней; всего исследования проведены на площади 92,8 тыс. кв. м³. Поскольку работы еще не завершены, то мы не располагаем пока опубликованным научным отчетом. Но так как уже полученные материалы важны для изучения проблемы происхождения культуры Дянь, то мы сочли возможным использовать информацию в доступных нам электронных СМИ, при этом тщательно отслеживая, чтобы они базировались на публикациях и интервью профессиональных археологов, участвовавших в раскопках.

В раковинных толщах мощностью не менее 6,5 м (рис. 1, 3, 4) было выделено три горизонта: позднесредневековый (династии Мин–Цин), классической Древности (эпоха Чжоу, соответствует ранней Дянь) и ранняя Древность (соответствует позднему периоду эпохи Шан). Последний слой, содержащий преддяньские материалы, выявлен впервые, поэтому ему уделено особое внимание. Именно в нем найдены оборонительные сооружения; платформа площадью 27 тыс. кв. м, с трех сторон (южной, северной и юго-восточной) окруженная рвом с разрывами в северо-западной и восточной сторонах; там, вероятно, располагались ворота. Сохранившиеся размеры рва: ширина дна 2,4–3 м, верхней части 4–4,5 м, глубина 0,2–0,9 м. С внешней стороны ров окружен откосом (контрэскарпом) шириной 4,4–9,6 м и высотой 0,6–1 м, сооруженным из озерной глины и укрепленным битыми раковинами. Эти сооружения, вероятно, имели не только оборонительное, но и гидротехническое значение, защищая платформу от подтопления.

Нельзя при этом не обратить внимания на еще одно обстоятельство. Дело в том, что расположение городища, в данном случае укрепленного поселения, далеко не случайно. Как показывает исторический опыт древних культур Северной Азии, носители которых имели комплексный, и в первую очередь промысловый, присваивающий, характер экономики, такие пункты располагались вблизи важных для существования популяции промысловых зон, являясь своего рода форпостами их защиты. Причем локализация их нередко шла вразрез с логикой размещения в наиболее удобных для обороны участках местности. В данном случае контроль над высокопродуктивными промысловыми участками имел приоритетное значение.

В южной части платформы располагалось кладбище, состоявшее из 61 захоронения. Могила прямоугольной формы; в двух случаях выявлен уступ, в четырех – остатки деревянных погребальных конструкций; по способу труположения захоронения делятся на одиночные на спине с прямыми конечностями (в основном), на боку со скорченным положением тела, а также вторичные. Инвентарь представлен единичными керамическими сосудами и пряслицами (рис. 2, 22–24), немногочисленными бронзовыми ножами (рис. 2, 6–8) и браслетами, раковинами с просверленными отверстиями для нанизывания, костяными наконечниками

³ Чжоу Жяньчао. Каогу чжунго: Сянь дянь шици ваньчжэндэ хуаньсин бэйцзю – цзиньнин гучэнцунь ичжи каогу синь фасянь [周然朝. 考古中国 | 先滇时期完整的环形贝丘——晋宁古城村遗址考古新发现 // 云南考古]. Китайская археология: раковинная куча круглой формы, сформированная в преддяньский период – новые археологические находки на памятнике Гучэнцунь в уезде Цзиньнин. Статья опубликована на сайте Института материальной культуры и археологии пров. Юньнань, размещена на платформе WeChat. 16.02.2023. (на кит. яз.) URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI2OTQ1MDgzMg==&mid=2247553493&idx=3&sn=6494e24e19222098ae5ccf9ee753c9af&chksm=eae27aeadd95f3fc8f5fd11d739b0c2ca229f79249bf501cd699bcab9f6d51f1e7f788020c22&scene=27 (дата обращения 15.01.2024).

стрел. В юго-восточном углу платформы обнаружено 27 захоронений младенцев (менее двух лет) в керамических сосудах, помещенных в круглые или овальные ямы; скелеты лежали на боку или ничком с подогнутыми ногами (рис. 1, 5), инвентарь отсутствовал. Урны *вэн* с шарообразным туловом, в которые помещались тела, специально изготавливались для этой цели из хорошо отмученной глины с добавлением мелкого просеянного песка; впрочем, иногда использовали и бытовую керамику.

Рис. 1. Раковинная куча Гучэнцунь:

1, 2, 6 – керамические сосуды; 3, 4 – раковинные слои; 5 – захоронение младенца в керамическом оссуарии.

Таблица подготовлена к печати А. И. Соловьевым по: Чэнь Юйвэй (2023, см. примеч. 2);

Яо Даньпин, Ду Чжуньин (2023, см. примеч. 8), Чжоу Жаньчао (2023, см. примеч. 3)

Fig. 1. Guchengcun shell mound:

1, 2, 6 – ceramic vessels; 3, 4 – shell layers; 5 – infant burial in ceramic ossuary.

The table prepared for publishing by A. I. Solovyev as per: Chen Yuwei (2023, see note 2);

Yao Danping, Du Zhongying (2023, see note 8); Zhou Ranchao (2023, see note 3)

Рис. 2. Находки в раковинной куче Гучэнцунь:

1 – бронзовый кинжал; 2–7 – бронзовые ножи; 8 – бронзовый наконечник дротика (?); 9–12 – нефритовые подвески хуан; 13–15 – каменные мотыги; 16–21 – бронзовые долота (стамески); 22–24 – керамические пряслица. Масштаб приведен к рис. 2–5, остальные даны не в масштабе. Таблица подготовлена к печати А. И. Соловьевым по: Чень Юйвэй (2023, см. примеч. 2)

Fig. 2. Finds from the Guchengcun shell mound:

1 – bronze dagger; 2–7 – bronze knives; 8 – bronze dart head (?); 9–12 – nephrite pendants *huang*; 13–15 – stone polished hoes; 16–21 – bronze chisels; 22–24 – ceramic spindle whorls. The scale is shown for fig. 2–5, the rest are not to scale. The table prepared for publishing by A. I. Solovyev as per: Chen Yuwei (2023, see note 2)

С внешней юго-восточной стороны откоса прослежены остатки эстакады (пирса) размерами $7,6 \times 1,9$ м, состоявшей из шести деревянных свай, расположенных в два ряда и перекрытых досками, соединявшимися в паз. Следующий этап функционирования памятника тесно связан с предыдущим. Население так называемого раннедяньского периода продолжало использовать преддяньскую платформу, местами ее расширив. Вероятно, именно по этой причине в китайских публикациях приводится только общая хронология для двух этапов Древности: 3600–2500 л. н., без выделения полученных радиоуглеродных дат для конкретных объектов ⁴.

Главные находки второго этапа развития происходят из раскопок 21 жилища – 14 полуземлянок, а также наземных и свайных домов площадью от 6,6 до 22 кв. м. Земляной пол в большинстве помещений и площадки перед ними насыщены разбитыми и целыми раковинами. Среди находок – фрагменты керамики, обломки нефритовых украшений, каменные песты и терочники, деревянные чашки, засовы и крючки, янтарные бусины, фитоциты, морские раковины. Большинство бронзовых изделий – ножи (2, 2–5), небольшие долотца (рис. 2, 16–21), топор, кинжал (рис. 2, 1), наконечники стрел, застежки, рыболовные крючки – также обнаружены в слоях этого горизонта.

Найденные материалы неоднородны, что указывает на разные источники их формирования. Кубки с лощением, чаши *доу* на поддоне (рис. 1, 6), нефритовые подвески *хуан* полукруглой формы (рис. 2, 9–12), каменные шлифованные мотыги (рис. 2, 13–15) и морские раковины свидетельствуют о контактах с культурами неолита и ранней бронзы Восточного Китая. Шаровидные и эллипсоидные сосуды с округлым или маленьким плоским дном и отогнутым наружу венчиком (рис. 1, 1, 2), вероятно, восходят к культуре Байянцунь в районе оз. Эрхай. Ее принято называть неолитической, хотя на поселении найдены также бронзовый кельт и проушной клевец (коса?) ⁵; единственная опубликованная радиоуглеродная дата этого памятника – 3770 ± 85 л. н. ⁶ Отметим, что и сама эта культура неоднородна. Найденные в ее составе каменные жатвенные ножи полукруглой формы для уборки просяных культур, а также расписные сосуды (горшки, открытые банки) ⁷ указывают на вероятные контакты с культурами позднего неолита долины Хуанхэ. В то же время сосуды шаровидной формы (так называемые бомбовидные) в сочетании с вогнутообушковыми бронзовыми ножами (рис. 2, 2–6) и особенно с бронзовым кинжалом с прорезной рукоятью и округлым куполовидным навершием (рис. 2, 1) вызывают некоторые ассоциации с находками эпохи развитой бронзы на территории Северного Китая и сопредельных территорий.

Заключение

В результате проведенных исследований раковинных куч на оз. Дяньчи, как подчеркнул Цзян Чжилун, главный научный сотрудник Института археологии и памятников материальной культуры пров. Юньнань, установлена линия развития от преддяньских и раннедяньских памятников к ее наивысшей точке, представленной бронзами Шичжайшаня, на смену кото-

⁴ У Сяоян, Янь Юн. Дянь вэньхуа цун на лай? Юньнань гучэнцунь ичжи ю чжунъяо фасянь [伍晓阳、严勇。滇文化从哪来? 云南古城村遗址有重要发现 // 新华社]. Откуда пришла культура Дянь? Важные открытия на памятнике Гучэнцунь, пров. Юньнань. Сообщения ИА Синьхуа, размещено на агрегаторе «Байцзяхао». 15.02.2023. (на кит. яз.) URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=175787872962121584&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 15.01.2024).

⁵ Судя по экспонатам в собрании Музея пров. Юньнань. См.: Antiquities of Baiyangcun in Yunnan Provisional Museum // Wikimedia Commons. 28.08.2021. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Antiquities_of_Baiyangcun_in_Yunnan_Provincial_Museum (дата обращения 15.01.2024).

⁶ Байянцунь ичжи [白羊村遗址 // 中国大百科全书]. Памятник Байянцунь // Большая кит. энцикл. (на кит. яз.) URL: <https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=649497> (дата обращения 15.01.2024).

⁷ Эрхай дицзюйдэ синьшици вэньхуа [洱海地区的新石器文化 // 中国大百科全书]. Неолитические культуры в районе оз. Эрхай // Большая кит. энцикл. (на кит. яз.) URL: <https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&ID=638648&Type=bkzbt&SubID=698> (дата обращения 15.01.2024).

рым приходят материалы ханьского административного центра округа Ичжоу⁸. Важно, что в Гучэнцунь условно шанский горизонт без перерыва переходит в чжоуский, а в Хэбосо ханьское поселение примыкает к дяньскому. В то же время вопрос о происхождении (формировании) культуры Дянь представляет немалую сложность для исследователей, и данная публикация только наметила подходы к его решению. Одним из компонентов, лежащих в истоках дяньского феномена, является местный неолит, в период которого имели место контакты с культурами верхнего и среднего течения Хуанхэ. На этот фон накладывается взаимодействие с культурами Восточного и Северного Китая (возможно, и сопредельных территорий). Однако конкретные сопоставления пока провести трудно. Для этого необходимо иметь в своем распоряжении подробные (и пока не опубликованные) сведения о раскопках с распределением находок и датировок по комплексам и с привязкой к конкретным погребениям. Поскольку раскопки памятника продолжаются, то и попытки интерпретации полученных находок можно охарактеризовать как предварительные, которые будут уточняться при получении новых материалов. Во всяком случае уже сейчас можно отметить устойчивые связи начиная с позднего неолита с северными регионами, которые впоследствии реализовались в процессе формирования, по формулировке Д. В. Деопика [1979], «всаднической культуры в верховьях Янцзы», послужившей основой для государства Дянь.

Список литературы

- Деопик Д. В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М.: Наука, 1979. С. 62–67.
- Комиссаров С. А., Соловьев А. И. К вопросу о дяньских поселениях // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10: Востоковедение. С. 22–33. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-22-33
- Комиссаров С. А., Ульянов М. Ю. Кухонные кучи как объект исследования (материалы к археологическому словарю) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. С. 20–22.
- Раков В. А., Бродянский Д. Л. Древняя аквакультура (возделывание устриц в бойсманской неолитической культуре) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3. С. 39–43.
- Сериков Ю. Б. Использование раковин в культовой и хозяйственной практике древнего населения // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2. С. 30–37. DOI 10.20874/2071-0437-2017-37-2-030-037
- Табарев А. В. Устрицы и археологи (о термине «аквакультура» в дальневосточной археологии) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4. С. 52–59.
- Ху Чжэньтао. Покоритель китайских гурманов // Китай. 08.12.2022. URL: http://www.kitaichina.com/rwenhua/202212/t20221208_800315587.html (дата обращения 10.01.2024).
- Dal Martello R., Li Xiaorui, Fuller D. Q. Two-season agriculture and irrigated rice during the Dian: radiocarbon dates and archaeobotanical remains from Dayingzhuang, Yunnan, Southwest China // Archaeological and Anthropological Sciences. 2021. Vol. 13, iss. 4. (P. 1–21). DOI 10.1007/s12520-020-01268-y
- Gamble L. H. Feasting, ritual practices, social memory, and persistent places: new interpretations on shell mounds in Southern California // American Antiquity. 2017. Vol. 82, iss. 3. P. 427–451. DOI 10.1017/aaq.2017.5

⁸ Яо Дяньпин, Ду Чжунъин. Куньмин чжэньгао каогу синь фасянь, даоди цзекайлэ шэньма митуань [姚丹苹、杜仲莹。昆明这个考古新发现，到底揭开了什么谜团？ // 昆明日报]. Это новое археологическое открытие в Куньмине в конце концов открыло какую тайну? // Газета «Куньмин жибао»; мультимедийная публикация размещена на агрегаторе «Байцзяхао». 03.03.2023. (на кит. яз.) URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1759317519878499995&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 15.01.2024).

- Hiroaki Ugai, Masanaru Takai, Takehisa Tsubamoto, Naoko Egi, Maung-Maung, Chit-Sein, Thaung-Htike, Zin-Maung-Maung-Thein.** A preliminary report on the freshwater molluscan fossils from Myanmar // *Asian Paleoprimatology*. 2006. Vol. 4. P. 205–220.
- Lepofsky D., Smith N. F., Cardinal N., Harper J., Morris M., Gitla (White) E., Bouchard R., Kennedy D. I. D., Salomon A. K., Puckett M., Rowell K., McLay E.** Ancient shellfish mariculture on the Northwest Coast of North America // *American Antiquity*. 2015. Vol. 80, iss. 2. P. 236–259. DOI 10.7183/0002-7316.80.2.236
- McNiven I. J.** Ritualized Middening Practices // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2013. Vol. 20, no. 4. P. 552–587. DOI 10.1007/s10816-012-9130-y
- Rick T. C.** Shell midden archaeology: current trends and future directions // *Journal of Archaeological Research*. 2023. 26 Sept. DOI 10.1007/s10814-023-09189-9
- Rogers A. J.** Aquaculture in the ancient world: ecosystem engineering, domesticated landscapes, and the first Blue Revolution // *Journal of Archaeological Research*. 2023. 12 Sept. DOI 10.1007/s10814-023-09191-1
- Song Zhuoyan, Zhang Junqian, Jiang Xiaoming, Wang Chouming, Xie Zhicai.** Population structure of an endemic gastropod in Chinese plateau lakes: evidence for population decline // *Freshwater Science*. 2013. Vol. 32, no. 2. P. 450–461. DOI 10.1899/12-099.1
- Yuan Jing, Liang Zhonghe, Wo Yun, Jia Xiaodong.** Shell mounds in the Jiaodong Peninsula: A study in environmental archaeology // *Journal of East Asian archaeology*. 2002. Vol. 4, iss. 1. P. 1–26. DOI 10.1163/156852302322454486
- Zhang Yekun, Huang Shengmin, Chen Weiju, Qin Fang, Pu Xiaodong, Wei Wenheng, Huang Miaomiao, Wood R., Denham T.** Early Holocene phytolith records for three shell midden sites, Yongjiang River, Guangxi Province, China // *The Holocene*. 2021. Vol. 31, iss. 1. P. 95–107. DOI 10.1177/0959683620961483
- Цзян Чжилун, Ян Вэй, Се Хоминь, Цян Цземинь.** Юньнань кунминьши хэбосо цинтун шидай ичжи [蒋志龙、杨薇、谢霍敏、蒋杰名。云南昆明市河泊所青铜时代遗址 // 考古]. Памятник бронзового века Хэбосо, г. Куньмин, Юньнань // *Каогу*. 2023. № 7. С. 60–78. (на кит. яз.)
- Чжан Екунь, Хуан Шэнминь, Цинь Фан, Пу Сяоду, Вэй Вэньхэн, Хуан Мяомяо.** Гуанси юнцзян лююй цзао цюаньсиньши бэйцю ичжидэ шэнъе синтай хэ динцзюй моши фэньси: лай цзы чжиу ицуньдэ цзунхэ чжэнцзюй [张焯昆、黄胜敏、覃芳、蒲晓东、韦文恒、黄渺淼。广西邕江流域早全新世贝丘遗址的生业形态和定居模式分析：来自植物遗存的综合证据 // 第四纪研究]. Анализ способа основного производства и модели оседлости на раковинной куче раннего голоцена в бассейне р. Юнцзян, Гуанси: комплексные свидетельства, полученные из растительных остатков // *Дисыцзи яньцзю*. 2021. Т. 41, № 5. С. 1408–1424. (на кит. яз.) DOI 10.11928/j.issn.1001-7410.2021.05.15

References

- Dal Martello R., Li Xiaorui, Fuller D. Q.** Two-season agriculture and irrigated rice during the Dian: radiocarbon dates and archaeobotanical remains from Dayingzhuang, Yunnan, Southwest China. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2021, vol. 13, iss. 4 (pp. 1–21). DOI 10.1007/s12520-020-01268-y
- Deopik D. V.** Vsadnicheskaya kul'tura v verkhov'yakh Yantszy i vostochnyi variant “zverinogo stilya” [Equestrian culture in the Upper Yangzi and Eastern variant of “animal style”]. In: *Kul'tura i iskusstvo narodov Srednei Azii v drevnosti i srednevekov'e* [Culture and art of Middle Asian peoples in Ancient and Medieval Epoch]. Moscow, Nauka, 1979, pp. 62–67. (in Russ.)

- Gamble L. H.** Feasting, ritual practices, social memory, and persistent places: new interpretations on shell mounds in Southern California. *American Antiquity*, 2017, vol. 82, iss. 3, pp. 427–451. DOI 10.1017/aaq.2017.5
- Hiroaki Ugai, Masanaru Takai, Takehisa Tsubamoto, Naoko Egi, Maung-Maung, Chit-Sein, Thaung-Htike, Zin-Maung-Maung-Thein.** A preliminary report on the freshwater molluscan fossils from Myanmar. *Asian Paleoprimatology*, 2006, vol. 4, pp. 205–220.
- Jiang Zhilong, Yang Wei, Xie Huomin, Jiang Jieming.** Yunnan kongminshi hebosuo qintong shidai yizhi [蒋志龙、杨薇、谢霍敏、蒋杰名。云南昆明市河泊所青铜时代遗址 // 考古]. Bronze Age site of Hebosuo, Kunming City, Yunnan. *Kaogu*, 2023, no. 7, pp. 60–78. (in Chin.)
- Khu Chzhen'tao.** Pokoritel' kitaiskikh gurmaenov. *China*, 08.12.2022. (in Russ.) URL: http://www.kitaichina.com/rwenhua/202212/t20221208_800315587.html (accessed: 10.01.2024).
- Komissarov S. A., Solovyev A. I.** On the Problem of Dian Settlements. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 10: Oriental Studies, pp. 22–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-22-33
- Komissarov S. A., Ulyanov M. Yu.** Kitchen middens as an object of studies (materials to archaeological vocabulary). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, vol. 10, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 20–22. (in Russ.)
- Lepofsky D., Smith N. F., Cardinal N., Harper J., Morris M., Gitla (White) E., Bouchard R., Kennedy D. I. D., Salomon A. K., Puckett M., Rowell K., McLay E.** Ancient shellfish mariculture on the Northwest Coast of North America. *American Antiquity*, 2015, vol. 80, iss. 2, pp. 236–259. DOI 10.7183/0002-7316.80.2.236
- McNiven I. J.** Ritualized Middening Practices. *Journal of Archaeological Method and Theory*, 2013, vol. 20, no. 4, pp. 552–587. DOI 10.1007/s10816-012-9130-y
- Rakov V. A., Brodyansky D. L.** Drevnyaya akvakul'tura (vozdeleyvanie ustrits v boismanskoi neoliticheskoi kul'ture) [Ancient aquaculture (oyster farming in Boisman Neolithic culture)]. *Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*, 2007, no. 3, pp. 39–43. (in Russ.)
- Rick T. C.** Shell midden archaeology: current trends and future directions. *Journal of Archaeological Research*, 2023, 26 Sept. DOI 10.1007/s10814-023-09189-9
- Rogers A. J.** Aquaculture in the ancient world: ecosystem engineering, domesticated landscapes, and the first Blue Revolution. *Journal of Archaeological Research*, 2023, 12 Sept. DOI 10.1007/s10814-023-09191-1
- Serikov Yu. B.** Ispol'zovanie rakovin v kul'tovoi i khozyaistvennoi praktike drevnego naseleniya [The using of shells in the cult and economic practice of the ancient population]. *Vestnik of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, 2017, no. 2, pp. 30–37. (in Russ.) DOI 10.20874/2071-0437-2017-37-2-030-037
- Song Zhuoyan, Zhang Junqian, Jiang Xiaoming, Wang Chouming, Xie Zhicai.** Population structure of an endemic gastropod in Chinese plateau lakes: evidence for population decline. *Freshwater Science*, 2013, vol. 32, no. 2, pp. 450–461. DOI 10.1899/12-099.1
- Tabarev A. V.** Ustritsy i arkheologi (o termine “akvakul'tura” v dal'nevostochnoi arkheologii) [Oysters and archaeologists (about the term “aquaculture” in the Far Eastern archaeology)]. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2007, no. 4, pp. 52–59. (in Russ.)
- Yuan Jing, Liang Zhonghe, Wo Yun, Jia Xiaodong.** Shell mounds in the Jiaodong Peninsula: A study in environmental archaeology. *Journal of East Asian Archaeology*, 2002, vol. 4, iss. 1, pp. 1–26. DOI 10.1163/156852302322454486
- Zhang Yekun, Huang Shengmin, Chen Weiju, Qin Fang, Pu Xiaodong, Wei Wenheng, Huang Miaomiao, Wood R., Denham T.** Early Holocene phytolith records for three shell midden sites, Yongjiang River, Guangxi Province, China. *The Holocene*, 2021, vol. 31, iss. 1, pp. 95–107. DOI 10.1177/0959683620961483
- Zhang Yekun, Huang Shengmin, Qin Fang, Pu Xiaodong, Wei Wenheng, Huang Miaomiao.** Guangxi yongjiang liuyu zao quanxinshi beiqiu yizhide shengye xingtai he dingju moshi fenxi:

lai zi zhiwu yicunde zonghe zhengju [张焱昆、黄胜敏、覃芳、蒲晓东、韦文恒、黄渺淼。广西邕江流域早全新世贝丘遗址的生业形态和定居模式分析：来自植物遗存的综合证据 // 第四纪研究]. Analysis of the main mode of production and the settlement pattern on an Early Holocene shell mound in the Yongjiang River basin, Guangxi: comprehensive evidence obtained from plant remains. *Quaternary Sciences*, 2021, vol. 41, iss. 5, pp. 1408–1424. (in Chin.) DOI 10.11928/j.issn.1001-7410.2021.05.15

Информация об авторах

Сергей Александрович Комиссаров, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57195200866

RSCI Author ID 143809

SPIN 6832-0603

Александр Иванович Соловьев, доктор исторических наук

Scopus Author ID 18042706600

WoS Researcher ID ABA-6010-2020

RSCI Author ID 73827

SPIN 9782-2613

Information about the Authors

Sergey A. Komissarov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57195200866

RSCI Author ID 143809

SPIN 6832-0603

Aleksandr I. Solovyev, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 18042706600

WoS Researcher ID ABA-6010-2020

RSCI Author ID 73827

SPIN 9782-2613

*Статья поступила в редакцию 09.02.2024;
одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 11.02.2024
The article was submitted 09.02.2024;
approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication 11.02.2024*

Научная статья

УДК 904(511)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-91-105

Новый пример раннесредневекового мультикультурализма: погребение Цюй Цина и его жены в Аньяне

Мария Андреевна Кудинова

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

maria-kudinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Аннотация

Представлены материалы нового погребения, исследованного на территории г. Аньян (пров. Хэнань, Китай), сочетающего черты, характерные, с одной стороны, для памятников Северной Ци и Суй, с другой – для «согодийских» гробниц VI в. Из текста эпитафии, помещенной в погребальную камеру, известно, что в могиле захоронены аристократ Цюй Цин и его жена госпожа Хань. Цюй Цин был внуком Цюй Цзя – основателя одной из правящих династий царства Гаочан. Его супруга происходила из знатного рода, имевшего, возможно, ухуаньские корни. Набор каменной утвари, украшенной гравировкой, рельефами и росписями, и эпиграфические материалы служат ценным источником информации о гетерогенной культуре раннесредневекового Китая. Изображения на двери и панно над ней содержательно и стилистически близки к настенным росписям североциских погребений. Каменное ложе по конструкции и декору сходно с аналогичными предметами из «согодийских» погребений. Ширма, установленная перед ложем, украшена гравировкой на сюжеты ранних «рассказов об удивительном» («чжигуай сяошо»).

Ключевые слова

Суй, погребальный обряд, межкультурные контакты, религиозный синкретизм, проза сяошо

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121/>

Для цитирования

Кудинова М. А. Новый пример раннесредневекового мультикультурализма: погребение Цюй Цина и его жены в Аньяне // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 91–105. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-91-105

A New Example of Early Medieval Multiculturalism: The Tomb of Qu Qing and His Wife in Anyang

Maria A. Kudinova

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

maria-kudinova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>

Abstract

The materials of a new burial complex in Anyang (Henan Province, China) combining features of the tombs of Northern Qi and Sui, and of the “Sogdian” tombs of the 6th century AD are presented. From the text of the epitaph placed in

© Кудинова М. А., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 91–105
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 91–105

the burial chamber it is known that aristocrat Qu Qing and his wife Lady Han were buried there. Qu Qing was the grandson of Qu Jia, the founder of one of the ruling dynasties of the Gaochang Kingdom. His wife came from a noble family, possibly with Wuhuan roots. The set of stone items, including door leaves, an engraved panel above them, an engraved screen, and a burial bed decorated with engravings, reliefs and paintings, serves as a valuable source of information about the heterogeneous culture of Early Medieval China. The images on the door and the panel above it are similar in content and style to the murals of the Northern Qi tombs. The plots of the compositions on both sides of the stone screen came from early collections of xiaoshuo prose, that can be classified as zhiguai xiaoshuo ("tales of the miraculous"). The stone bed is similar in design and partly in decorative motifs to the objects from the "Sogdian" burials of the Northern dynasties and Sui. The tomb demonstrates an example of adaptation and transformation of borrowed elements of funeral rites under the influence of Han culture. The combination of Confucian, Taoist, Buddhist and Zoroastrian images and motifs reflects the situation of religious syncretism typical of the early Middle Ages.

Keywords

Sui, funeral rite, intercultural contacts, religious syncretism, xiaoshuo prose

Acknowledgements

This study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-78-10121, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10121>

For citation

Kudinova M. A. A New Example of Early Medieval Multiculturalism: The Tomb of Qu Qing and His Wife in An-yang. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 91–105. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-91-105

Введение

В 2020 г. в районе Лунъянь г. Анянь пров. Хэнань было обнаружено и раскопано парное погребение эпохи Суй, принадлежащее аристократу Цюй Цину и его жене госпоже Хань. Несмотря на разграбление, в могиле сохранилось значительное количество сопроводительного инвентаря, включая каменные плиты с эпитафиями, из которых известны имена погребенных и даты захоронения, а также каменное ложе, декорированное гравировкой, рельефами, росписями и позолотой и обнаруживающее некоторое сходство с предметами из так называемых «согдийских» гробниц (погребения Кан Е, Ань Цзя и Ши-цзюня в Сиане, Юй Хуна в окрестностях Тайюаня и др.).

Цель статьи заключается в том, чтобы представить описание конструкции, погребальной утвари и сопроводительного инвентаря этой гробницы и предложить собственную интерпретацию отдельных сюжетов изображений, нанесенных на поверхности каменной утвари. Описание погребального комплекса и цитаты из эпиграфических текстов даны по опубликованному отчету о раскопках [Ху Юйцзюнь, 2023] с привлечением не включенных в него материалов, которые демонстрировались в документальном фильме на канале CCTV-10 «Наука и образование»¹.

Краткая характеристика погребального комплекса

Погребение Цюй Цина и его жены представляет собой сложенный из кирпича склеп, в который с юга вел длинный наклонный дромос. Могила была ограблена еще в древности, а кроме того получила повреждения в ходе современных строительных работ, поэтому изначальная конструкция была нарушена. Сохранившаяся часть дромоса в длину достигает 3,3 м, ширина варьирует в пределах 1,22–1,6 м. Дромос соединялся с погребальной камерой входным тамбуром, длина которого составляет 2,4 м, ширина – 1,4 м, высота – не менее 1,86 м

¹ Таньсо фасянь. Каогу цзиньсинши. Дисань цзи. Цюй Цин му ши гуаньчуан фацзюэ цзи [《探索·发现》2021/09/22 2021 考古进行时 第三季 鞠庆墓石棺床发掘记]. Программа «Исследования и открытия», цикл «Археология в реальном времени 2021», сезон 3. Документальный фильм «Записки о раскопках каменного погребального ложа Цюй Цина». 22.09.2021 // Сайт Центрального телевидения Китая (CCTV). URL: <https://tv.cctv.com/2021/09/22/> (дата обращения 09.01.2024).

(потолок не сохранился). В стенах тамбура напротив друг друга располагались ниши. Две из них, находившиеся ближе к дромосу, сравнительно крупные (ширина и глубина составляют 32–33 см, высота – более 1 м), внутри были установлены мраморные скульптуры вооруженных стражников. Еще две ниши, расположенные ближе к входу в камеру, – меньше по размерам: габариты ниши в восточной стене составляли 11 × 18 × 17 см, в западной – 13 × 31 × 17 см, возможно, они предназначались для размещения светильников. В центральной части тамбура была установлена каменная дверь, украшенная гравированными изображениями. Над ней располагалось декоративное каменное панно полукруглой формы. Погребальная камера сложена из кирпича, подквадратная в плане (3,6 × 3,52 м), со скругленными углами и дугообразными стенами. Крыша камеры не сохранилась. Вдоль северной стены стояло каменное ложе. Перед ним на полу уложены в ряд три крупных кирпича с лotosовым орнаментом. Кроме того, перед ложем был установлен каменный экран, обе стороны которого покрыты гравированными изображениями (рис. 1).

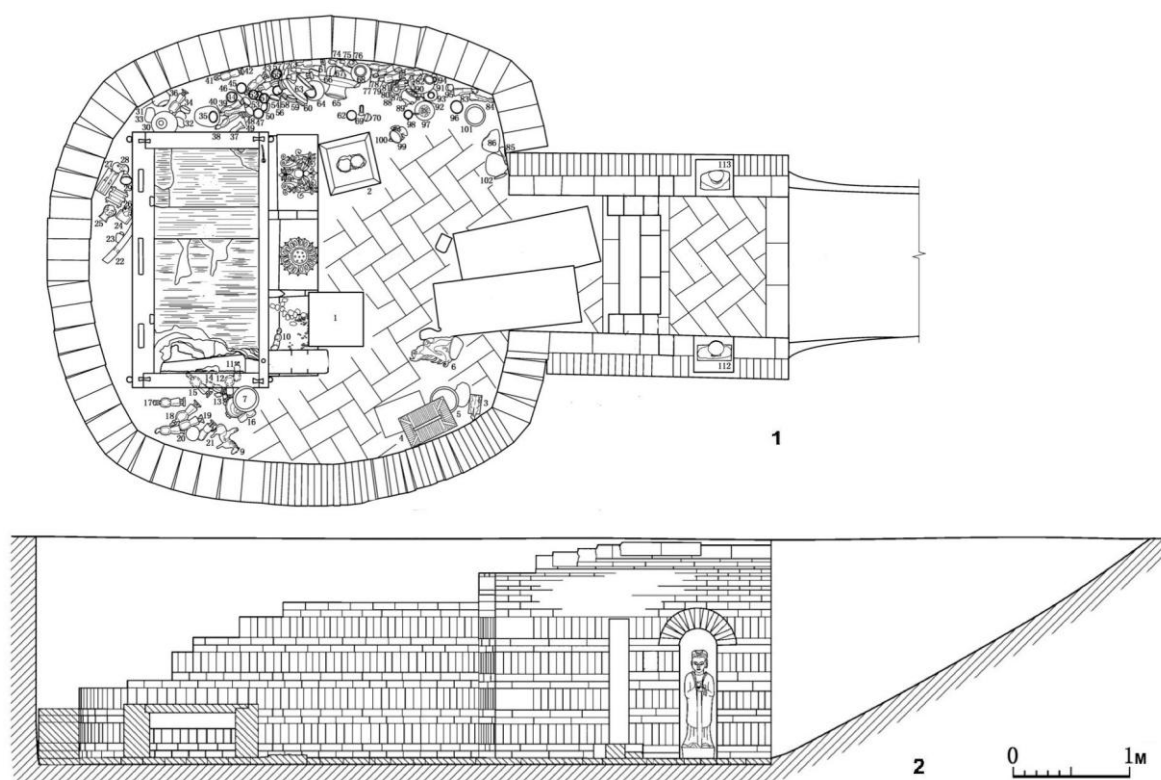

Рис. 1. Погребение Цюй Цина и госпожи Хань:
1 – план; 2 – разрез. По: [Ху Юйцзюнь, 2023, с. 394–395]

Fig. 1. Tomb of Qu Qing and Lady Han:
1 – plan; 2 – section. As per: [Hu Yujun, 2023, p. 394–395]

Костяки погребенных не сохранились, но из текстов эпитафий известно, что здесь была захоронена супружеская пара – Цюй Цин (麴慶) и его жена урожденная Хань (韓氏). Сохранившийся сопроводительный инвентарь насчитывает 338 предметов, включая каменные и фарфоровые фигурки, фарфоровые сосуды, каменные плиты с эпитафиями, бронзовые монеты, выпущенные в Северной Ци и Суй, железное зеркало. Примечательно, что 66 фарфоровых статуэток размещались под каменным ложем и не были замечены грабителями, а потому сохранились *in situ*. Наиболее многочисленными категориями изделий являются

фарфоровые фигурки людей и животных, модели зданий, а также сосуды и другая утварь из фарфора, покрытого белой глазурью. В настоящее время 68 предметов, в том числе статуэтки, найденные под ложем, находятся на реставрации и не опубликованы, однако часть из них демонстрировалась в документальном фильме о раскопках.

Набор мелкой пластики – типичный для эпохи Северных династий в целом и для погребальной традиции Восточной Вэй и Северной Ци в частности. В могиле найдены фигурки слуг, воинов, фантастических зверей – хранителей гробницы. Статуэтки изготовлены из фарфора, расписаны, но не покрыты глазурью. Среди них выделяются фигурки служанок, держащих в руках фарфоровые сосуды, копирующие реальные предметы из этого же погребения. Интересно также, что фигурки, установленные под ложем, воспроизводят облик не только ханьцев, но и выходцев с Запада, возможно, из Центральной Азии или Византии, в то время как статуэтки, найденные в других частях могилы, изображают исключительно ханьцев.

Изобразительные и эпиграфические материалы

Одним из важнейших источников этнокультурной информации в составе данного комплекса являются корпус изобразительных материалов, представленных гравированными и рельефными композициями, украшавшими каменную утварь, а также эпиграфические материалы – эпитафии и надпись на ширме.

1. Дверь и панно

Каменное панно над дверью – полукруглой формы (длина 115,5 см, максимальная высота 60 см). Отшлифованная поверхность покрыта гравировкой, структурно выделяются две зоны: композиция в верхней части, вписанная в полукруг, и орнаментальный пояс вдоль нижнего края плиты. Основной сюжет панно представляет собой изображение мужчины и женщины, пирующих на топчане под навесом с пологом. Видимо, это парный портрет погребенных – Цюй Цина и госпожи Хань. Супруги сидят напротив друг друга, вполоборота к зрителю. В руке у мужчины чаша, центральная часть топчана уставлена блюдами и пиалами с яствами. Перед навесом стоят глубокая миска и богато декорированный кувшин с широкой горловиной с бортиком, носиком в виде петушиной головы и ручкой в форме дракона, тулово сосуда украшено орнаментом в виде листьев лотоса. Подобные изделия из селадонового фарфора известны по элитным погребениям Северной Ци (см.: [Кудинова и др., 2023, с. 131]). По обеим сторонам от навеса изображены слуги. Со стороны Цюй Цина – два мужчины, один из них приготовил для хозяина полотенце, стоящий за ним человек с признаками карликовости держит бокал на поддоне, точно такой же реальный фарфоровый сосуд найден в погребении. С противоположной стороны от навеса стоят две служанки, одна из которых держит блюдо с едой. За слугами на «мужской» стороне панно изображен почетный караул с подготовленной, вероятно, для Цюй Цина лошадью под седлом. С «женской» стороны выгравированы нарядная повозка, запряженная быком, и несколько сопровождающих ее слуг. Фоном служат изображения гор, разнообразной растительности и плывущих в небе облаков.

Пояс в нижней части панно разделен на семь прямоугольников. В центральном вырезано изображение духа-силача (力士 *лиши*), держащего на плечах поднос с ритуальным кувшином для омовения – кундикой, по бокам поднос поддерживают два ребенка. В двух следующих от центра рамках выгравированы сидящие львы. Далее – пальметты и цветы лотоса (рис. 2, 1).

Каменные створки двери (высота – ок. 122 см, ширина – ок. 49 см) также украшены гравировкой: слева вырезано изображение белого тигра, справа – лазоревого дракона (рис. 2, 2, 3).

2. Ширма

Экран-ширма был установлен в центральной части погребальной камеры, непосредственно перед ложем. Основная его часть – плита из сине-серого камня шириной 115 см, высотой

90,5 см, толщиной 12,5–14,5 см, обе ее стороны покрыты гравированными изображениями, вписанными в прямоугольные рамки с узором в виде нити перлов.

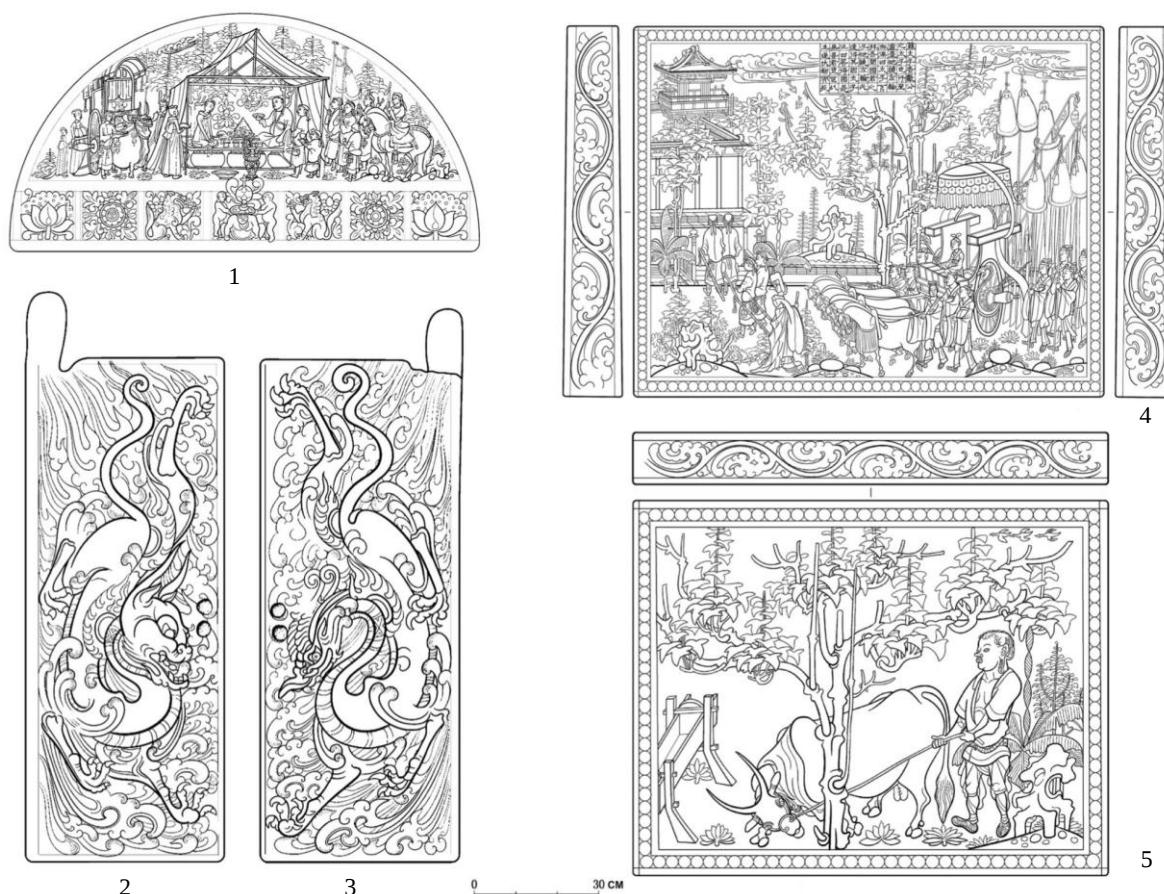

Рис. 2. Дверь, панно и ширма:

1 – панно над дверью; 2, 3 – створки двери; 4 – передняя сторона ширмы; 5 – обратная сторона ширмы.

По: [Ху Юйцзюнь, 2023, с. 396–397, 399–400]

Fig. 2. Door, panel and screen:

1 – panel above the door; 2, 3 – door leaves; 4 – front side of the screen; 5 – reverse side of the screen.

As per: [Hu Yujun, 2023, p. 396–397, 399–400]

На одной стороне изображено торжественное шествие. Композиционным центром служит колесница, запряженная четверкой лошадей, в сопровождении почетного эскорта и охраны. В кузове колесницы находится молодой мужчина в головном уборе, с мечом в руке. Вокруг одного из колес экипажа обвилась змея. Перед колесницей стоит чиновник в парадном костюме и высоком головном уборе, с дощечкой для записей в руках. Он обращен лицом к пассажиру экипажа, т. е. спиной к зрителям. В левом верхнем углу плиты изображен павильон с галереей, окруженный рвом, через который перекинут мостик. Кажется, именно сюда направляется процессия. На фоне показаны разные элементы ландшафта, растения, птицы, облака (рис. 2, 4).

Ключ к расшифровке сцены дан в надписи, вырезанной по центру в верхней части плиты. Текст состоит из 60 иероглифов, выполненных в стиле *лишу*: 蘇太子者，獻公之太子也。行至靈台，蛇繞左輪。御僕曰：「太子下拜，吾聞國君之子，蛇繞左輪，必速得其國」。太子泣曰：「若得國，是無吾君，豈可以生」。遂伏劍而死。«Принц Су был наследником Сянь-гуна.

<Когда он> отправился к башне для наблюдения за небесными явлениями, змея обвилась вокруг левого колеса. Возница сказал: “Наследный принц, поклонитесь <змее>. Я слышал, если сын правителя <увидит, что> змея обвилась вокруг левого колеса, непременно в скором времени займет <престол в> своем государстве”. Наследный принц со слезами на глазах сказал: “Если <я> займу <престол в> государстве, это значит, что не будет моего отца-государя, разве можно тогда жить?” Тут же бросился на меч и умер». Этот отрывок представляет собой парафраз фрагмента из раздела «Цзе ши» (節士 «Добродетельные мужи») сборника *сяошо* «Синь сюй» (新序 «Новое предисловие») ², составленного знаменитым ученым Лю Сяном (77–6 до н. э.) (см.: [Алимов, 2014, с. 126–136]). Позднее этот же сюжет был использован философом Ван Чуном (27 – ок. 97–107) в разделе «И сюй» (異虛 «Ложность странного») трактата «Лунь хэн» (論衡 «Взвешивание рассуждений») ³. Вероятно, он оставался популярным вплоть до эпохи Суй.

На обратной стороне ширмы выгравирована следующая сценка: под раскидистым деревом стоит мужчина с кудрявыми волосами, широким носом и округлыми глазами, с серьгой в виде кольца с ухе с неестественно длинной мочкой. На нем короткая рубашка или куртка с короткими рукавами, стянутая поясом, украшенным бляшками, и широкие штаны. По всей видимости, это иноземец ху или *куньлунь* ⁴. Мужчина с силой тянет упирающегося буйвола за повод, продетый через кольцо в носу животного. В левом нижнем углу изображена водопойная колода, от которой человек, по-видимому, уводит быка. В правом нижнем углу – декоративный камень и кусты. Вдоль нижнего края показаны кустики травы,верху – летящие птицы (рис. 2, 5).

В настоящее время известно лишь одно аналогичное изображение – настенная роспись из гробницы Ли Даоцзяня (685–738), правнука Ли Юаня – танского императора Гао-цзу, на территории некрополя Сяньлин в уезде Фупин пров. Шэньси ⁵. Анализу этого сюжета, условно названного китайскими учеными «куньлуньский раб ведет синего быка» (崑崙奴馭青牛圖 *куньлуньну юй цин ню ту*), Сюй Тао [2008] посвятил специальное исследование. Ему удалось установить, что образ синего быка связан с рассказом из анонимного сборника «Лу и чжуань» (錄異傳 «Повествования, записывающие странное»), составленного в 1-й пол. V в. при Восточной Цзинь или Лю-Сун [Алимов, 2014, с. 225–227].

<Во времена циньского Вэнь-гуна в горах Наньшань в <области> Юнчжоу росла большая катальпа. Вэнь-гун срубил ее, и вдруг начался сильный ливень, а дерево срослось, как будто его не рубили. В то время один человек заболел, ночью он отправился в горы и услышал, как <какой-то> бес спрашивает духа дерева: “Если Цинь пошлет человека с распущенными волосами, чтобы он обвязал дерево красной нитью и срубил тебя, разве ты не окажешься в затруднительном положении?” Дух дерева ничего не ответил. На следующий день больной рассказал об услышанном. Гун срубил дерево так, как тот сказал. Дерево раскололось, из него выскочил синий бык и вошел в воды реки Фэншуй. Впоследствии бык вновь появился из реки, хотели оседлать его или убить – безуспешно. Пытавшийся оседлать быка падал на землю и снова поднимался, <он> распустил волосы, бык испугался этого, нырнул в воду

² См. полный текст этого раздела: [Цзе ши [节士 // 中國哲學書電子化計劃]. Эл. ресурс Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/xin-xu/jie-shi/zhs> (дата обращения 09.01.2024).

³ И сюй [異虛 // 中國哲學書電子化計劃]. Эл. ресурс Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/lunheng/yi-xu/zhs> (дата обращения 09.01.2024).

⁴ *Куньлунь* 崑崙 – обобщенное название темнокожих выходцев из Юго-Восточной Азии в средневековом Китае. См.: [Алимов, Кравцова, 2014, с. 1105].

⁵ Цзин Цзэхао. Шэньси Фупин фацзюэ тан Гао-цзу цзэнсунь Ли Даоцзянь му. Чуту шаньшуй бихуа ховэй Чжунго сяньдунь цзуйцао [敬泽昊. 陕西富平发掘唐高祖曾孙李道坚墓 出土山水壁画或为中国现存最早 // 中国考古]. В уезде Фупин, Шэньси, раскопано погребение правнука танского Гао-цзу Ли Даоцзяня. Обнаруженная пейзажная настенная роспись, возможно, является самой ранней в Китае // Сайт Института археологии АОН КНР. 12.07.2017. URL: <http://kaogu.net.cn/cn/xccz/20170712/58867.html> (дата обращения 09.01.2024).

и больше не выходил. Поэтому учредили <должности> ездовых-*маотоу*⁶. Хань, Вэй и Цзинь следовали этому <установлению>. В округе Уду⁷ воздвигли Кумирню разгневанного быка, это и есть бык – дух большой катальпы» (цит. по: [Сюй Тао, 2008, с. 377])⁸. Очевидно, рассматриваемая нами композиция детально воспроизводит именно этот сюжет.

Рассказ из «Лу и чжуань» приводится в комментарии «Шицзи чжэньи» («Правильный смысл “Исторических записок”»), составленном в 1-й пол. VIII в. Чжан Шоуцзе. Он дан для пояснения следующего отрывка из раздела «Основные записи Цинь» «Исторических записок» Сыма Цяня: «二十七, 伐南山大梓, 豐大特 «На двадцать седьмом году⁹ правления <циньский Вэнь-гун> срубил большую катальпу в горах Наньшань, <там был> большой бык – дух реки Фэншуй (см.: [Сыма Цянь, 2003, с. 20, 294–295, примеч. 31]). Позднее эта легенда была включена в энциклопедию «Императорское обозрение годов Тайпин» (2-я пол. X в.).

В «Шицзи чжэньи» этот текст снабжен еще одним важным для нас примечанием: 今俗畫青牛障是 «В наши дни есть обычай рисовать синего быка на ширмах» (цит. по: [Сюй Тао, 2008, с. 377–378]). Есть и более раннее упоминание этой традиции – в «Похвальном эпиграфе к изображению синего быка, ограждающего от нечистой силы» (辟厭青牛畫贊 *Биянь цинню хуацзань*) поэта и чиновника Лю Сяовэя (496?–548/549), жившего в империи Лян. Стихи воспевают величественный облик и буйный нрав животного, а завершается панегирик строкой: 曹興拂采, 徐邈成圖 (*Цао Син фу цай, Сюй Мяо чэн ту*) «Цао <Бу>син писал красками, Сюй Мяо создавал рисунки» (цит. по: [Сюй Тао, 2008, с. 377–378]). Здесь упомянуты выдающиеся художники эпохи Троецарствия Сюй Мяо (徐邈, 172–249) и Цао Бусин (曹不興, III в.), что говорит о популярности образа синего быка в китайском изобразительном искусстве дотанского времени. Находка каменного экрана в погребении Цюй Цина подтверждает данные письменных источников о традиции изображения синего быка на ширмах, что, вероятно, имело целью наделение их магическими защитными свойствами.

Сюжеты композиций на двух сторонах экрана происходят из ранних сборников прозы *сяошо*, их можно отнести к категории *чжигуай сяошо* («рассказы об удивительном») [Алимов, 2014, с. 147–151]. Изображения объединены центральными образами фантастических существ – змеи и синего быка, а также временем действия – эпохой Чуньцю.

3. Ложе

Погребальное ложе, длина которого составляет 2,19 м, ширина – 1,17 м, было установлено в северной части камеры, напротив входа. Его конструкция включает следующие элементы: основание из трех горизонтально уложенных каменных плит; передняя и задняя опорные плиты и боковые блоки-перекладыны, образующие каркас, на который уложены плиты основания; выполненные виде створчатой ширмы боковые и задняя стенки, образованные установленными вертикально плитами. За исключением основания все конструктивные элементы украшены рельефными или гравированными изображениями, часть из них была покрыта

⁶ Воины с распущенными волосами (髻頭 *маотоу*, досл. «косматая голова»), которые во время парадного выезда правителя ехали в авангарде и, видимо, должны были защищать государя от злых сил. Интересно, что *маотоу* имеет и другое значение: это название созвездия в Западном дворце неба, известного также под наименованием Мао 昴 и соответствующего звездному скоплению Плеяды в созвездии Тельца. В «Трактате о небесных явлениях» («Тянь-гуань шу») «Исторических записок» говорится: «Созвездие Мао называется еще Мао-тоу (“Косматая голова”). Это звезда варваров ху, служит также для траурных встреч в белых одеждах» [Сыма Цянь, 1986, с. 119]. Растрепанные, не убранные в прическу волосы в Китае традиционно считались атрибутом варваров. Вероятно, этой ассоциативной связью обусловлено появление в составе анализируемой композиции фигуры варвара ху или *куньлунь*.

⁷ В западной части современного уезда Чэнсянь городского округа Луннань пров. Ганьсу.

⁸ См. также: Лу и чжуань [錄異傳 // 中國哲學書電子化計劃]. Эл. ресурс Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=859679> (дата обращения 09.01.2024).

⁹ 739 г. до н. э.

краской и позолотой. Перед ложем в поверхность пола погребальной камеры были вставлены три узорных кирпича, служившие подножием (рис. 3, 1). Они абсолютно идентичны кирпичам с лotosовым орнаментом, найденным при раскопках дворца в Ечэне – столице Северной Ци (на территории современного г. Ханьдэнь пров. Хэбэй), откуда и были, по-видимому, доставлены в Аньян [Ху Юйцзюнь, 2023, с. 433].

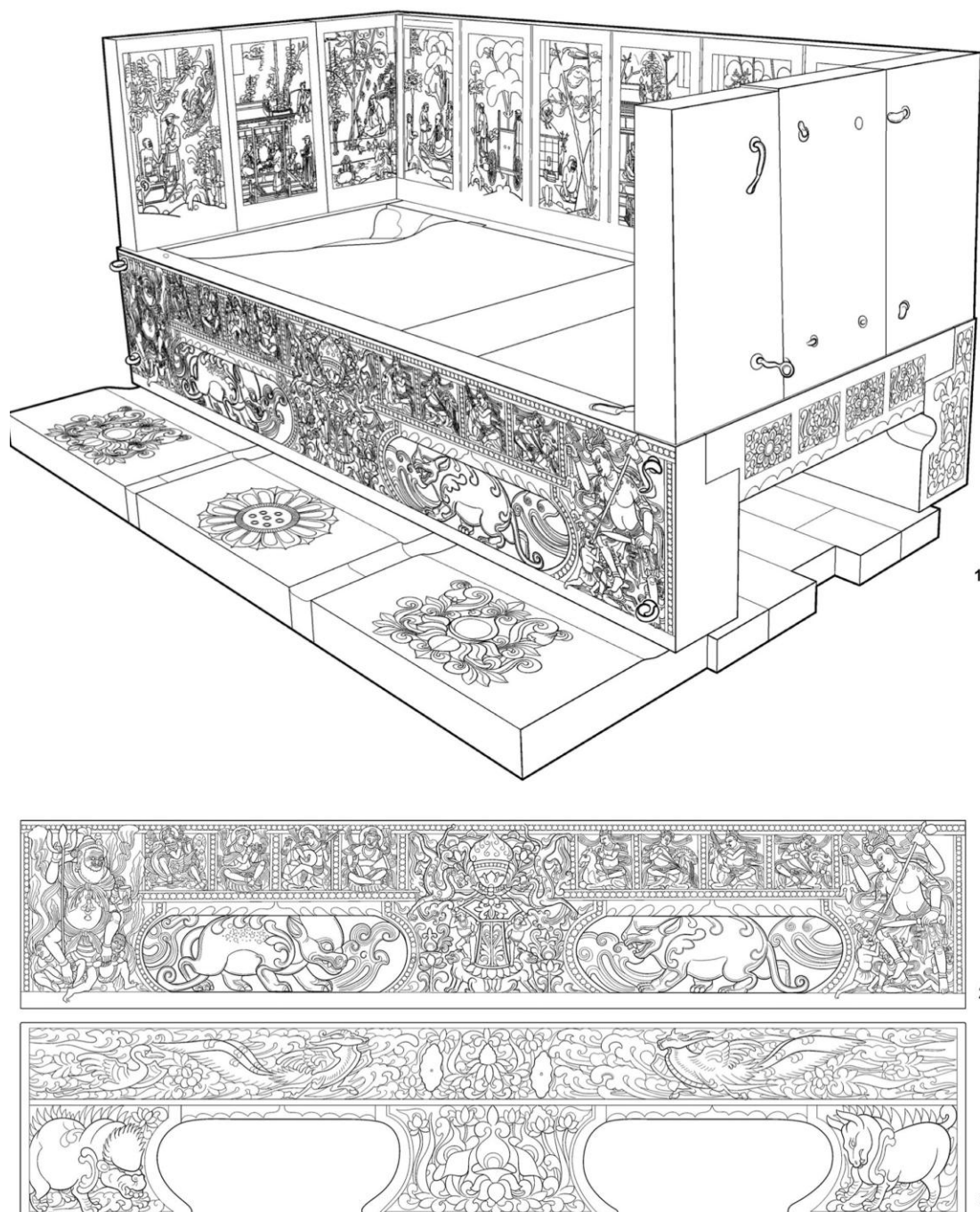

Рис. 3. Ложе:

1 – общий вид; 2 – передняя опора; 3 – задняя опора. По: [Ху Юйцзюнь, 2023, с. 403–404]

Fig. 3. Stone bed:

1 – general view; 2 – front footing; 3 – rear footing. As per: [Hu Yujun, 2023, p. 403–404]

Передняя опорная плита – прямоугольной формы, сделана из мрамора. Это наиболее богато украшенная часть ложа, в декоре которой использованы техники рельефа, росписи и позолоты. На плите показан контур перекладки и трех ножек, поверхность внутри контура заполнена изображениями, выполненными в низком рельефе. В центре находится огненный алтарь на подставке с узором в виде лепестков лотоса. Основание алтаря поддерживают два льва и два ребенка. С двух сторон от чаши с пламенем изображены дракон и тигр. В верхней части плиты, по обе стороны от алтаря огня, размещены заключенные в квадратные рамки образы божественных музыкантов *гандхарвов* (по четыре с каждой стороны). У левого и правого краев плиты вырезаны полуобнаженные фигуры двух духов-защитников. Тот, что слева, в одной руке держит трезубец, в другой – чашу, обеими ногами попирает демонов. Справа показан четырехрукий персонаж с различными предметами вооружения в каждой из рук, он также попирает демонов ногами, а одного из них пронзает копьем. В нижней части плиты, как бы между ножками ложа, помещены фигуры фантастических существ, выполненные как сквозной рельеф (рис. 3, 2).

Задняя опора изготовлена из сине-серого камня в форме перекладки с ножками. Она покрыта гравированными узорами, при этом выделяются два яруса: верхний – горизонтальный пояс вдоль верхнего края, нижний – изображения на поверхности трех ножек. В центре верхней части помещено изображение драгоценной жемчужины, справа и слева от нее – фантастические крылатые создания, у левого края – изображение летящей птицы. На ножках выгравированы драгоценная жемчужина среди лotosовых цветов и листьев (в центре) и два фантастических зверя (слева и справа) (рис. 3, 3). Асимметрия в расположении изображений и оставшиеся не зашлифованными следы черновой обработки камня указывают на то, что работа над оформлением этой части конструкции осталась не завершенной.

Стенки ложа образованы установленными вертикально каменными плитами, которые покрыты выполненными в низком рельефе и раскрашенными изображениями (рис. 4). Задняя стенка представляет собой одну большую плиту, разделенную на шесть прямоугольных зон, подобно секционной ширме. Каждая из боковых стенок состоит из трех скрепленных между собой плит. Таким образом, всего на стенках ложа представлено 12 сюжетных композиций, по три из которых размещены на боковых панелях (рис. 4, 1–3, 10–12) и еще шесть – на задней (рис. 4, 4–9). По-видимому, всем композициям должны были сопутствовать комментарии, для которых оставлено место в специальных рамках, расчерченных для нанесения иероглифических надписей. Эти рамки имеются на всех рельефах кроме одного, где, однако, также есть свободное пространство. По какой-то причине изначальный замысел не был реализован, и надписи в рамках отсутствуют, что осложняет интерпретацию изображений. Поэтому мы ограничимся кратким описанием рельефов в порядке, соответствующем их расположению слева направо.

Рельеф 1. На платформе, стоящей между двумя высокими деревьями, сидит обнаженный до пояса старик. В руке он держит сосуд. Перед ним стоит еще один старик в головном уборе и длинном халате. С небес в облаках спускается дух или бессмертный-*сянь*. Оставшееся пространство заполнено изображениями растений (рис. 4, 1).

Рельеф 2. В павильоне на низком топчане сидят две женщины. Между ними стоят блюда с едой, у одной из них в руках пиала и палочки для еды. Им прислуживают несколько человек: мужчина несет продолговатое плоское блюдо, женщина – чашу, рядом еще один мужчина разделяет рыбу, на заднем плане изображен человек с коромыслом. На фоне показаны деревья (рис. 4, 2).

Рельеф 3. На квадратной подстилке сидит человек в капюшоне и длинном широком халате, с выражением глубокой скорби. Перед ним высокий могильный холм, вокруг растут деревья, рядом с человеком на земле и в воздухе изображено несколько маленьких птичек: семь на земле, одна взлетает с дерева вверх, еще пять – будто камнем падают вниз. Высоко в небе летит журавль. На переднем плане показан водоем с лотосами и выглядывающей из воды рыбой (рис. 4, 3).

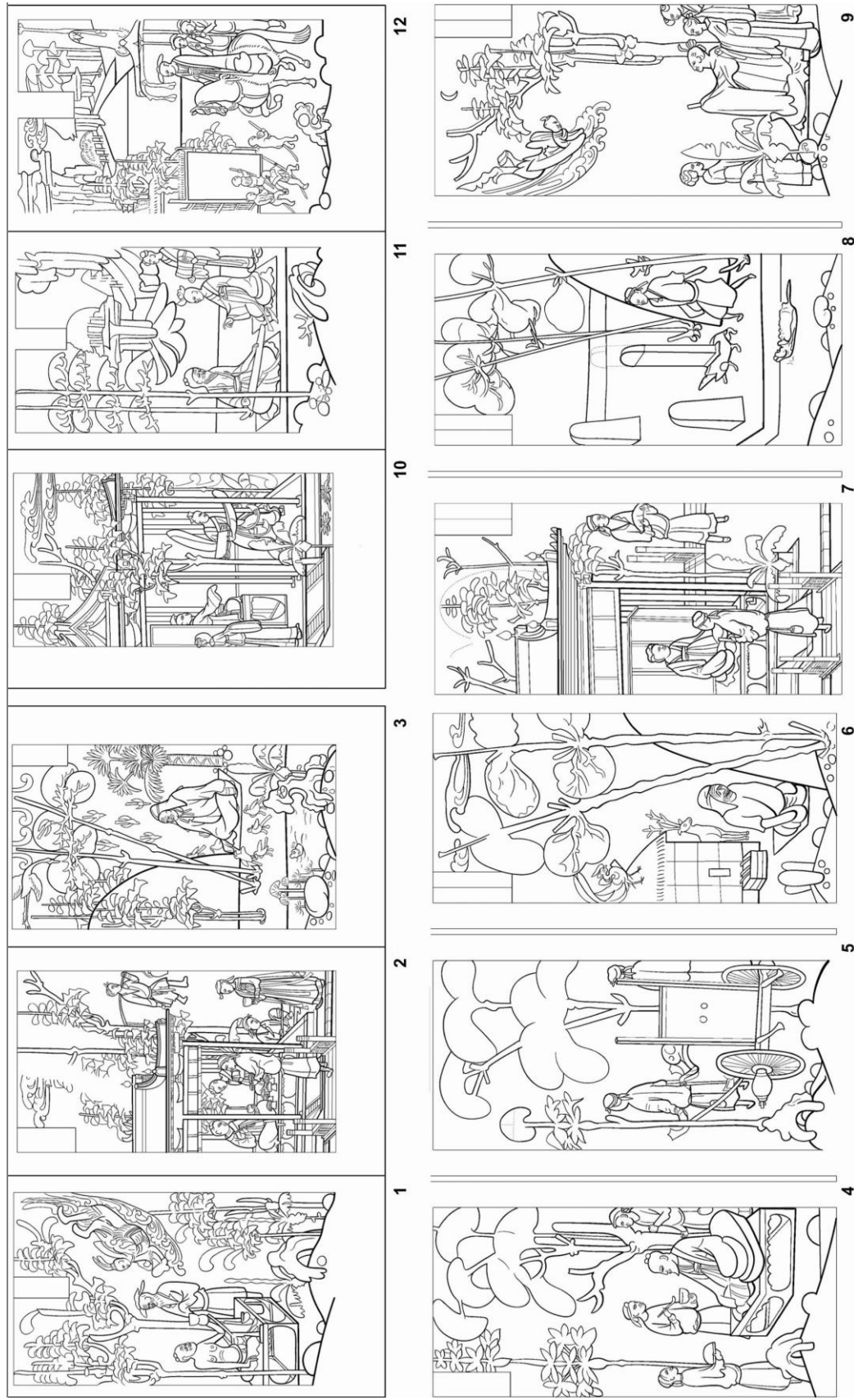

Рис. 4. Рельефы на стенках ложа. По: [Ху Юйцзюнь, 2023, с. 411, 413, 416]
 Fig. 4. Reliefs on the surround screens of the stone bed. As per: [Hu Yujun, 2023, p. 411, 413, 416]

Рельеф 4. На низкой платформе под деревом сидит мужчина с острой бородкой. Он одет в длинный широкий халат, левой рукой опирается на подушку. Его окружают слуги: двое стоят перед ним, один из них держит в руках блюдо, другой – пиалу и черпак, еще один слуга стоит за спиной хозяина (рис. 4, 4).

Рельеф 5. Изображена двухколесная повозка, которую, взявшись за оглобли, тянет за собой слуга. Рядом с ним идет еще один человек. Сцена показана в таком ракурсе, что видны задняя стенка кузова повозки и спины людей. В повозке, предположительно, сидит женщина, видны лишь ее рука и частично прическа (?) (рис. 4, 5).

Рельеф 6. Здесь вновь изображен человек в капюшоне, рыдающий перед могильной насыпью. Он также сидит на подстилке, на этот раз за спиной скорбящего изображено небольшое строение с крышей, крытой соломой, перед зданием установлен прямоугольный алтарь. На крыше сидит птица с длинным пышным хвостом (феникс?), а рядом стоит олень (рис. 4, 6).

Рельеф 7. В павильоне на топчане сидит женщина, перед ней стоит слуга с продолговатым предметом в руках. Еще один слуга, несущий блюдо с едой, изображен справа от павильона (рис. 4, 7).

Рельеф 8. Изображен участок семейного кладбища с могильной насыпью, двумя каменными обелисками и стелой на пьедестале в форме черепахи. Перед стелой стоит человек в халате и головном уборе. Рядом с ним, но уже вне границ кладбища, изображена лежащая на спине гигантская черепаха (рис. 4, 8).

Рельеф 9. Под деревом стоит мужчина с табличкой в поднятых руках. Его взгляд обращен к спускающемуся с небес на облаке бессмертному или небесному духу. Мужчину окружают три девушки. Изображение полумесяца в небе указывает на то, что действие происходит ночью (рис. 4, 9).

Рельеф 10. В павильоне на высоком топчане, окруженном ширмой, сидит женщина (?), рядом с ней стоит служанка. Перед хозяйкой стоит слуга с какими-то крупными предметами в руках. Вокруг павильона изображены деревья, в небе – облака (рис. 4, 10).

Рельеф 11. На ковриках напротив друг друга сидят старик, играющий на *цине*, и женщина. За спиной женщины стоит служанка. На фоне показаны горы и деревья (рис. 4, 11).

Рельеф 12. На рельефе изображен мужчина на коне, двое слуг держат над ним зонт и штандарт с перьями. Навстречу всаднику выбегают играющие дети, верхом на палочках. В левой части рельефа показаны ограда с приоткрытой калиткой, деревья и постройки внутри ограды. На фоне видны горы, деревья и облака (рис. 4, 12).

Судя по изображенным реалиям, рельефы на стенках ложа принадлежат к ханьской традиции. Неясно при этом, образуют ли они единый нарратив, или же каждый рельеф иллюстрирует отдельную историю. Примечательно, что местом действия ряда композиций служит кладбище. На двух рельефах изображены бессмертные-*сяни* или духи, спускающиеся с неба. Возможно, здесь воспроизводятся фрагменты биографий покойных или же, как на ширме, сюжеты литературных произведений (одного или нескольких). Кроме того, можно предположить, что часть сюжетов связана с идеей обретения бессмертия. Однако для окончательной дешифровки значения изображений пока недостаточно данных.

4. Эпитафии

В гробнице найдены два комплекта каменных плит с эпитафиями, посвященными похороненным здесь супругам. На верхней плите эпитафии Цюй Цина имелся заголовок 鞠君墓銘 (*Цюй-цзюнь мумин*) «Эпитафия господина Цюя», выполненный в стиле «иероглифов печати» (*чжужуаньшу*), а также изображения крылатых людей и фантастических животных. Основной текст вырезан на второй плите и включает 299 знаков, написанных в стиле *лишу*. Из эпитафии известно, что Цюй Цин родился в Бэйпине в округе Лунси¹⁰, происходил из богатой

¹⁰ В южной части современной пров. Ганьсу.

и знатной семьи, возводившей свою генеалогию к роду Цзи, к которому принадлежали мифический Желтый император Хуан-ди и правящая династия царства Чжоу. Дед Цюй Цина был военачальником *шичицзе*, правителем области Юньчжоу и *кайго-гуном* («гуном – основателем государства») удела Цзиньчэн. Из «Вэй шу» и «Лян шу» известно, что обладателем этих должностей и титулов был Цюй Цзя (翽嘉, ? – ок. 525) – основатель правящего рода царства Гаочан, пребывавшего у власти с 501 по 640 г. [Чжан Фучунь, 2023, с. 65–66]. Сам Цюй Цин при Северной Ци служил военным чиновником у пинъянского вана Гао Яня (?–565), затем получил должности *сыма*, что в то время приблизительно соответствовало статусу начальника штаба, и *чжэньвэй-цзянцзюня* («полководца, внушающего трепет»). Он скончался в 5 месяце 10 года правления под девизом *кайхуан* (590 г.) в возрасте 72 лет, и в 11 месяце того же года был похоронен в волости Линцюань области Сянчжоу.

Эпитафия жены Цюй Цина записана на одной плите, текст состоит из 272 иероглифов, выполненных в стиле *лишу*. Эпитафия сообщает, что урожденная Хань происходила из Сячэна в округе Чанли¹¹. Ее род восходит к мифическому императору Чжуаньсюю. Дед госпожи Хань был «народным вождем» (領民酋長 *линминь цючжан*) и имел титул янчэнского *бо* (陽城伯)¹². Южноманьчжурское происхождение, упоминание мифического правителя в качестве предка и наличие у деда титула «народного вождя» могут косвенно указывать на некитайские корни рода Хань. В «Вэй шу» упоминаются состоявшие на службе сяньбийской династии Тоба-Юань «вожди» (酋長 *цючжан*), происходившие из *ухуаней* (см.: [Чжан Фучунь, 2023, с. 66]). Возможно, к ним принадлежали и предки семьи Хань. В тексте также отмечено, что госпожа Хань была истовой последовательницей буддизма: она «целиком отдавалась учению Будды, стремилась отринуть зло в отношении четырех видов живых существ, постигала переправу и мост, и потому не испортила троякую карму» (專精釋學, 望離怨於四生, 修習津梁, 乃無廢於三業). Женщина скончалась в 9 месяце 18 года правления под девизом *кайхуан* (598 г.) в возрасте 73 лет и в 11 месяце того же года была захоронена вместе со своим мужем. Таким образом, 598 г. можно считать датой создания погребального комплекса в целом.

Заключение

Как указывают авторы раскопок, устройство могилы и сопроводительный инвентарь в целом близки к погребальным памятникам периода Суй, уже известным в районе г. Аньян [Ху Юйцзюнь, 2023, с. 433]. Многие черты гробницы Цюй Цина и госпожи Хань восходят к погребальному обряду Северной Ци, что неудивительно, поскольку именно в этом государстве прошла значительная часть жизни покойных, там сделал карьеру Цюй Цин. Так, сюжет, выгравированный на панно над дверью, – парный портрет пирующих супругов в сопровождении почетного эскорта с подготовленными для последнего путешествия конем и повозкой – присутствует во многих элитных гробницах Северной Ци и является неотъемлемым элементом так называемого «ечэнского стандарта» погребальной живописи [Чжэн Янь, 2002, с. 181–203]. Отличие рассматриваемого комплекса заключается в том, что изображение помещено не на северную стену погребальной камеры, как в североциских могилах, и выполнено в виде гравировки, а не полихромной росписи.

Другой отличительной чертой могилы Цюй Цина является обилие каменной утвари. Каменное ложе по конструкции и отчасти декоративному оформлению сходно с аналогичными предметами из «согдийских» погребений периода Северных династий и Суй. Примечательна чрезвычайно высокая степень эклектики, характерная для этого изделия: стенки и задняя

¹¹ На территории современного городского округа Чаоян пров. Ляонин.

¹² Уезд Янчэн при Северной Вэй находился на территории современного уезда Усян городского округа Чанчи пров. Шаньси [Чжан Фучунь, 2023, с. 66].

опора лежа выполнены из сине-серого известняка, передняя опора – из мрамора. Разным материалам соответствуют различные сюжеты и техники исполнения. Детали, изготовленные из известняка, покрыты гравировкой и рельефами, в которых превалируют буддийские, даосские и, возможно, конфуцианские мотивы. Мраморная плита украшена рельефами, росписями и позолотой, здесь представлена преимущественно зороастрийская, а также буддийская образность. Таким образом, в изобразительном тексте отчетливо выделяются «китайская» и «центральноазиатская» линии, что коррелирует с деталями биографии Цюй Цина, который будучи ханьцем имел тесные связи с царством Гаочан, где существовала крупная согдийская диаспора [Лубо-Лесниченко, 1984, с. 113; Selbitschka, 2022, p. 284].

Уникальной является находка каменной ширмы. Авторы раскопок полагают, что изначально она не предназначалась для помещения в погребение. Вероятно, вместе с тремя кирпичами с лotosовым узором ширма была привезена из Ечэна [Ху Юйцзюнь, 2023, с. 433]. Однако выбор этого предмета в качестве погребальной утвари мог быть неслучайным. Известно, что начиная с периода Поздней Хань в погребальном искусстве получают распространение сюжеты о проявлениях сыновней почтительности. Кроме того, в эпоху Северных и Южных династий появляется обычай помещать в погребения конфуцианские, даосские и буддийские сочинения, имевшие, как считалось, апотропеическое значение (см.: [Сунь Цзи, 1989, с. 39–40]). Возможно, использование ширмы с надписью и изображениями на литературные сюжеты, в том числе о почтительном сыне и верном подданном государя, также является проявлением этой традиции.

Погребение Цюй Цина и госпожи Хань, с одной стороны, продолжает линию развития погребального обряда и погребального искусства Восточной Вэй и Северной Ци, с другой стороны, обнаруживает определенное сходство с так называемыми «согдийскими» погребениями эпохи Северных династий. Данный комплекс демонстрирует пример адаптации и трансформации заимствованных элементов погребального обряда под влиянием ханьской культуры. Сочетание конфуцианских, даосских, буддийских и зороастрийских образов и мотивов отражает характерную для раннего Средневековья ситуацию религиозного синкретизма как на уровне личного выбора отдельных людей, обусловленного особенностями их происхождения и биографии, так и на уровне общества в целом.

Список литературы

- Алимов И. А.** Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I–VI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. 592 с.
- Алимов И. А., Кравцова М. Е.** История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: В 2 ч. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. 1408 с.
- Кудинова М. А., Комиссаров С. А., Соловьев А. И.** Гробница Сюй Сяньсю как памятник культурных связей государства Северная Ци // Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XII Междунар. науч. конф. (25–30 сентября 2023 г., г. Иркутск). Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2023. С. 131–137.
- Лубо-Лесниченко Е. И.** Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: ГРВЛ, 1984. С. 108–120.
- Сыма Цянь.** Исторические записки (Ши цзи). Т. 2 / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; под общ. ред. Р. В. Вяткина. 2-е изд., испр. и доп. под ред. А. Р. Вяткина. М.: Вост. лит., 2003. 567 с.; Т. 4 / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прилож. Р. В. Вяткина. М.: ГРВЛ, 1986. 453 с.
- Selbitschka A.** Astana, Jiaohe, and other Turfan Cemeteries: the Movement of People, Ideas, and Objects in Gaochang Kingdom (442–640) // The World of the Ancient Silk Road. London: Routledge, 2022, pp. 276–292. DOI 10.4324/9780429244582-19

- Сунь Цзи.** Гуянь бэйвэй ци гуань хуа яньцзю [孙机。固原北魏漆棺画研究 // 文物]. Исследование росписей на северовэйском лаковом гробе из Гуяня // Вэньу. 1989. № 9. С. 12, 38–44. (на кит. яз.)
- Сюй Тао.** Танму соцзянь «куньлуньну цинню ту» каоши [徐涛。唐基所见《昆仑奴青牛图》考释 // 艺术史研究]. Исследование и комментирование росписи «Куньлуньский раб и синий бык» из танского погребения // Ишуши яньцзю. 2008. Вып. 10. С. 373–396. (на кит. яз.)
- Ху Юйцзюнь.** Хэнань Аньян суйдай Цюй Цин фуци хэцзанмудэ фацзюэ [胡玉君。河南安阳隋代鞠庆夫妻合葬墓的发掘 // 考古学报]. Раскопки совместного погребения Цюй Цина и его жены эпохи Суй в Аньяне, Хэнань // Каогу сюэбао. 2023. № 3. С. 393–434, цв. вкл. 1–16. (на кит. яз.)
- Чжан Фучунь.** Хэнань Аньян синьчу Суйдай Цюй Цин цзи фужэнь мучжи каоши цзяньлунь ци ии [张富春。河南安阳新出隋代鞠庆及夫人墓志考释兼论其意义 // 宝鸡文理学院学报(社会科学版)]. Исследование и комментирование эпитафий Цюй Цина и его супруги, живших в эпоху Суй, найденных недавно в Аньяне, Хэнань, и оценка их значения // Баоцзи вэньли сюэюань сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). 2023. Т. 43, № 2. С. 64–68. (на кит. яз.) DOI 10.13467/j.cnki.jbuss.2023.02.009
- Чжэн Янь.** Вэй цзинь наньбэйчао бихуаму яньцзю [郑岩。魏晋南北朝壁画墓研究]. Исследование погребений с настенными росписями эпох Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2002. 301 с. (на кит. яз.)

References

- Alimov I. A.** The Garden of the Marvelous. A Concise History of the 1–6th Century Chinese Xiaoshuo Prose. St. Petersburg, St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publ., 2014, 592 p. (in Russ.)
- Alimov I. A., Kravtsova M. E.** The History of Classical Chinese Literature from the Antiquity to 13th C.: Poetry. Prose. St. Petersburg, St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publ., 2014, 1408 p. (in Russ.)
- Hu Yujun.** The Excavation of Joint Tomb of Qu Qing and His Wife in Anyang, Henan. *Acta Archaeologica Sinica*, 2023, no. 3, pp. 393–434, colour pl. 1–16. (in Chin.)
- Kudinova M. A., Komissarov S. A., Solovyev A. I.** The tomb of Xu Xianxiu as a monument of cultural contacts of Northern Qi. In: Ancient Cultures of Mongolia, Baikal and Southern Siberia and Northern China: Materials of the XII International Scientific Conference (September 25–30, 2023, Irkutsk). Irkutsk, Institute of Geography SB RAS Publ., 2023, pp. 131–137. (in Russ.)
- Lubo-Lesnichenko E. I.** Mogil'nik Astana [Astana Cemetery]. In: Vostochnyi Turkestan i Srednyaya Aziya. Istoriya. Kul'tura. Svyazi [East Turkestan and Central Asia. History. Culture. Connections]. Moscow, GRVL Publ., 1984, pp. 108–120. (in Russ.)
- Selbitschka A.** Astana, Jiaohe, and other Turfan Cemeteries: the Movement of People, Ideas, and Objects in Gaochang Kingdom (442–640). In: The World of the Ancient Silk Road. London, Routledge, 2022, pp. 276–292. DOI 10.4324/9780429244582-19
- Sima Qian.** Istoricheskie zapiski (Shi ji) [Records of the Grand Historian (Shiji)]. Vol. 2. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2003, 567 p.; Vol. 4. Moscow, Nauka, 1986, 453 p. (in Russ.)
- Sun Ji.** Guyuan beiwei qi guan hua yanjiu [孙机。固原北魏漆棺画研究]. Research on Lacquer Coffin Paintings of Northern Wei in Guyuan. *Cultural Relics*, 1989, no. 9, pp. 12, 38–44. (in Chin.)
- Xu Tao.** Tang mu suojian “kunlunnu qing nui tu” kaoshi [徐涛。唐基所见《昆仑奴青牛图》考释 // 艺术史研究]. A Study on the Mural Kunlun Servant and the Blue Bull. *The Study of Art History*, 2008, vol. 10, pp. 373–396. (in Chin.)

- Zhang Fuchun.** Henan Anyang xinchu Suidai Qui Qing ji furen muzhi kaoshi jianlun qi yiyi [张富春. 河南安阳新出隋代麴庆及夫人墓志考释兼论其意义 // 宝鸡文理学院学报(社会科学版)]. A Textual Research on the Epitaphs of Qu Qing and His Wife of the Sui Dynasty Newly Unearthed in Anyang, Henan Province and Its Significance. *Journal of Baoji University of Arts and Sciences (Social Science Edition)*, 2023, vol. 43, no. 2, pp. 64–68. (in Chin.) DOI 10.13467/j.cnki.jbuss.2023.02.009
- Zheng Yan.** Wei jin nanbeichao bihuamu yanjiu [郑岩. 魏晋南北朝壁画墓研究]. Research on mural tombs in Wei, Jin, Southern and Northern Dynasties. Beijing, Cultural Relics Publ., 2002, 301 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Мария Андреевна Кудинова, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57204361448
WoS Researcher ID IUN-1771-2023
RSCI Author ID 821099
SPIN 3321-4579

Information about the Author

Maria A. Kudinova, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57204361448
WoS Researcher ID IUN-1771-2023
RSCI Author ID 821099
SPIN 3321-4579

*Статья поступила в редакцию 09.02.2024;
одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 11.02.2024
The article was submitted 09.02.2024;
approved after reviewing 10.02.2024; accepted for publication 11.02.2024*

Научная статья

УДК 94(5)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-106-118

Роль конфуцианских чиновников в ритуальных трансформациях чжурчжэньского государства Цзинь времени правления Си-цзуна

Марина Ахатовна Хаймурзина

Амурский государственный университет
Благовещенск, Россия

khaymurzina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2800-3468>

Аннотация

Во время правления Си-цзуна (1135–1149), третьего правителя Цзинь, заимствование новых политических и религиозных реалий способствовало трансформации основ чжурчжэньской этнокультурной идентичности. Внедренный в тот период придворный этикет и новые ритуалы как форма взаимоотношений и образец поведения и действий нужны были для того, чтобы по китайским образцам сформировать и усилить имперскую власть в Цзинь. Время правления Си-цзуна, например, характеризуется формированием государственных культов почитания предков и поклонения Конфуцию. Особую роль в тех новациях и изменениях сыграли не-чжурчжэньские советники, которые стали проводниками конфуцианских представлений. В последние годы правления Си-цзуна усилилась борьба чжурчжэньской знати против деятельности конфуцианских чиновников и выстраиваемой ими новой китаизированной церемониальной системы.

Ключевые слова

чжурчжэнь, государство Цзинь, ритуал, церемонии, конфуцианские советники

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации научной темы FZMU-2022-0008, рег. номер 1022052600017-6, Программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

Для цитирования

Хаймурзина М. А. Роль конфуцианских чиновников в ритуальных трансформациях чжурчжэньского государства Цзинь времени правления Си-цзуна // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 106–118. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-106-118

The Role of Confucian Officials in the Ritual Transformations of the Jurchen Jin State during the Reign of Xi-zong

Marina A. Khaymurzina

Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

khaymurzina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2800-3468>

Abstract

During the reign of Xi-zong (1135–1149), the third ruler of Jin, the socio-political structure of the young Jurchen State as well as their customs and beliefs underwent many changes. The adoption of new political and religious components transformed the foundations of Jurchen ethno-cultural identification. At that time, Chinese court etiquette and new Confucian rituals were introduced to Jurchen culture. All these new Confucian rules were a form of new relationships and patterns of behaviour and actions. These innovations were needed to form and strengthen imperial power in Jin.

© Хаймурзина М. А., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 106–118

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 106–118

This was the reason why the Jurchen autochthonous culture was adapted to the norms of other ethnic cultures. The reign of Xi-zong, for example, is marked by the formation of state cults of ancestor worship and worship of Confucius. A special role in those innovations and changes was played by non-Jurchen advisers, they were the transmitters of Confucian ideas. Non-Jurchen officials have served in Jin since the formation of the Jurchen State, when the Jurchens took over the territories of the Liao State and the Celestial Empire. By the time of, and during Xi-zong's reign, non-Jurchen officials did a lot for building a new ceremonial system, to strengthen the imperial power, which is why in the last years of Xi-zong's reign, there was the struggle of the Jurchen nobility against the activities of Confucian officials and the new Chinese ceremonial system they built.

Keywords

Jurchen, Jin State, ritual, ceremonies, Confucian advisors

Acknowledgements

The study was carried out as part of the implementation of the scientific theme FZMU-2022-0008, reg. number 1022052600017-6, Strategic Academic Leadership Program "Priority 2030"

For citation

Khaymurzina M. A. The Role of Confucian Officials in the Ritual Transformations of the Jurchen Jin State during the Reign of Xi-zong. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 106–118. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-106-118

Введение

В период становления государства Цзинь (1115–1234) ¹ чжурчжэньский правящий дом активно заимствовал китайские образцы государственного строительства ². На время царствования третьего чжурчжэньского императора Си-цзуна 熙宗, чж. Хэла (годы правления 1135–1149), пришлось глубокие политико-религиозные трансформации Цзинь ³. Реформы были осуществлены в периоды под девизами 天眷 Тянь-цзюань (1138–1140) и 皇统 Хуан-тун (1141–1149). За всеми конкретными изменениями и нововведениями стояли регенты Си-цзуна (Цзунхань ⁴, Цзунгань ⁵, Цзунпань ⁶), а также их лясские и сунские конфуцианские советники ⁷. Эти нечжурчжэньские чиновничьи кадры стали проводниками новой государст-

¹ Время царствования первых двух чжурчжэньских правителей: Тай-цзу, чж. Агуда (годы правления 1115–1123), и Тай-цзун, чж. Уцимай (годы правления 1123–1135).

² Во время войны с Ляо и присоединения киданьских территорий в Цзинь складывалась дуалистическая система государственного управления, в которой сосуществовали чжурчжэньская (мэньань и моукэ) и лясская модели. Последняя применялась для контроля над новыми народами и новыми территориями. По мере присоединения сунских земель раннецинская государственная модель быстро эволюционировала, заимствуя элементы сунской. Тогда в дуалистической системе начали усиливаться китайские формы, что уже характерно для периода 30-х гг. XII в. [Воробьев, 1983, с. 149–154]. Также о китаизации модели управления в Цзинь подробнее см.: [Воробьев, 1975; Гончаров, 1986; Кычанов, 1997; Tao Jing-shen, 1974; Chan Hok-lam, 1999; Tillman, 1995].

³ Автор данной статьи придерживается точки зрения М. В. Воробьева и, говоря о трансформации культуры чжурчжэней по китайскому образцу, имеет в виду прежде всего чжурчжэньский правящий дом, чжурчжэньскую знать и тех чжурчжэней, которые переселились на китайские территории [Воробьев, 1983, с. 240–241, 261].

⁴ Ваньань Цзунхань 完颜宗翰 (1080–1137), чж. Нянхань, опытный военный стратег. При Агуде в 1115 г. вел войска против Ляо. Во время правления Тай-цзуна разрабатывал тактику войны с Сун. Организовал инцидент Цзинкан (в 1126 и 1127 гг. похищение сунских императоров: Хуэй-цзуна и Цинь-цзуна).

⁵ Ваньань Цзунгань 完颜宗干 (1093–1141), чж. Вобэнь, крупный чжурчжэньский сановник. В 1132 г. совместно с Цзунханем выдвинул кандидатуру своего приемного сына Ваньань Дая (Си-цзуна) на должность *аньбань бозиле*. В отличие от Цзунхана, крупнейшего представителя центробежных сил в цзиньской верхушке, Цзунгань являлся сторонником централизации. Его жизнь и деятельность были связаны с цзиньским двором. Там он руководил разработкой цзиньских установлений и ритуалов, широко привлекая с этой целью чиновников-ханьцев, в основном уроженцев Яньцзина и окрестных районов [Гончаров, 1986, с. 161].

⁶ Ваньань Цзунпань 完颜宗磐 (1095–1139), чж. Пулху, старший сын Тай-цзуна от главной жены. Принимал участие в сражениях против Ляо и Сун. Известен как грубый деспотичный сановник.

⁷ Чиновники, попавшие на службу в Цзинь, имели конфуцианское образование, поэтому они привнесли элементы конфуцианской идеологии в чжурчжэньскую культуру, преобразуя их политическую и религиозную культуру по китайскому (конфуцианскому) образцу. В этой связи в данной статье в отношении привлеченных чиновничьих кадров автор использует словосочетания «конфуцианские чиновники», «конфуцианские таланты», «конфуцианские мужи» и т. п. О влиянии китайского на культуру и государственное устройство киданей, бохайцев см., например: [Кычанов, 2010, с. 113, 176–178]. Г. Франке в одной из своих работ упоминает, что кидане зна-

венной идеологии, новых культурных образцов и представлений. Хань Фан (韓昉, 1082–1149), Хань Цисянь (韓企先, 1082–1146), Юйвэнь Сюйчжун (宇文虛中, 1079–1146) и другие – главные фигуры в реформе системы ритуала⁸ того периода.

Хань Фан – учитель и советник Си-цзуна

Хань Фан, уроженец Яньцзина, крупный чиновник государства Ляо, позже – Цзинь. Был пленён чжурчжэнями в 1122 г., когда пало государство киданей. Его длительная чиновничья служба оказала сильное влияние на формирование государственного строя Цзинь.

В «Истории Цзинь» (Жизнеописание 63-е) о Хань Фане написано, что он постоянно продвигался по службе – был младшим управителем *шаофу шаоцзянь*, советником *дайчжи* при императорской канцелярии, ведал вопросами императорских указов, а также успешно исполнял обязанности государственного посла в Гаоли [Тото, 1975, с. 2714; История Золотой империи, 1998, с. 119].

Хань Фан известен тем, что обучал третьего чжурчжэньского императора Си-цзуна, был его главным советником по всем государственным вопросам.

В «Сборнике о союзе с Севером на протяжении трех царствований» (三朝北盟會編 *Сань-чао бэймэн хуйбянь*) и в «Истории государства Великая Цзинь» (大金國志 *Да Цзинь го чжи*) есть почти схожая запись, где зафиксировано следующее: «Когда [Си-цзун] был ребенком, цзиньцы уже вторглись на Среднюю равнину. [Они] заполучили яньца Хань Фана и китайских конфуцианских ученых, [которые] обучали их. У них учился Дань (Си-цзун. – М. Х.), [он] хотя и не мог постичь великий смысл древности, но понемногу научился слагать стихи, воспевать торжественные гимны, [стал разбираться] в одежде образованного человека, заваривании чая, возжигании благовоний и игре в шашки. Так [чжурчжэни] в конце концов растеряли исконное» [Сюй Мэнсинь, 1987, с. 1197; Юйвэнь Маочжао, 1986, с. 179].

Известно, что Тай-цзун, второй чжурчжэньский правитель, планировал передать трон своему старшему сыну Цзунпаню, но в цзиньской верхушке такому решению воспротивились⁹, что в итоге отразилось в борьбе за власть между генералом Цзунханем, высшим сановником Цзунганем и уже упомянутым Цзунпанем.

В силу молодости Си-цзун был для всех компромиссной кандидатурой. Ему было 16 лет, когда в первый месяц 1135 г. он вступил на престол. Уже через три месяца начался процесс замены чжурчжэньских должностей на китайские эквиваленты¹⁰. В тот же год, согласно сочинению «Сборник о ритуалах Великой Цзинь» (大金集禮 *Да Цзинь цили*), провели обряд преподнесения посмертного титула Уцимаю¹¹ и иные церемонии. В тех событиях 1135 г. участвовал Хань Фан и другие конфуцианские мужи [Да Цзинь, 2019, с. 39–41]. В то время

ли конфуцианскую классику, киданьские министры могли цитировать Конфуция при необходимости [Franke, 2016, p. 185]. О влиянии конфуцианства на культуру бохайцев см., например: [Ван Юйлан, 2008, с. 313].

⁸ В «Истории Цзинь» 11 цзюаней (с 28-го по 38-й) посвящены церемониям *ли*, куда входят религиозные государственные культы (Небу, Земле, императорским предкам, сезонные и межсезонные жертвоприношения, подношения Конфуцию и др.), а также церемонии (обряды) возведения на престол, присвоения почетного посмертного титула, этикет аудиенций у императора, этикет аудиенций зарубежных послов и т. п. В Китае в конце XX в. среди китайских религиоведов проходили острые дискуссии о том, что в системе государственных культов и церемониалов считать конфуцианским, а что нет. Многие исследователи сходятся во мнении, что все эти ритуалы получили развитие в рамках конфуцианской религии и идеологии. См. подробнее: [Жуцзяо взъйти, 2000].

⁹ В 1132 г. сановники явились на аудиенцию к Тай-цзуну и просили его объявить наследником престола Ваньянь Дая (Си-цзуна), и тот согласился. См. подробнее: [История Золотой империи, 1998, с. 126; Гончаров, 1986, с. 160].

¹⁰ Об этом подробнее см.: [Воробьев, 1975, с. 150–169; Тояма Гунцзи, 1988, с. 221–228; Кычанов, 1997, с. 161–169]. Уже в 1135 г. сложилась система, когда наставник императора Цзунпань, наставник двора Цзунгань и попечитель императора Цзунхань управляли государственными делами в трех высших государственных органах (三省), которые появились в Верхней столице Цзинь еще в 1126 г. [Ли Сюянь, 2018, с. 173].

¹¹ Обряд преподнесения посмертного титула Агуде провели в 1125 г. [Да Цзинь, 2019, с. 36–38].

Хань Фан стал членом академии Ханьлинь, знатоком обрядов *тайчан боши*, кроме того он занимался составлением государственной истории ¹² [Тото, 1975, с. 72, 2714].

В «Истории Цзинь» (Жизнеописание 63-е) также записано: «[Хань] Фан с 12-го года правления под девизом *Тянь-хуй* (т. е. с 1134 г. – М. Х.) нёс службу в Министерстве церемоний, [там] исполнял обязанности в течение 7 лет. В то время в императорском дворе как раз обсуждали систему ритуала, [определяли] старое и новое, и потому [Хань] Фан длительно [служил] в Министерстве церемоний и Управлении императорскими жертвоприношениями» [Тото, 1975, с. 2714].

Подчеркнем, что с 1134 г. началась активная фаза государственных реформ. Деятельность Хань Фана (и других нечжурчжэньских чиновников) в Министерстве церемоний была призвана создать новую – политико-религиозную – основу для восхождения на трон Си-цзуна уже не в качестве вождя всех племен, а в качестве легитимного императора [Chan Hok-lam, 1999, p. 117]. Сторонники формирования сильной императорской власти по китайской модели в вопросах обрядов и церемоний прислушивались к советам Хань Фана.

Влияние конфуцианских советников было настолько велико, что Си-цзун уже кардинально отличался от двух его предшественников. «Си-цзун взойшёл на трон, слева и справа [от него] были конфуцианские советники, [которые] с каждым днём угождали, наставляли о формах дворца, красоте царских нарядов и выездов, изобилии наложниц, торжественности музыки, дорогих повозках и паланкинах, строгости к охране, почитании церемоний, пределах казённых кладовых, китайской доктрине правителя. Когда [Си-цзун] выезжал из дворца, глашатаи очищали дорогу. Когда въезжал во дворец, придерживался [китайских] традиций императорских дворцов. Старые государственные деятели не только не соответствовали [этой] доктрине, но и по-прежнему появлялись не своевременно» [Сюй Мэнсинь, 1987, с. 1197].

Си-цзун в молодости был слабохарактерным юношей, постоянно находился под влиянием своих регентов [Chan Hok-lam, 1999, p. 117; Ли Сюлянь, 2018, с. 168]. Хань Фан всегда был рядом и наставлял его по разным вопросам. Известно, что Хань Фан разговаривал с Си-цзуном о былых временах китайской истории, увещевал его примерами эпохи Тан [История Золотой империи, 1998, с. 128].

Когда в 1137 г. умер генерал Цзунхань, власть Цзунпаня усилилась, последний напрямую не подчинялся приказам Си-цзуна. Поэтому было решено его убить, что и случилось в 1139 г. Принял это решение сам Си-цзун или его к этому подтолкнули, не известно. Возможно, это произошло под влиянием Хань Фана. Си-цзун очень переживал из-за убийства своего дяди Цзунпаня. В то время Хань Фан примерами из истории Китая, с одной стороны, успокаивал его, с другой – убеждал в правильности действий. Например, он рассказывал о войнах и беспорядках начала эпохи Тан, братоубийстве того периода (сюаньумэньский инцидент) ¹³. Хань Фан, рассказывая эти истории, показывал роль Си-цзуна в истории чжурчжэньского правящего дома Цзинь [Ли Сюлянь, 2018, с. 168–169].

После смерти генерала Цзунханя в 1137 г. и убийства Цзунпаня в 1139 г. в Верхней столице при Си-цзуне регентовал Цзунгань, последний стоял на позиции усиления монархической императорской власти по китайскому образцу. Он способствовал проведению политико-религиозных реформ, содействовал формированию атмосферы почитания конфуцианства. А в этом ему помогали многочисленные советники из числа нечжурчжэньских народностей.

¹² В конце XII в. из Коллегии написания государственной истории были уволены китайские и киданьские служащие. Во второй половине XII в. в цзиньском госаппарате была сделана ставка на чжурчжэней [Воробьев, 1975, с. 158, 171].

¹³ Вооруженный инцидент у ворот Сюань-мэнь императорского дворцового комплекса в г. Чаньбани, в результате которого сын танского Гао-цзу Ли Шиминь убил своих братьев Ли Цзяньчэна и Ли Юаньцзи [История Китая..., 2014, с. 209–213].

Роль Хань Цисяня и Юйвэнь Сюйчжуна в ритуальных трансформациях государства Цзинь

В «Истории Цзинь» (Жизнеописание 16-е) зафиксировано, что Хань Цисянь, уроженец Яньцзина, был начальником *лин* Центрального секретариата в государстве Ляо [Тото, 1975, с. 1777]. В «Истории Цзинь» не зафиксировано, когда он перешел на службу в Цзинь. Но в «Сборнике о союзе с Севером на протяжении трех царствований» указано, что, когда под влиянием советника Агуды Ян Пу происходило становление государства Цзинь, было приказано Хань Цисяню наставлять о китайских иероглифах, и тогда Агуда принял *ван* в качестве своей фамилии и *минь* в качестве своего личного имени [Franke, 2016, p. 159; Сюй Мэнсинь, 1987, с. 22]. Вероятно, Хань Цисянь перешел на службу в Цзинь вместе с бохайцем Ян Пу еще до захвата Яньцзина.

Известно, что в самом начале, когда Агуда захватил Яньцзин, там проходили отбор чиновничьих кадров и мобилизация налогов, Хань Цисянь (вместе с другими нечжурчжэньскими чиновниками) занимался этими вопросами. В 1128 г. ушел из жизни Лю Яньцзун (советник генерала Цзунханя), тогда Хань Цисянь занял его должностное место. Он стал министром, управляющим Советом двора и Центральным секретариатом, а также состоял при Тайном (военном) совете. В 1129 г. он стал совмещать обязанности *шичжуна* и левого *пу-е* при Шаншу [Тото, 1975, с. 1777].

Согласно материалам «Истории Цзинь», после 1134 г. карьера Хань Цисяня сложилась следующим образом: «На 12-й год правления под девизом *Тянь-хуй* (т. е. в 1134 г. – М. Х.) император Тай-цзун назначил Хань Цисяня правым первым министром, призвал его в Верхнюю столицу Шанцзин. Когда Хань Цисянь прибыл на аудиенцию к императору, Тай-цзун в изумлении сказал: “Прежде во сне я видел этого человека, а теперь вижу его наяву”. С того времени [советовался с ним] об уменьшении и пополнении обрядов и законов по древним уставам. Хань Цисянь был весьма сведущ в канонических книгах и исторических сочинениях. Он знал установления прежних государей, поэтому исполнение или отмена какого-нибудь закона равно зависели от него. Хань Цисянь, будучи министром, каждый раз при выборе чиновников принимал на себя обязанность в научении и поощрении молодых людей. При назначении на службу [он] различал людей по способностям, тогда было много мудрых чиновников в государственных учреждениях. Замечая ошибки [государя], он, со скрытностью своего намерения, давал ему увещания. Цзунхань и Цзунгань уважали Хань Цисяня, называли его мудрым министром. В 8-м году правления под девизом *Дадин* (т. е. в 1168 г.) он был сопричислен к поминаемым в храме предков”» [Тото, 1975, с. 1777–1778; История Золотой империи, 1998, с. 124].

Подчеркнем, что заслуги Хань Цисяня были высоко оценены во время правления Ши-цзуна 世宗 (годы правления 1161–1189). Записи в «Истории Цзинь» (Основная запись 6-я и Жизнеописание 16-е) являются тому доказательством. «Цзиньский император Ши-цзун как-то сказал: “Во дворце Яньцин-гун изображений высоких государственных деятелей уже 20. Что касается министра [Хань] Цисяня, со времени становления государства Цзинь система правил государства исходила от его мастерства. Относительно участия в делах государства, он обсуждал [эти дела] с министрами высокого ранга, не допускал, чтобы другие знали об этом. Другие китайские министры не могут сравниться [с ним], установить его изображение как видного государственного деятеля, это, безусловно, воодушевит последующие поколения» [Тото, 1975, с. 150].

Юйвэнь Сюйчжун, сунский чиновник, неоднократно участвовал в переговорах с цзиньцами. В 1128 г. в качестве посла прибыл в Цзинь, был пленен чжурчжэньским генералом Цзунханем. «Тогда в императорском дворе обсуждали систему ритуала, Сюйчжун имел способности, ему дали чиновничий титул, он принял его. И вместе с Хань Фаном занимался императорскими указами» [Тото, 1975, с. 1791; Юйвэнь Маочжао, 1986, с. 136].

После воцарения Си-цзуна Юйвэнь Сюйчжун был членом академии Ханьлинь, хранителем императорских указов, распорядителем обрядов *Тайчанцин*. В 1144 г., когда умер Хань Цисянь, в качестве *шаншу* Министерства церемоний занимался вопросами формирования системы ритуалов *ли*, он также известен как *чэн чжи* (советник по особым делам)¹⁴ [Тото, 1975, с. 1792; Тояма Гундзи, 1988, с. 434]. От Юйвэнь Сюйчжуна исходили система рангов и должностей, нормы жалования, наделение рангом в соответствии с заслугами по наследственной линии «тени», жалование посмертного почетного титула, в этих делах Юйвэнь приценил устои правящего дома Цзинь и Тан [Ли Сюлянь, 2018, с. 186].

Его заслуги также высоко оценил император Ши-цзун, он говорил: «Что касается ритуала жертвоприношений, то сановники усердны в этом, не допускают, чтобы последующие поколения насмехались. Си-цзун жаловал посмертный почётный титул Тай-цзу, Юйвэнь Сюйчжун установил ритуал, тогда в дни аудиенций *чанчао* осуществляли [государственные] дела» [Тото, 1975, с. 1960].

Реформы периода Тянь-цзюань

Реформы времени 天眷 *Тянь-цзюань* (1138–1140), а точнее «Новые положения девиза правления *Тянь-цзюань*» (天眷新制), способствовали трансформации раннецзиньской государственности.

Реформы прежде всего были связаны с разрастанием структуры государственных органов власти¹⁵, а также с переходом к концу 1138 г. на китайскую систему рангов¹⁶. В то же время были определены степени императорских царевен, княжон, князей и т. п. [История Золотой империи, 1998, с. 129]. Когда в 1142 г. у императора Си-цзуна родился сын Цзи-ань, его нарекли сыном императора, установили принцип перехода власти к сыну главной жены [Chan Hok-lam, 1999, p. 117]. Это ознаменовало окончательную ликвидацию пережитков чжурчжэньского родоплеменного политического устройства. Об этом есть соответствующие записи в «Истории Цзинь»: «В начале [становления] государства [Цзинь] не было системы, Тай-цзу, Тай-цзун, Си-цзун получили трон в силу своего титула *аньбань бозиле*, что в китайском языке означает самый высокий чин. Си-цзун утвердил Цзи-ань в качестве наследного принца, [когда] начали исправлять ранги, была утверждена система» [Тото, 1975, с. 1798].

Согласно «Новым положениям девиза правления Тянь-цзюань» активно внедрялся придворный церемониал. Так, в 3-м месяце 2-го года правления под девизом *Тянь-цзюань* (т. е. в 1139 г.) «было приказано чиновникам тщательно прояснить и утвердить систему этикета, в 4-м месяце чиновники являлись к императору на аудиенцию (в дни *чаоцань*. – М. Х.), стали носить парадное платье для чиновников, являющихся во дворец» [Тото, 1975, с. 74; История Золотой империи, 1998, с. 128].

Действительно, в то время были строго определены дни аудиенций у императора. Аудиенции в день новолуния и полнолуния назывались 朝參 *чаоцань* и являлись очень торжественными, предусматривавшими неоднократное поклонение императору не только граждан-

¹⁴ О Юйвэнь Сюйчжуне есть упоминания в официальной истории «История Сун», в разделах Основная запись 22, 23, 24, 25, 28-я; Жизнеописание 127, 130, 132-е. Подробнее см.: Тото. Сун ши [脱脱. 宋史]. История Сун // Chinese Text Project. (на кит. яз.) URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=en&res=975976&searchu=%E5%AE%87%E6%96%87%E8%99%9A%E4%B8%AD&remap=gb> (дата обращения 01.11.2023).

¹⁵ В Центральные органы (кроме трех шэнов и шести министерств 三省六部) ввели новые структуры. Например, для усиления императорской власти и контроля учредили Цензорат (御史台) и др. Усложнялась и упорядочивалась деятельность уже существующих структур. К тому же времени функционировали судебная система и система наказания, которая давала возможность рассматривать жалобы о нарушении чиновниками своих служебных обязанностей и выносить решения по таким делам [Ли Сюлянь, 2018, с. 176].

¹⁶ В 8-м месяце 1138 г. было объявлено о новой системе рангов и правилах смены: прежние заменялись на китайские эквиваленты. Например, мэнъянь-тысячник стал чиновником 4-го ранга, моукэ-сотник – чиновником 5-го вспомогательного ранга и т. п. [Тото, 1975, с. 69–73; Кычанов, 1997, с. 170; The Cambridge History of China, 1994, p. 265–270].

скими и военными чиновниками, но и князьями-циньюанами. Такие церемонии с поклонами демонстрировали величие императорской власти. Другие дни аудиенций назывались 常朝 *чанчао*, проходили на 6, 11, 21, 26-й день луны. Также в тот период была увеличена охрана императора. Например, когда Си-цзун в 1140 г. отправился в Яньцзин, количество воинов на колесницах и пеших составило 14 тыс. 56 человек [Хэ Цзюньчжэ, 1992, с. 203].

В 11-м месяце 1138 г. запретили тем, кто был ниже рангом князей-циньюанов, входить во дворец с саблей [Тото, 1975, с. 73]. С одной стороны, такой приказ был направлен против чжурчжэньской знати, в том числе против Цзунпая. Тот был наставником императора, обладал большей властью, чем Цзунгань, и не подчинялся приказам императора Си-цзуна. В «Истории Цзинь» до фразы о запрете на ношение сабли зафиксировано, что в 10-м месяце 1138 г. 13 человек получили титул *ван*, 11 из которых – из рода Цзунпая. Вероятно, это произошло под нажимом Цзунпая и существует связь запрета на ношение сабли с предшествующей записью о жаловании титула *ван* [Ли Сюлянь, 2022, с. 387–388]. Иначе говоря, запрет связан с вопросами безопасности. С другой стороны, необходимость этого запрета, по всей видимости, объяснялась с позиции соответствия или несоответствия придворному этикету.

Си-цзун был воспитан конфуцианскими советниками на китайских культурных образцах великолетия и торжества императорской власти. В 4-м месяце 1138 г., когда столицей Цзинь была объявлена Верхняя столица (столичная область *фу* – Хуйнин), там заложили строительство нового императорского дворца, к концу года, имитируя великолетие дворцов Поднебесной, строительство было завершено. Си-цзун переселился в новый дворец в конце 1139 г. [Тото, 1975, с. 72, 75].

В период правления под девизом *Тянь-цзюань* происходили ритуальные трансформации. Отметим некоторые факты. Например, нововведения коснулись сферы поклонения предкам. Почитание предков присуще культуре чжурчжэней еще в догосударственный период, однако тогда не было храмов предков. Появление храмов предков было инициировано еще при Тай-цзуне. Известно, что, когда умер Агуда, его гроб «в 9-м месяце 1123 г. привезли в Верхнюю столицу, захоронили на юго-западе от дворцовой стены, возвели дворец Ниншэнь-дянь. <...> В 3-м месяце 3-го года правления под девизом *Тянь-хуй* (1125 г. – М. Х.) ему жаловали посмертный титул *У-юань хуан-ди* (Воинственный император 武元皇帝 – М. Х.), храмовое имя – Тай-цзу. Основали храм первопредка (родоначальника династии. – М. Х.)¹⁷ в Западной столице» [Тото, 1975, с. 46]. С того времени во всех столицах были кумирни [Там же, с. 727]. В 12-м месяце того года провели церемонию преподнесения нефритовой грамоты (дощечки) и нефритовой печати, жаловали титул *Великий совершенномудрый и Воинственный император* 大聖武元皇帝 [Там же, с. 773].

При Си-цзуне в 1135 г. место погребения Агуды перенесли на курган Хэлин¹⁸, кроме того, в южной части Яньцзина (где некогда располагалась ставка Агуды) установили памятник основателю, имеющему чрезвычайные заслуги [Там же, с. 42]. Надпись на памятнике приписывается мастерству Хань Фана [Там же, с. 2715]. В 1139 г. в 9-м месяце после того, как Си-цзун переехал в новый дворец, основали храм предка Агуды во дворце Цинюань-гун [Тото, 1975, с. 75].

Кроме храмов родоначальника династии во время правления Си-цзуна восстанавливались и строились конфуцианские храмы. Еще в 1137 г. был возведен храм Конфуция в Шанцзине, а позже реконструированы 4 конфуцианских храма в других регионах государства [Лю Хуэй, 2017, с. 189–190]. В «Истории Цзинь» (Основная запись 4-я и Жизнеописание 43-е) зафиксиро-

¹⁷ В разделе Основная запись 2-я «Истории Цзинь» этот храм зафиксирован как храм первопредка 原庙. В разделе Трактат 14-й этот же храм называется «Храм Великого совершенномудрого императора» 大聖皇帝庙 [Тото, 1975, с. 787].

¹⁸ Курган Хэлин или Хукай-шань 胡凱山 (совр. пр. Хэйлунцзян). Подробнее см.: [И Баоли, 2006, с. 4]. В 1144 г. курган Хэлин переименовали в Жуйлин. В 1155 г. захоронение перенесли в Дафан-шань, курган по-прежнему называли Жуйлин [Тото, 1975, с. 42].

рован факт возведения храма Конфуция в Верхней столице и начала поклонения Конфуцию в Цзинь. «Когда правил Си-цзун, учредили систему, ритуал и музыку, установили храм Конфуция в Верхней столице. В 11-м месяце 3-го года правления под девизом *Тянь-цзюань* (т. е. в 1140 г. – М. Х.) дали Кун Фаню (потомку Конфуция в 49-м поколении. – М. Х.) титул *Янь-шэн-гун*, [чтобы тот] занимался делами жертвоприношений» [Тото, 1975, с. 76, 2311].

Действительно, в то время конфуцианский ритуал был уже значительно интегрирован в жизнь чжурчжэньского правящего дома. В 1140 г. Си-цзун направился в Яньцзин, что следует рассматривать как результат влияния конфуцианских советников и воплощения в жизнь императора и всего государства Цзинь китайских церемониальных установлений. Так, в «Истории Цзинь» (Трактат 9-й) записано, что Си-цзун, совершая великий объезд земель, ехал в золотом экипаже в сопровождении охраны, свиты и музыки. В то время и в храмах, и на аудиенциях во дворце осуществляли церемониалы *ли* [Тото, 1975, с. 691].

В тот год в Яньцзине чжурчжэньский император познал новые ритуальные образцы. В «Истории Цзинь» (Раздел Трактат 11-й) записано, что на 3-м году правления по девизом *Тянь-цзюань* (т. е. в 1140 г. – М. Х.) Си-цзун прибыл в Яньцзин, получил тронный титул¹⁹, по этому случаю лично осуществил благодарственные жертвоприношения в храме предка Агуды [Там же, с. 727]. Эти данные дублируются и в разделе Основные записи, там также указано, что с того времени чжурчжэньский правитель начал носить императорскую одежду и шапку с висячими кистями, обнародовал милостивый манифест. Период правления переименовал в первый год *Хуан-тун* [Тото, 1975, с. 76; История Золотой империи, 1998, с. 129]. Более того, во 2-м месяце первого года правления под девизом *Хуан-тун* (т. е. в 1141 г.) Си-цзун лично осуществил первое в Цзинь жертвоприношение в храме Конфуция [Тото, 1975, с. 76–77].

Реформы периода Хуан-тун

В 1141 г., когда Си-цзун вернулся в Верхнюю столицу, Цзунгань был болен. После его смерти в 6-м месяце того же года Си-цзун начал править самостоятельно, подобно китайскому императору. Тогда советники, которые его окружали, столкнулись с проблемами реализации реформ.

Начиная с 1-го года правления под девизом 皇統 *Хуан-тун* (1141–1149) произошла остановка в продвижении новых положений. После возвращения в Верхнюю столицу в 1141 г. Си-цзун столкнулся с ужесточившейся борьбой за власть среди членов царствующего дома. Он везде видел заговорщиков и потому начал убивать всех подряд, а в этом его подогревал двоюродный брат Дигунай – Хайлин-ван (будущий четвертый правитель Цзинь). Среди цзиньской знати зрело недовольство [Воробьев, 1975, с. 119]. Согласно историческим записям, после возвращения в Верхнюю столицу Си-цзун злоупотреблял вином и не занимался государственными делами [История Золотой империи, 1998, с. 130], поэтому 9 лет после возвращения в Верхнюю столицу – это время политического хаоса [Ли Сюлянь, 2018, с. 183–184]. Цзунгань пытался решить эту проблему и в 4-м месяце 1141 г. просил Хань Фана стать «участующим в делах управления», чтобы координировать разрушительную деятельность Си-цзуна. Этот конфуцианский советник только в 1149 г. отошел от политических дел императорского двора [Ли Сюлянь, 2018, с. 194].

Несмотря на политические сложности и ожесточенную борьбу среди цзиньской верхушки, для периода правления под девизом *Хуан-тун* характерны нововведения, касающиеся ритуалов, одежды, повозок, чиновничьих рангов и т. п., которые были оформлены в единый свод, получивший название «Новые положения периода правления под девизом *Хуан-тун*» (皇統

¹⁹ «Император, почитающий Небо, воплощающий в себе справедливость, обладающий высочайшей мудростью в гражданских и военных делах и священной добродетелью» [История Золотой империи, 1998, с. 129].

新制). Этот свод состоял более чем из тысячи статей и был обнародован в 1145 г.²⁰ В тех «Новых положениях» отразились законы Суй, Тан, Ляо и Сун [Воробьев, 1975, с. 119, 179; Ли Сюлянь, 2018, с. 184–185].

Подчеркнем, что данный документ упоминается как свод, касающийся только вопросов закона государства Цзинь [Воробьев, 1975, с. 179; The Cambridge History of China, 1994, p. 289]. Однако существует версия, указывающая на ошибочность определения этого свода только с точки зрения законов и предполагающая, что данный документ касался разных сторон жизни государства [Ли Сюлянь, 2018, с. 185]. В 43-м цзюане «Истории Цзинь» записано: «В 3-м году периода правления *Да-дин* (т. е. в 1163 г. – М. Х.) было приказано соблюдать систему [периода правления] *Хуан-тун*, для совмещающих должности [полагалась] парадная одежда, для чиновников без определенных обязанностей – чиновничье платье. Сын императора совершал второе подношение вина, надевал парадное одеяние и императорскую шапку» [Тото, 1975, с. 981]. В этой связи, вероятно, в «Новые положения периода правления под девизом *Хуан-тун*» также входили и разделы, посвященные ритуальным церемониям государства Цзинь [Ли Сюлянь, 2022, с. 404]. То было сложное время в правлении Си-цзуна, поэтому в записях «Истории Цзинь» нет упоминаний об этом своде.

Подчеркнем, что в годы правления *Хуан-тун* также произошли изменения и в сфере почитания предков. Согласно записям «Истории Цзинь», на 3-й год правления под девизом *Хуан-тун* (т. е. в 1143 г.) основали храм предков, строительство которого было завершено в 1148 г. [Тото, 1975, с. 727].

В этот же период, а точнее в 1145 г., Агуде добавили уважительный титул к уже существующему посмертному. Ритуал преподнесения титула зафиксирован в разделе Трактат 13-й «Истории Цзинь» и 3-м цзюане «Сборника о ритуалах Великой Цзинь». Церемониал был определен упомянутым выше конфуцианским ученым Юйвэнь Сюйчжуну. Согласно текстам указанных исторических сочинений, ритуал добавления уважительного титула Агуде обсуждался, готовился и проводился очень основательно. Так, в 1145 г. 3-го числа 6-го месяца было приказано чиновникам «добавить посмертный почётный титул Агуде», 19-го числа было велено Юйвэнь Сюйчжуну написать высочайшее повеление императора, на следующий день изготовили императорскую грамоту (дощечку) о жаловании титула и нефритовую печать, а также другие нефритовые предметы протокольного назначения (в том церемониале использовали настоящий нефрит). В 9-м месяце было поручено Цзунби²¹ взять на себя обязанности главного жреца *далиши*, другие члены царствующего дома исполняли разные роли: кто-то вносил нефритовую печать, кто-то – грамоту (дощечку) о жаловании титула, кто-то зачитывал текст грамоты и т. п. В 10-м месяце во дворце Цинюань-гун император Си-цзун принимал личное участие в церемонии подношения грамоты (дощечки) и печати. Текст грамоты гласил: «Я, преданный потомок некогда царствующих императоров и ванов, с почтением преподношу нефритовую грамоту и печать, преподношу посмертный титул “Усердный [во благо] процветания, распространяющий благую силу *дэ* и имеющий подвиги, высочайший и образцовый в исполнении почтительности, человеколюбивый и просветленный, Великий совершенномудрый и Воинственный император”»²². Император и участвующие чиновники кланялись, в тот день возжигали благовония, играла музыка, жертвовали вино и мясо. В месте, где жгли костер, император совершил жертвоприношение с возлиянием вина на землю, далее приносили жертвы земле захоронением [Да Цзинь, 2019, с. 47; Тото, 1975, с. 775–778].

²⁰ Отметим, что в то же время, в 1145 г., появились «Правдивые истории предшествующих государей» и вошли в обиход малые чжурчжэньские письма [Воробьев, 1975, с. 119; Ли Сюлянь, 2018, с. 178].

²¹ После смерти Цзунганя Цзунби 宗弼 управлял делами в трех высших государственных органах [Ли Сюлянь, 2018, с. 192].

²² Текст грамоты на китайском языке: 孝孫嗣皇帝臣某，謹拜手稽首奉玉冊玉寶，恭上尊謚曰應乾興運昭德定功睿神莊孝仁明大聖武元皇帝。

Когда была завершена церемония добавления посмертного титула Агуде, ускоренно приступили к добавлению посмертных титулов для предков (императорского рода догосударственной эпохи). 7-го числа 11-го месяца 1145 г. вышел приказ о добавлении уважительных титулов к уже существующим, 17-го числа доложили о готовности. В 12-м месяце 8, 9, 10-го числа осуществили ритуал. Предкам подносили вино, готовую пищу, мясо животных, но процедура церемониала отличалась: не придерживались тех правил, что были определены Юйвэнь Сюйчжуном, что, скорее всего, связано с противодействием со стороны правящей элиты [Ли Сюлянь, 2018, с. 186–187].

В начале 1146 г. жаловали титул *ван* всем внукам Агуды, невзирая на ожесточенную борьбу за власть среди членов рода Тай-цзуна и других знатных родов [Ли Сюлянь, 2022, с. 405]. Нарастала враждебность со стороны чжурчжэньской элиты, Юйвэнь Сюйчжун и другие конфуцианские советники вскоре стали врагами.

Новые ритуалы и обряды внедрялись в государственную идеологию Цзинь конфуцианскими советниками. Поэтому на время периода правления *Хуан-тун* пришлось противостояние членов чжурчжэньского царствующего дома и ляоских и сунских советников, осуществлявших все эти реформы. Это стало концом реформ Си-цзуна. Так, в 1146 г. были организованы судебные дела против Юйвэнь Сюйчжуна и других нечжурчжэньских сановников. Их обвинили и предали смерти [Ли Сюлянь, 2018, с. 185].

Заключение

Конфуцианские чиновники принимали активное участие в государственных реформах Цзинь – установлении ритуалов, правил и законов чжурчжэньского государства, способствуя тем самым изменению этнокультурных основ жизнедеятельности этого северного народа. Такие трансформации были обусловлены внешними вызовами и необходимостью адаптации к новым культурным реалиям. Китайские классические церемонии и атрибуты, а также госаппарат периодов китайских династий Тан и Сун были интегрированы в цзиньское государство для того, чтобы обеспечить новый императорский статус чжурчжэньского правителя Си-цзуна и установить законность нового китаизированного правительства.

В периоды его правления под девизами *Тянь-цзюань* и *Хуан-тун* происходили не только изменения в государственном строе Цзинь (исчезновение института регентства, внедрение системы наследования трона старшим сыном старшей жены, формирование и разрастание аппарата управления по китайскому образцу), но и ритуальные трансформации чжурчжэньского государства (введение дворцового этикета, формирование государственных культов Конфуция, поклонения предкам и др.). Известные ляоские чиновники Хань Фан и Хань Цисянь, сунский чиновник Юйвэнь Сюйчжун и другие имели к этому непосредственное отношение. Конец правления Си-цзуна – период политического хаоса и ужесточившейся борьбы в цзиньской верхушке – характеризовался конфронтацией чжурчжэньского правящего дома с конфуцианскими советниками. Фабрикация дел против нечжурчжэньских чиновников выступает доказательством того, что они вносили всё больше и больше изменений в существующую систему государства и их деятельность мешала цзиньской верхушке в борьбе за цзиньский престол.

Список литературы

- Воробьёв М. В.** Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1975. 436 с.
Воробьёв М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1983. 365 с.
Гончаров С. Н. Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127–1142. М.: Наука, 1986. 296 с.

- История Золотой империи / Пер. Г. М. Розова, коммент. Г. М. Малявкина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 286 с.
- История Китая с древнейших времён до начала XXI века: В 10 т. М.: Вост. лит., 2016. Т. 4. 942 с.
- Кычанов Е. И.** Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Вост. лит., 1997. 319 с.
- Кычанов Е. И.** История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.
- Chan Hok-lam.** From Tribal Chieftain to Sinitic Emperor: Leadership Contests and Succession Crises in the Jurchen-Jin State, 1115–1234 // *Journal of Asian History*. 1999. Vol. 33, no. 2. P. 105–141.
- Franke H.** Chinese Texts on the Jurchen (I): A Translation of the Jurchen in the San ch'ao pei-meng hui-pien. In: Franke H., Chan Hok-lam. *Studies on the Jurchens and the Chin Dynasty*. New York: Routledge, 2016. P. 119–186.
- Tao Jing-shen.** Political Recruitment in the Chin Dynasty // *Journal of the American Oriental Society*. 1974. Vol. 94, no. 1. P. 24–34.
- The Cambridge History of China / Ed. by Denis Twitchett and John K. Fairbank. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1994. Vol. 6. 776 p.
- Tillman H. C.** An Overview of Chin History and Institutions. China under Jurchen Rule: Essays on Chin Intellectual and Cultural History / Ed. by H. C. Tillman, S. H. West. New York, State Uni. of New York Press, 1995. P. 23–38.
- Ван Юйлан.** Бохай ши синькао [王禹浪渤海史新考]. Новые изыскания об истории Бохай. Хаэрбин: Хаэрбин чубаньшэ, 2008. 417 с. (на кит. яз.)
- Да Цзинь** цили дяньсяо [大金集禮點校]. Сборник о ли Великой Цзинь с выверкой и правками / Под ред. Жэнь Вэньбяо. Ханчжоу: Чжэцзян дасюэ чубаньшэ, 2019. 640 с. (на кит. яз.)
- Жуцзяо вэньти [儒教问题]. Проблемы конфуцианской религии / Под ред. Жэнь Цзинюй. Бэйцзин: Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ, 2000. 489 с. (на кит. яз.)
- И Баоли.** Цзинь Шан-цзин чжоубянь буфэнь цзяньчжучжи цзи линмучжи гайсу [伊葆力. 金上京周边部分建筑址及陵墓址概述]. Краткий обзор местоположения гробниц и некоторых сооружений, примыкающих к Верхней столице Цзинь // Хаэрбинь сюэюань сюэбао. 2006. № 5. С. 1–6. (на кит. яз.)
- Ли Сюлянь.** Цзиньюань нюйчжэнь дэ инсюн шидай [李秀莲. 金源女真的英雄时代]. Героическая эра чжурчжэней государства Цзинь. Бэйцзин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2018. 267 с. (на кит. яз.)
- Ли Сюлянь.** Цзиньчао шэхуй синтай яньцзинь дэ лиши шусе [李秀莲. 金朝社会形态演进的历史书写]. История развития общественных формаций государства Цзинь. Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 2022. 476 с. (на кит. яз.)
- Лю Хуэй.** Цзиньдай жусюэяньцзю [刘辉. 金代儒学研究]. Исследование конфуцианства эпохи Цзинь. Бэйцзин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2017. 253 с. (на кит. яз.)
- Сюй Мэнсинь.** Саньчао бэймэн хуйбянь [徐夢莘. 三朝北盟會編]. Сборник о союзе с Севером на протяжении трех царствований). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1987. 1795 с. (на кит. яз.)
- Тото.** Цзинь ши [脱脱. 金史]. История Цзинь. Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. 2906 с. (на кит. яз.)
- Тояма Гундзи.** Цзиньчао ши яньцзю [外山军治. 金朝史研究]. Исследование истории династии Цзинь. Харбин: Хэйлунцзян чаосянь миньцзу чубаньшэ, 1988. 496 с. (на кит. яз.)
- Хэ Цзюньчжэ.** Цзиньчао ши [何俊哲. 金朝史]. История династии Цзинь. Бэйцзин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 1992. 628 с. (на кит. яз.)

Юйвэнь Маочжао. Да Цзинь го чжи цзяочжэн [宇文懋昭. 大金國志校證]. История государства Великая Цзинь с исправлениями и правкой: В 2 т. / Под ред. Цуй Вэньинь 崔文印. Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 1986. Т. 1. 321 с. (на кит. яз.)

References

- Chan Hok-lam.** From Tribal Chieftain to Sinitic Emperor: Leadership Contests and Succession Crises in the Jurchen-Jin State, 1115–1234. *Journal of Asian History*, 1999, vol. 33, no. 2, pp. 105–141.
- Franke H.** Chinese Texts on the Jurchen (I): a Translation of the Jurchen in the San ch'ao pei-meng hui-pien. In: Franke H., Chan Hok-lam. *Studies on the Jurchens and the Chin Dynasty*. New York, Routledge, 2016, pp. 119–186.
- Da Jin jili dianxiao [大金集禮點校]. Collection about Li of the Great Jin with verification and edits. Ed. by Ren Wenbiao. Hangzhou, Zhejiang daxue chubanshe, 2019, 640 p. (in Chin.)
- Goncharov S. N.** Kitaiskaya srednevekovaya diplomatiya: otnosheniya mezhdru imperiyami Czin' i Sun 1127–1142 [Chinese Medieval Diplomacy: Relations between the Jin and Song Empires 1127–1142]. Moscow, Nauka, 1986, 296 p. (in Russ.)
- He Junzhe.** Jinchao shi [何俊哲. 金朝史]. The History of Jin Dynasty. Beijing, Zhongguo shehui kexue chubanshe, 1992, 628 p. (in Chin.)
- Istoriya Kitaya s drevneishikh vremyon do nachala XXI veka [The History of China from Ancient Times to the beginning of the 21st Century]. In 10 vols. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura, 2016, vol. 4, 942 p. (in Russ.)
- Istoriya Zolotoi imperii [History of the Gold Empire]. Transl. of G. M. Rozov, comments of G. M. Malyavkin. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1998, 286 p. (in Russ.)
- Kychanov E. I.** Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov [Nomadic States from the Huns to the Manchus]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1997, 319 p. (in Russ.)
- Kychanov E. I.** Istoriya prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov [The History of the Ancient and Medieval States bordering China (from the Huns to the Manchus)]. St. Petersburg, Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo, 2010, 364 p. (in Russ.)
- Li Xiulian.** Jinyuan nuzhen de yingxiong shidai [李秀莲. 金源女真的英雄时代]. Heroic Era of the Jurchen Jin State. Beijing, Shehui kexue wenxian chubanshe, 2018, 267 p. (in Chin.)
- Li Xiulian.** Jinchao shehui xingtai yanjin de lishi shuxie [李秀莲. 金朝社会形态演进的历史书写]. Historical Description of the Development of Social Formations of the Jin State. Beijing, Zhonghua shuju, 2022, 476 p. (in Chin.)
- Liu Hui.** Jindai ruxue yanjiu [刘辉. 金代儒学研究]. A Study of Confucianism of the Jin Era. Beijing, Zhongguo shehuikexue chubanshe, 2017, 253 p. (in Chin.)
- Rujiao wenti** [儒教问题]. The Problems of Confucian Religion. Ed. by Ren Jiyu. Beijing, Zongjiao wenhua chubanshe, 2000, 489 p. (in Chin.)
- Tao Jing-shen.** Political Recruitment in the Chin Dynasty. *Journal of the American Oriental Society*, 1974, vol. 94, no. 1, pp. 24–34.
- The Cambridge History of China. Ed. by Denis Twitchett and John K. Fairbank. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 1994, vol. 6, 776 p.
- Tillman H. C.** An Overview of Chin History and Institutions. In: China under Jurchen Rule: Essays on Chin Intellectual and Cultural History. Ed. by H. C. Tillman, S. H. West. New York, State Uni. of New York Press, 1995, pp. 23–38.
- Toyama Gunji.** Jinchao shi yanjiu [外山军治. 金朝史研究]. The Study of the Jin Dynasty History. Haerbin, Heilongjiang chaoxian chubanshe, 1988, 496 p. (in Chin.)
- Tuotuo.** Jin shi [脱脱. 金史]. History of Jin. Beijing, Zhonghua shuju, 1975, 2906 p. (in Chin.)

- Vorobyov M. V.** Chzhurchzheni i gosudarstvo Czin' (X v. – 1234 g.) [Jurchen and the State of Chin (10th century – 1234)]. Moscow, Nauka, 1975, 436 p. (in Russ.)
- Vorobyov M. V.** Kul'tura chzhurchzhenei i gosudarstva Czin' (X v. – 1234 g.) [The Culture of Jurchen and the State of Chin (10th century – 1234)]. Moscow, Nauka, 1983, 365 p. (in Russ.)
- Wang Yulang.** Bohai shi xinkao [王禹浪渤海史新考]. The New Study of the Bohai History. Haerbin, Haerbin chubanshe, 2008, 417 p. (in Chin.)
- Xu Mengxin.** Sanchao beimeng huibian [徐夢莘。三朝北盟會編]. Compendium of Treaties with the North during the Three Reigns. Shanghai, Shanghai guji chubanshe, 1987, 1795 p. (in Chin.)
- Yi Baoli.** Jin Shang-jing zhoubian bufen jianzhuzhi ji lingmuzhi gaisu [伊葆力。金上京周边部分建筑址及陵墓址概述]. A brief overview of the location of the tombs and some structures adjacent to the Upper Capital of Jin. *Haerbin xueyuan xuebao*, 2006, no. 5, pp. 1–6. (in Chin.)
- Yuwen Maozhao.** Da jin guo zhi jiaozheng [宇文懋昭。大金國志校證]. Records of the Great Jin Kingdom with verification and edits. In 2 vols. Ed. by Cui Wenyin. Beijing, Zhonghua shuju, 1986, vol. 1, 321 p. (in Chin.)

Информация об авторе

Марина Ахатовна Хаймурзина, кандидат философских наук, доцент
Scopus Author ID 57221965381
RSCI Author ID 670707
SPIN 7381-1809

Information about the Author

Marina A. Khaymurzina, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor
Scopus Author ID 57221965381
RSCI Author ID 670707
SPIN 7381-1809

*Статья поступила в редакцию 19.11.2023;
одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 09.02.2024
The article was submitted on 19.11.2023;
approved after review on 02.02.2024; accepted for publication on 09.02.2024*

Научная статья

УДК 94(5)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-119-127

Developing and Expanding Trade by the Portuguese in China in the 16th – 18th Centuries

Truong Anh Thuan ¹, Nguyen Thi Vinh Linh ²

¹ The University of Da Nang
Da Nang, Vietnam

² Quang Nam University
Tam Ky, Vietnam

¹ tathuan@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9682-882X>

² nguyenthivinhlinh@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3853-0790>

Abstract

This article clarifies the process of establishing and expanding the commercial power of Portugal in China in the 16th, 17th and 18th centuries. In the second half of the 16th century, through various means, the Portuguese gradually “legalized” their existence and established a highly autonomous government in Macao. The Portuguese Crown expected to build a fortified base as a springboard to realize their plan in developing an exclusive trade network in mainland China and Japan as well as the other countries in Southeast Asia and South Asia in the 17th and 18th centuries. To study this issue, the authors mainly rely on original materials and academic achievements by Chinese and international scholars that are directly or indirectly related to the content of the article. At the same time, the authors use two main research methods of Historical Science (historical method and logical method) with other research methods (analysis, synthesis, statistics, and comparison). This research will make a specific contribution in recreating the overall picture of Portuguese commercial activities in Asia in general and China in particular from the 16th to the 18th centuries.

Keywords

Portugal, China, Macao, commerce, Japan, India

For citation

Truong Anh Thuan, Nguyen Thi Vinh Linh. Developing and Expanding Trade by the Portuguese in China in the 16th – 18th Centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 119–127. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-119-127

Развитие и расширение португальской торговли в Китае в XVI–XVIII веках

Чьонг Ань Туан ¹, Нгуен Тхи Винь Линь ²

¹ Университет Дананга
Дананг, Вьетнам,

² Университет Куангнам
Тамки, Вьетнам

¹ tathuan@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9682-882X>

² nguyenthivinhlinh@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3853-0790>

Аннотация

Статья объясняет процесс установления и распространения торговой силы Португалии в Китае в XVI–XVIII вв. Во второй половине XVI в. путем принятия различных мер португальцы постепенно «узаконили»

© Truong Anh Thuan, Nguyen Thi Vinh Linh, 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 119–127
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 119–127

свое присутствие и установили в высшей степени автономное правительство в Макао. Португальская корона собиралась создать укрепленную базу в качестве трамплина для реализации своего плана по развитию эксклюзивной торговой сети в материковом Китае и Японии, как и в других странах Юго-Восточной и Южной Азии в XVII и XVIII вв. Для изучения этой темы авторы в основном использовали оригинальные материалы и академические достижения китайских ученых и всего международного научного сообщества, прямо или косвенно связанные с содержанием статьи. В то же время авторы использовали два основных исследовательских метода исторической науки (исторический метод и логический метод), а также и другие методы (анализ, синтез, статистику и сравнение). Это исследование внесет особый вклад в воссоздание цельной картины португальской торговой активности в Азии в целом и особенно в Китае с XVI по XVIII в.

Ключевые слова

Португалия, Китай, Макао, торговля, Япония, Индия

Для цитирования

Truong Anh Thuan, Nguyen Thi Vinh Linh. Developing and Expanding Trade by the Portuguese in China in the 16th – 18th Centuries // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 119–127. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-119-127

Introduction

From the beginning of the 16th century, with the participation in the trading network in Southeast Asia, the Portuguese gradually established the first relations with Chinese merchants ¹. However, this process did not take place as smoothly as the Portuguese had hoped. At that time, the activities of *Wokou* (倭寇: Japanese pirates) led to insecurity in the southeast coast of China and seriously threatened the survival of the Ming dynasty [Lim, 2010; Guillot, Lombard, Ptak, 1998; Antony, 2010]. In such a context, the Ming dynasty implemented the “*Haijin*” (海禁: Maritime prohibition) [Von Glahn, 1996, p. 116; Kangying, 2010, pp. 3–4] policy, which became a major obstacle to establishing trade relations with China. From 1513 to 1520, except for Fernão Peres de Andrade who came to trade in Guangzhou, most other Portuguese merchants were unable to conduct trade with the Chinese. “The final chapter of this story was the arrival at T’un-men, in August 1522, of three ships under Martim Affonso de Mello Coutinho, who has a royal commission to conclude peace with China, and enough men to garrison a fort he hoped to establish, presumably with consent” [Twitchett, Mote, 1998, p. 340]. However, two of these three ships were captured by the Ming government. In fact, during this time period, growing Portuguese activity only increased the Emperor's distrust of Westerners. The historians of the Ming dynasty considered: “The Portuguese as kidnappers and slave traders, men who ate children after cooking them” ². As a result, the Portuguese faced a ban on trade in all Chinese ports. The Ming dynasty also aggressively arrested any Portuguese who secretly operated in the country despite the ban from the government. Among them, Tomé Pires was one of the typical cases [Newitt, 2004, p. 96].

Despite facing fierce resistance from the native authorities, in the first half of the 16th century, there were still a few Portuguese merchants who succeeded in infiltrating China [Newitt, 2004, p. 96]. From these initial successes, by the 1530s, several communities of temporary Portuguese merchants had been established in the southern coastal region of China, the largest of which was Lampacao [Newitt, 2004, p. 115]. Along with bribing local officials and taking advantage of the Malay and Siamese trade networks, Portuguese traders went to other ports such as Chinchew (泉州), Changzhou (常州), Ningbo (寧波) in Fujian and Zhejiang [Diffie, Winus, 1977, p. 387]. Especially from the second half of the 16th century, when *Wokou*'s activities became more and more

¹ In 1511, a Portuguese navy force led by Albuquerque and Antonio de Abreu borrowed junk from Chinese merchants to invade Malacca [Diffie, Winus, 1977, p. 381].

² “They (Portuguese) secretly sought to purchase children of above ten years of age to eat. Each child was purchased at 100 cash. This caused the evil youths of Kwangtung to hasten to kidnap children and the number of children eaten was uncountable. The method [of preparing the child] was to first boil up some soup in a huge iron pan and place the child, who was locked up inside an iron cage, into the pan. After being steamed to sweat, the child was then taken out and his skin peeled with an iron scrubbing-brush. The child, still alive, would now be killed, and having been disemboweled, steamed to eat” [Ptak, 1987, p. 145].

drastic, the establishment of Portuguese commercial relations in China had important changes. In the previous period, the Ming dynasty tried to prevent the presence of the Portuguese in China, but at that time, to fight the *Wokou* problem, this dynasty sought help from them. In return, the Ming dynasty allowed the Portuguese to use certain locations on the Guangdong coast, such as Shangchuan Island (上川島), Lampacao, and Macao (1557) for trade [Wills, 2010, pp. 37–38]. Besides, at that time, the Chinese market was in high demand for compressed silver from Japan, so the Ming dynasty had to change its attitude towards the Portuguese. They gradually recognized the legal role of the Portuguese in the supply of this item. This change ushered in a landmark period in establishing the position and expanding the influence of the Portuguese in trade with China and other countries in the Far East in the 16th – 18th centuries.

Establishing power: Starting in Macao

In the first half of the 16th century, with the conquest of Goa (1510) and Malaca (1511), Portugal also drew up a long-term plan for entering and establishing trade relations with China. However, at that time, the Ming dynasty in China was vigorously implementing the policy of expelling Westerners. Therefore, the presence of the Portuguese in Zhejiang, Fujian led to strong military reactions from the authorities which forced them to leave these places [Fei Chengkang, 1988, p. 17]. They looked for other opportunities to infiltrate China through several locations along the coast of Guangdong Province, of which Shangchuan Island [Wills, 2010, pp. 36–37] was one of the first choices of the Portuguese. However, the Portuguese operation on this island could not take place safely because they often faced the risk of attack from Ming army forces. In this context, the Portuguese captain Leonel da Sousa realized that establishing relations with China through a peaceful path instead of using force would bring more certain opportunities for Portugal. One of the starting places for the implementation of this plan was Macao.

In 1554, through a number of different measures, Leonel da Sousa and other Portuguese merchants were granted permission by the Guangdong government to trade in certain locations on the island of Macao, but they had to pay the prescribed customs duties [Braga, 1949, p. 85; Diffie, Winus, 1977, p. 389]. Initially, the majority of Portuguese ships were concentrated in Langbaiao (浪白澳: Lampacao in Portuguese) to conduct trade and in 1560, the number of Portuguese here was estimated at more than 500 or 600 people [Ljungstedt, 1836, p. 9]. However, because Mengjingao (蠔鏡澳), i.e. Macao, clearly showed its superiority over Langbaiao both in terms of residence and commerce, more and more Portuguese went there for trading and living. While in 1555, there was only eight Portuguese people there [Pei Huaxing, 1937, p. 95], nine years later (1563), this number increased to 900 people [Fei Chengkang, 1988, p. 23]. As a result, a Portuguese community was formed in Macao, and Western-style buildings were gradually built on this island. Therefore, Macao replaced Lampacao as the centre of trade between China and Portugal, and other countries.

Before the establishment of the Portuguese trading community in Macao, from 1560 to 1564, Ming officials in Guangzhou had to report on the activities of Portuguese merchants to the imperial court in Beijing. In addition, they discussed and proposed some measures to expel the Portuguese from Macao. However, at that time, *Wokou* stepped up their activities in the southeast coast of China and constantly conflicted with the Ming army. Meanwhile, in Guangdong, peasant uprisings broke out in many locations. Therefore, local authorities were not able to take strong measures against the Portuguese community in Macao because they did not want to face additional difficulties and pressure at the same time. Taking advantage of that situation, with the aim of establishing their strong position in Macao, the Portuguese sought opportunities to gain recognition from the local authorities for their existence there.

And that opportunity came in 1564. Through helping the Ming government to suppress mutiny [Braga, 1949, p. 211], the Portuguese residence in Macao was tacitly approved by the Guangdong government. In particular, from 1572 (or 1573), every year the Portuguese in Macao had to pay the

Ming government 500 silver pieces of land rent [Montalto de Jesus, 1902, pp. 33–34]. At that time, Chinese mandarins not only received the land tax paid by the Portuguese but also recorded this tax in the *Guangdong fuyi quanshu* (廣東賦役全書: The complete book of taxation and conscript labour in Guangdong) which was printed and released during the reign of Emperor Wanli (萬曆) [Fei Chengkang, 1988, p. 30]. This showed that, at that time, the Chinese mandarins officially allowed the Portuguese to rent land to reside in Macao. This meant that they acknowledged the legal existence of the Portuguese community on this land.

During the years 1580–1582, through offering gifts [Fei Chengkang, 1988, p. 32], especially bribing Chinese mandarins [Boxer, 1953, p. 35], the Portuguese continued to be allowed to reside in Macao by the Guangdong government, but they had to submit to the management of the local mandarins [Li Madou, Jin Nige, 1983, p. 149; Boxer, 1953, p. 35]. That was an extremely favourable objective premise for the Portuguese community in Macao to gradually realize their long-term settlement plan and build their autonomous government on this land.

In fact, the direct cause of the birth of the Portuguese self-governance in Macao was the Portuguese dependence on Spain since 1580. In 1582, after being forced to declare allegiance to the Spanish King [Souza, 2004, p. 66; Fei Chengkang, 1988, p. 37], the Portuguese in Macao realized that their power would be seriously threatened if the governor from Manila came to direct management in this area. Therefore, on the basis of pre-existing governing institutions such as *Capitdo-mor da Viagem da China e jfapdo*³ and *Santa casa da Misericordia*⁴, Portuguese officials in Macao organized a conference and recommended the establishment of *Senado Camara*. This organization with great autonomy would create a balance and relative independence from the patronage and control of the Spanish emperor [Fei Chengkang, 1988, p. 37]. On 10 April 1586, the Portuguese Governor at *Estado da India* affirmed the interests of the Portuguese in Macao by authorizing the establishment of this organization [Souza, 2004, p. 25].

From the second half of the 16th century, in order to realize the goal of establishing trade relations with China through various means, the Portuguese gradually approached the coastal area of Guangdong. Along with this process, an increasing number of Portuguese communities also gradually formed in several locations, first in Lampacao and later in Macao. In particular, in the 1580s, with the aim of protecting the commercial interests of their community against manipulation and control from the Spanish royal family, the Portuguese in Macao decided to establish a highly autonomous management that was *Senado da Camara*. In particular, in the 1580s, *Senado da Camara* was established, and until the early 17th century, it gradually changed and perfected both their structure, functions, and tasks. This laid a solid foundation for the establishment and expansion of Portuguese influence in commerce in China and in other countries of the Far East.

Expanding influence: From Macao to Mainland China

From the second half of the 16th century, after establishing a certain position in Macao, the Portuguese continued to promote commercial activities and expand their influence to other areas (especially mainland China). In fact, the opportunity to boost Portuguese trade in mainland China during this period came from a factor outside of China. The interruption of trade relations between

³ *Capitdo-mor da Viagem da China e jfapdo* was responsible for the management of ships departing from Macao to designated ports in Japan. Initially, this position was held by Portuguese merchants to self-manage their activities in China. But later, the Portuguese royal family appointed Portuguese nobles to hold this position. When the Habsburg dynasty ruled in Portugal (1580), the King authorized the auction of this position to potential candidates of the aristocracy, and also allowed the participation of powerful Portuguese merchants in the Far East. However, by 1583 this position was replaced by a more complete management institution. It was *Senado da Camara* headed by *Capitao-geral* [Souza, 2004, p.19–20].

⁴ *Santa casa da Misericordia* was a Christian charity founded in 1569, whose mission was to provide social support to all its Christian members. In fact, the function of *Santa casa da Misericordia* was quite extensive such as managing the estates of the deceased or dealing with inheritance according to the will. Therefore, the financial power of *Santa casa da Misericordia* was quite large and Portuguese traders in Macao had to regularly borrow money from this organization [Souza, 2004, pp. 27–29].

China and Japan for a long time caused by the *Wokou* gave the Portuguese the opportunity to become a “bridge” connecting the trade between these two countries.

When conducting trade with Mainland China, Portuguese traders realized that the North China region had a great demand for spices (pepper, cloves, nutmeg), sandalwood, compressed gold, and especially silver. As a result, they satisfied the hunger of the Chinese for silver by importing large quantities of this precious metal from Japan. Meanwhile, the southern region of China had great potential for exporting goods such as ceramics, porcelain, gold, zinc, alum, textile fibers, and silk which was favoured by the Japanese aristocrats at that time. Therefore, Portuguese merchants conducted to buy mainland Chinese silk in exchange for silver from Japan. During the late 16th century, the amount of raw silk purchased and shipped to Japan by the Portuguese increased from 1,000 to 1,600 picols per year. This production accounted for about 1/3 to 1/2 of the total amount of Chinese silk that was traded by sea at that time [Sebes, 1978, p. 170–183]. Even in the early 17th century, although silk was not the main export item of the Portuguese, they periodically maintained the purchase of about 2,000 picols of silk in Guangzhou [Souza, 2004, p. 48]. Besides silk, the Portuguese also concentrated on purchasing mercury in China and exporting it to serve mining in Japan. The profits that Portuguese traders collected from the mercury trade were quite high. Because at that time, the price of mercury in Guangzhou was only about 40 tael/picol, but when shipped to Japan, it increased to 91 tael/picol. According to the statistics of George Bryan Souza, in the period between 1598–1638, the amount of mercury that the Portuguese exported from China to Japan was estimated at 4,200–8,400 picols (5,600–11,200 quintals). Therefore, the average amount of mercury exported from China to Japan each year was about 150–300 picols (200–400 quintals) [Souza, 2004, p. 92]. In addition, gold was also an important commodity that Portuguese traders bought from many different sources to sell to the Japanese [Souza, 2004, p. 53–54].

It was thought that the intermediary role in the trade relationship between China and Japan in the second half of the 16th century could create favourable conditions for Portuguese merchants to establish and expand commercial activities in mainland China. However, by the first half of the 17th century, political instability in the country became a major challenge to their ambitions. In fact, after the Manchus invaded China and established the Qing Dynasty (1644), their struggle with the remnants of the Ming Dynasty – the political force that ruled China for almost three centuries (1368–1644), had a significant impact on Portuguese trade. In such a situation, it was difficult for Portuguese traders to purchase silk, metals, and spices from China. However, they did not give up on their goal of establishing trade relations in mainland China. In 1651, they concentrated on buying rice and other foods to solve food shortages of the Portuguese (especially orphans and widows) that was happening at that time in Macao in particular and Guangdong in general [Souza, 2004, p. 199]. In addition, the Portuguese sought to approach and sympathize with the Qing dynasty by assisting the government to eradicate piracy. Therefore, in the second half of the 17th century, when the Qing dynasty enforced a policy of prohibiting sea trade in the southwestern coast of China in order to destroy the remaining Ming forces [Souza, 2004, p. 200], the Portuguese in Macao still managed to find a good way to continue trading with mainland China. In 1681 and 1682, overland trade from Guangzhou to Macao was still allowed, and the total tax collected by Senado da Camara was 12,200 and 18,076 taels, respectively [Souza, 2004, p. 201].

In particular, from 1684, along with allowing foreign trade, the Qing dynasty also strengthened the management of foreign trade activities in Southern China through the establishment of a series of tax stations and the appointment of General Manager of Taxation in Guangdong, Fujian, Zhejiang, and Shandong. Two years later (1686), Qing mandarins separated customs duties and taxes on goods transported by road. At the same time, they introduced new taxes on ships from other countries, including Portugal. Before that situation, Portuguese traders in Macao had their own plans. With the goal of establishing and consolidating their monopoly position, Portuguese traders sought to prevent the penetration of the Dutch, British, and Siamese into mainland China. In 1686, Senado da Camara sent a petition to the Qing court in Beijing, which suggested that all

foreign ships should not be anchored for long periods in Macao but instead, they should be anchored at Whampoa near Guangzhou [Souza, 2004, p. 203]. In the same year (1686), Senado da Camara and Hoppo⁵ discussed a new tax⁶ that would be imposed on Portuguese ships from Macao. The representative of Senado da Camara, Jose Vieira da Silva, after many efforts, also reached an agreement of 500 taels per ship, regardless of size and 20% value tax (ad valorem) [Souza, 2004, p. 204]. However, the high value of goods tax had seriously damaged the commercial interests of Portuguese merchants. Therefore, the Portuguese merchants in Macao approved the good relationship between the Portuguese Jesuit missionaries in Beijing and the Qing dynasty to negotiate the reduction of the value of goods tax to the basic level (pro rata)⁷. This effort eventually brought the expected results of the Portuguese. In 1698, the Qing dynasty approved the reduction of customs duties in Guangdong for Portuguese ships arriving from Macao at a rate equivalent to that levied on Chinese ships [Souza, 2004, p. 204].

However, receiving some tax incentives from the Qing dynasty in the late 17th century, did not mean that the expansion of the trade network from Macao to mainland China by Portuguese merchants was entirely favourable. In fact, by the early 18th century, Portuguese trade in mainland China faced serious challenges. In 1717, Emperor Yongzheng (雍正) issued a decree prohibiting trade between Chinese and foreign merchants on the South coast [Souza, 2004, p. 206], and in 1725, he implemented a policy to limit no more than 25 Portuguese ships from Macao to Guangzhou annually [Souza, 2004, p. 209]. In 1748, to further intervene in Macao, powerful mandarins in Guangdong pressured the Portuguese government in Macao to negotiate and issue a number of specific provisions that would help clearly define the relationship between the Chinese and the Europeans in general and the Portuguese in particular in Macao⁸. The enactment of these laws showed the Qing dynasty's desire to stabilize the internal situation and gradually limit the influence of the Portuguese in Macao over mainland China. This attitude of the Qing dynasty towards the Portuguese could be explained by two reasons. Firstly, the fact that Portuguese traders in Macao engaged in the Chinese slave or muitsai trade [Spence, 1985, p. 208; Pinto, 1992, p. 18; Boxer, 1968, p. 225; Finkelman, Miller, 1998, p. 737; Leite, 1999, p. 19], despite the ban from the native government. Secondly, the Qing dynasty was implementing a careful and strict diplomatic strategy with Westerners. Therefore, by the middle of the 18th century, the Qing dynasty continued to take specific actions to strengthen control of sea trade and trade relations with Macao.

During the period 1754–1761, the government issued a decision to centralize all foreign trade to Guangzhou [Souza, 2004, p. 210], while strengthening the power of Chinese merchants (hong⁹ and later co-hong) to control trade relations between European companies and native traders. In that situation, the experience of more than 200 years of contact with Chinese civilization helped the Portuguese in Macao to find a suitable way to behave. In order to realize the goal of continuing to maintain commercial activities in mainland China, the Portuguese government in Macao advocated

⁵ Hoppo was a mandarin of the Qing Dynasty in Guangzhou responsible for managing shipping, collecting taxes, and dealing with relations between merchants in the *Zhoujiang* (洲江) Delta from 1685 to 1904 [Cheong, 1997, pp. 199–208, 230–233; Hirth, 1882, pp. 221–235].

⁶ In the past, all Portuguese ships arriving into port (except Royal Portuguese ships) had to pay “a graduated tax, based on the size or measurage of the ship involved, and Chinese customs duties” [Souza, 2004, pp. 203–204].

⁷ Macao ship owners wanted the tax rate to be reduced to 100 tael/1,000 picol (equivalent to 66 2/3 tons). This was a huge benefit to small ship owners as the new tax only applied to ships with a tonnage of about 5,000 picols (approximately 3,333 tonnes) or more. Meanwhile, the size of most ships used by the Portuguese was from 65 to 400 tons [Souza, 2004, p. 204].

⁸ In the 12 articles negotiated and promulgated, there were a number of articles directly related to the relationship between the Chinese and the Europeans in general and the Portuguese in particular in Macao, including homeless Chinese in Macao should be deported (article 1), Europeans guilty of killing or raping Chinese people would be dealt with according to Chinese law (article 5), in the trials of Chinese people who did not pay European debts, Chinese officials must be involved (article 6), the trafficking of Chinese children must be stopped (article 8), Europeans were not allowed to hunt near Macao (article 11), and the Chinese conversion to Christianity was not to be continued (article 12) [Subrahmanyam, 1993, p. 341].

⁹ Guild or Merchant Association [Souza, 2004, p. 210]

gradually replacing the previous official relations with the Qing dynasty with informal ones, which through the connecting role of interpreters (jurubacas), Jesuit priests and even the first slaves from Macao fled to mainland China [Boxer, 1974, p. 65–90]. Not only that, but the Portuguese also speculated that: if in the case of the Qing dynasty taking drastic measures, the entire population of Macao would move out – an exodus that the Portuguese were sure would be undesirable for both Chinese merchants and the Guangdong mandarins. In the 16th–18th centuries, the expansion of commercial activities of the Portuguese from Macao to mainland China encountered many ups and downs because of the policy of the Qing dynasty. However, by ingenious, proactive, and flexible measures, the Portuguese managed to penetrate, establish and maintain trade networks in mainland China until the end of the 18th century when they were pushed back from this vast market by powerful rivals such as the Netherlands, Great Britain, and France.

Conclusion

From the 16th century, Asia entered the era of vibrant sea trade with the participation of merchant forces from many different Western countries. At that time, on the basis of the sphere of influence divided by Pope Alexander VI from the end of the 15th century (1493) [Johansen, Pritzker, 2007, p. 208; Tarver, Slape, 2016, pp. 19–21], the Portuguese gradually realized their intention to build a trans-Asian trade network, through accessing and conquering a number of important trading places in the countries of South Asia, Southeast Asia, and Northeast Asia.

Among them, China was definitely one of the key points. In order to establish and promote commercial activities in China, Portuguese traders had drawn up a long-term plan, in which the most important point was to establish a solid “land on foot”. At that time, Macao, with superiority of trade as well as convenience for residence compared to some other locations along the coast of Guangdong became the ideal choice for the Portuguese. In fact, from the second half of the 16th century, through many different measures, the Portuguese in Macao gradually “legalized” their existence there. In particular, in 1583, Senado da Camara – organized to represent a European – style autonomous city model that was established in Macao.

This was a turning point for the establishment of the Portuguese position in commerce in China. After that, Macao became the “springboard” for the Portuguese to establish and promote trading activities in mainland China. Authentic and objective evidence demonstrates a relatively prosperous development period of Portuguese maritime trade in Asia in general and China in particular, which lasted for more than two centuries.

References

- Antony R. J.** Elusive Pirates, Pervasive Smugglers: Violence and Clandestine Trade in the Greater China Seas. Hong Kong, Hong Kong University Press, 2010, 201 p.
- Boxer C. R.** (ed.) South China in the sixteenth century (1550–1575). London, Hakluyt Society, 1953, 388 p.
- Boxer C. R.** Fidalgos in the Far East 1550–1770. Hongkong, London, New York, Oxford University Press, 1968, 350 p.
- Boxer C. R.** Macao as a religious and commercial entrepôt in the 16th and 17th centuries. *Acta Asiatica*, 1974, vol. 26, pp. 65–90.
- Braga J. M.** The Western Pioneers and their discovery of Macao. Macau, Imprensa Nacional, 1949, 248 p.
- Cheong W. E.** The Hong Merchants of Canton: Chinese Merchants in Sino-Western Trade, 1684–1798. Richmond, Surrey, Curzon Press, 1997, 388 p.
- Diffie B. W., Winius G. D.** Foundations of the Portuguese Empire, 1415–1580. Minneapolis, The University of Minnesota Press, 1977, vol. 1, 533 p.

- Fei Chengkang.** Aomen sibai nian [费成康。澳门四百年]. 400 Years of Macau. Shanghai, Shanghai Renmin chubanshe, 1988, 431 p. (in Chin.)
- Finkelman P., Miller J. C.** (eds.). Macmillan encyclopedia of world slavery. New York, Macmillan Reference USA, Simon & Schuster Macmillan; London, Simon & Schuster, and Prentice Hall International, 1998, 2 vols., 1065 p.
- Guillot C., Lombard D., Ptak R.** (eds.). From the Mediterranean to the China Sea: Miscellaneous Notes. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 1998, 236 p.
- Hirth F.** The Hoppon-Book of 1753. *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society*, 1882, vol. 17, pp. 221–235.
- Johansen B. E., Pritzker B. M.** (eds.). Encyclopedia of American Indian History. Santa Barbara, California, ABC-CLIO, Inc., 2007, 4 vols., 1423 p.
- Kangying L.** The Ming Maritime Trade Policy in Transition, 1368 to 1567. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 2010, 211 p.
- Leite J. R.** A China no Brasil: influências, marcas, ecos e sobrevivências chinesas na sociedade e na arte brasileiras. Campinas, São Paulo, Universidade Estadual de Campinas, 1999, 288 p.
- Li Madou, Jin Nige.** Li Madou Zhongguo zhaji [利瑪竇，金尼閣。利瑪竇中國札記] Matteo Ricci's Notes on China. Beijing, Zhonghua shuju, 1983, vol. 1, 786 p. (in Chin.)
- Lim I. M.** Lineage Society on the Southeastern Coast of China: The Impact of Japanese Piracy in the 16th Century. New York, Cambria Press, 2010, 390 p.
- Ljungstedt A.** An historical sketch of the Portuguese settlements in China; and of the Roman Catholic Church and mission in China. Boston, James Munroe & Company, 1836, 323 p.
- Montalto de Jesus C. A.** Historic Macao. Hongkong, Kelly & Walsh, limited Printers and Publishers, 1902, 358 p.
- Newitt M.** A History of Portuguese Overseas Expansion 1400–1668. London and New York, Routledge, 2004, 320 p.
- Pei Huaxing.** Tianzhujiao shiliu shiji zai Hua chuanjiao zhi [裴化行。天主教十六世纪在华传教誌]. Catholicism in the sixteenth century in China missionary annals. Shanghai, Shangwu yinshu guan, 1937, 340 p. (in Chin.)
- Pinto J.** Slavery in Portuguese India, 1510–1842. Bombay, Himalaya Publ. House, 1992, 154 p.
- Ptak R.** (ed.). Portuguese Asia: Aspects in History and Economic History. Stuttgart, Franz Steiner Verlag Wiesbaden GmbH, 1987, 219 p.
- Sebes J. S.** China's Jesuit Century. *The Wilson Quarterly*, 1978, vol. 2, no. 1, pp. 170–183.
- Souza G. B.** The Survival of Empire: Portuguese Trade and Society in China and the South China sea 1630–1754. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 304 p.
- Spence J. D.** The memory palace of Matteo Ricci. New York, Elisabeth Sifton/Penguin, 1985, 350 p.
- Subrahmanyam S.** The Portuguese Empire in Asia 1500–1700: A political and economic history. London and New York, Longman, 1993, 320 p.
- Tarver H. M., Slape E.** (eds.). The Spanish Empire: A Historical Encyclopedia. 2 vols. Santa Barbara, California; Denver, Colorado, ABC-CLIO, 2016, 664 p.
- Twitchett D. C., Mote F. W.** The Cambridge History of China. Cambridge, Cambridge University Press, 1998, vol. 8: The Ming Dynasty (1368–1644), 1231 p.
- Von Glahn R.** Fountain of Fortune: Money and Monetary Policy in China, 1000–1700. Berkeley, Los Angeles, London, The University of California Press, 1996, 408 p.
- Wills J. E.** (ed.). China and Maritime Europe, 1500–1800: Trade, Settlement, Diplomacy, and Missions. New York, Cambridge University Press, 2010, 312 p.

Information about the Authors

Truong Anh Thuan, PhD in History, Associate Professor

Scopus Author ID 57218872761

Nguyen Thi Vinh Linh, PhD in History

Scopus Author ID 57777998300

Информация об авторах

Чьюнг Ань Туан, PhD in History, доцент

Scopus Author ID 57218872761

Нгуен Тхи Винь Линь, PhD in History

Scopus Author ID 57777998300

The article was submitted on 09.03.2023;

approved after review on 02.02.2024; accepted for publication on 09.02.2024

Статья поступила в редакцию 09.03.2023;

одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 09.02.2024

Научная статья

УДК 94(510)+294.321

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-128-138

Буддийский храм Цзилэсы в Харбине, его история и современные культовые практики

Елена Эдмундовна Войтишек¹

Ван Тин²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ Институт востоковедения Российской академии наук
Москва, Россия

¹ e.voitishek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

² t.van14@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9079-0148>

Аннотация

Внимание в данной статье сосредоточено на деятельности и культовых практиках буддийского храма Цзилэсы (Храм Блаженства) в Харбине, одного из самых больших и авторитетных на северо-востоке Китая. Харбин, основанный в 1898 г. русскими инженерами-путейцами в связи со строящейся Китайско-Восточной железной дорогой, объединяет различные этнические и религиозные культуры. В работе дан краткий исторический обзор деятельности храма, игравшего большую роль в развитии буддизма в условиях мультикультурных идеологических и политических тенденций первых десятилетий XX в. В историко-культурном контексте анализируются важнейшие храмовые культы и праздники. Основное внимание уделено традиционным ритуалам, проходящим в рамках празднования Дня рождения Будды в 4-й месяц по лунному календарю. На основе анализа письменных источников и привлечения этнографических материалов, включая беседы с монахами и мирянами храма Цзилэсы, выделены основные этапы и особенности ритуала омовения статуи Будды, где важную роль играют манипуляции с благовониями. Будучи тесно связаны с историей и эволюцией буддизма, культовые мероприятия и ритуалы продолжают оказывать глубокое влияние на традиции и культуру современного общества.

Ключевые слова

Китай, Харбин, буддийский храм Цзилэсы, Храм Блаженства, культовые практики с благовониями

Для цитирования

Войтишек Е. Э., Ван Тин. Буддийский храм Цзилэсы в Харбине, его история и современные культовые практики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 128–138. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-128-138

© Войтишек Е. Э., Ван Тин, 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 128–138

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 128–138

Jile Buddhist Temple in Harbin, Its History and Contemporary Religious Practices

Elena E. Voytishchek¹, Wang Ting²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

¹ e.voytishchek@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

² t.van14@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9079-0148>

Abstract

This article focuses on the activities and religious practices of the Jile Temple (Temple of Bliss) in Harbin; one of the largest and most respected in northeast China. Harbin, founded in 1898 by Russian railway engineers in connection with the construction of the Chinese Eastern Railway, brings together different ethnic and religious cultures. This study provides a brief historical overview of the activities of the temple, which played a major role in the development of Buddhism in the context of multicultural ideological and political trends in the first decades of the 20th century. The most important temple practices and celebrations are analyzed alongside the review of cultural heritage sources. Special attention is paid to the analysis of traditional rituals that take place as part of the celebration of Buddha's birthday in the fourth month of the lunar calendar. Based on the analysis of written sources and the use of ethnographic materials, including conversations with monks and laymen of the Jile Temple, the main stages and features of the ritual of washing the Buddha statue are highlighted, where manipulation of incense plays an important role. Closely linked to the history and evolution of Buddhism, religious events and rituals continue to have a profound influence on the traditions and culture of modern society.

Keywords

China, Harbin, Jile Buddhist Temple, Temple of Bliss, religious practices with incense

For citation

Voytishchek E. E., Wang Ting. Jile Buddhist Temple in Harbin, Its History and Contemporary Religious Practices. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 128–138. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-128-138

Введение

Северо-Восточный Китай, или географический район Дунбэй (東北), граничащий с Россией на севере и востоке, включает восточную часть автономного района Внутренняя Монголия и три провинции КНР – Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин¹. Исторически эта территория входила в состав Маньчжурии, где на протяжении многих веков проживало несколько народов, тесно взаимодействующих между собой, – маньчжуры, монголы, китайцы, русские и др. Народы, проживающие в этом регионе, оказались тесно связаны между собой исторически, экономически и культурно. Оставляя в стороне военные и политические конфликты, эпохальную историю строительства и эксплуатации Китайской восточной железной дороги (КВЖД) и геополитические интересы Российской империи в Северо-Восточном Китае во второй половине XIX – первой половине XX в., оказавшемся в центре многих событий турбулентного периода в истории стран Дальнего Востока², сосредоточимся на истории и деятельности одного примечательного буддийского комплекса. Если смотреть на географическую карту Китая, то крупнейшие буддийские храмы Дунбэя, относящиеся к ханьской традиции, расположены почти по одной линии железной дороги, ведущей от Харбина через

¹ По-китайски сокращенно 黑吉辽 – Хэй Цзи Ляо, т. е. Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин.

² О строительстве и функционировании КВЖД, об усилиях советской дипломатии, вооруженных и дипломатических конфликтах на северо-востоке Китая в 20–30-е гг. XX в. см., например, фундаментальные труды отца и сына Крюковых [Крюков В. М., Крюков М. В., 2015; 2017].

Чанчунь, Шэньян и Инкоу к выходу в Ляодунский залив, что видится далеко не случайным – именно эти города были эпицентром драматических событий 100–120 лет назад.

Внимание в данной статье сосредоточено на деятельности и культовых практиках буддийского храма Цзилэсы в Харбине, городе с непростой историей, который объединяет различные этнические и религиозные культуры. Это один из нескольких городов Китая, где мирно сосуществуют буддизм, даосизм, католицизм, ислам и православие. Уникальная история Харбина сформировала особую атмосферу и стиль городской архитектуры, который отличается множеством строений религиозного характера. Так, среди самых знаменитых церквей можно упомянуть Харбинский собор Святой Софии (哈尔滨圣索菲亚大教堂), собор Святого Николая (圣尼古拉大教堂), церковь Хранительницы Богоматери (圣母守护教堂), построенный в готическом стиле католический храм (костел) Св. Николая (尼埃拉依教堂) и церковь Пресвятой Богородицы (圣母教堂). Знаменитыми нехристианскими храмами являются храм Цзилэсы (极乐寺), храм Хуаяньсы (华严寺), храм Пучжаосы (普照寺), мечеть Ачэн (阿城清真寺), Харбинская соборная мечеть (道外清真寺), храм Баошэнсы (宝胜寺), храм Бодхисаттвы Гуаньинь (观音寺), храм Чаньцзинсы (禅经寺), храм Цюньсы (慈云寺), женский монастырь Саньгуаньань (三光庵), храм Чистой земли (净土寺) и др.³

Храм Цзилэсы: история создания и социальная деятельность

Харбинский храм Цзилэсы (哈尔滨极乐寺 Храм Блаженства) – один из четырех самых известных буддийских монастырей в трех северо-восточных провинциях Китая, наравне с храмом Божэсы (长春般若寺 Храм Праджня, мудрости и прозрения) в Чанчуне, храмом Цыэньсы (沈阳慈恩寺 Храм сострадания и милосердия) в Шэньяне и храмом Лэньяньсы (营口楞严寺 Храм Шурангама, или Преодолевающего все препятствия) в Инкоу.

Храм Цзилэсы⁴ расположен в районе Наньган города Харбин в провинции Хэйлунцзян. Построенный в 1923 г., в настоящее время он считается одним из крупнейших храмовых комплексов Северо-Восточного Китая. Он занимает территорию в 53 500 кв. м, площадь застройки зданиями различного назначения составляет 3 000 кв. м. Вся территория храма разделена на четыре части: главный двор, восточный и западный дворы и двор с башней. В 1981 г. он был внесен в список важных культурных объектов провинции Хэйлунцзян. В апреле 1983 г. Государственный совет КНР определил его в числе наиболее значимых буддийских монастырей народности хань⁵.

История создания храма связана с несколькими ключевыми фигурами в истории функционирования КВЖД – генералом Чжу Цзыцяо (朱子桥, 1874–1941), возглавлявшим ведомство по ее охране в 1922–1925 гг., и Чэнь Фэйцином (陈飞青), осуществлявшим инспекцию железнодорожного ведомства Харбина в 1921–1931 гг. Их близкое знакомство со знаменитым буддийским наставником Таньсюй-даши (倓虚大师, 1875–1963)⁶, а также увлечение

³ См. [Ван Чжаньин, 1988].

⁴ Название (в традиционном написании 極樂寺) можно перевести как Храм Блаженства, Храм Высшей радости.

⁵ См.: Представляем Храм Цзилэсы [极乐寺简介] // Сайт Храма Цзилэсы. URL: <http://www.hrbjls.net/> (дата обращения 20.10.2023).

⁶ Наставник Таньсюй-даши был преемником школы Тяньтай (天台宗) в 44-м поколении, он внес большой вклад в развитие буддийского образования и строительство храмов в Китае, был первым настоятелем храма Цзилэсы и возглавлял его в течение шести лет. См.: Электронная китайская энциклопедия Байду Байкэ. URL: https://baike.baidu.com/item/倓虚法师/3138717?fr=ge_al (дата обращения 14.01.2024).

идеями школы Чистой земли (淨土宗 *Цзинту-цзун*) предрешили строительство храма Цзилэсы [Сунь Сюэфэн, 2008, с. 83–84] ⁷.

В 20-е гг. настоятели и священнослужители храма тесно взаимодействовали с Харбинской буддийской ассоциацией, организовывали школы при храме, по приглашению японских буддистов участвовали в мероприятиях Буддийской федерации Восточной Азии в Токио. Однако после Мукденского инцидента в сентябре 1931 г., связанного с подрывом японцами железной дороги около Мукдена (в наст. вр. Шэньян) и последующим наступлением Квантунской армии, руководство храма заняло антияпонскую позицию. Настоятели и наставники храма Цзилэ занимались активной проповеднической деятельностью среди прихожан, время от времени выезжая в другие храмы (например, в храм Лэньяньсы в Инкоу) ⁸.

В 30–40-е гг. авторитет храма Цзилэсы только укреплялся – руководство храма принимало участие в церемониях почитания цинского буддийского собрания Трипитака в Пекине, настоятель храма стал возглавлять буддийскую ассоциацию прояпонского государства Маньчжоу-го. В 1939 г. по решению правительства Маньчжоу-го на территории храма было построено здание для хранения сутр и возведена 30-метровая семиуровневая священная пагода.

С середины 50-х гг. XX в. религиозная община Харбина и руководство храма Цзилэ занимали последовательную антивоенную позицию, резко осуждая действия США в Корее и агрессивную американскую политику в Японии. Однако в трагическое для Китая десятилетие «культурной революции» храм Цзилэсы сам оказался в эпицентре драматических событий – в 1966 г. он был разрушен и разорен отрядами хунвэйбинов. Часть священных писаний из коллекции храма уцелела только благодаря героическим усилиям оставшихся монахов и ряда городских чиновников, включая руководство Харбинской библиотеки ⁹.

С конца 70-х гг. храм начали восстанавливать, и в 1983 г. он был официально открыт. Постепенно в него вернулись монахи, и вскоре храм Цзилэсы возобновил обычную религиозную деятельность. В конце 80-х гг. на территории храма открыли женский монастырь, восстановили разрушенную ранее восьмиугольную семиуровневую пагоду. В настоящее время седьмым настоятелем храма назначен «учитель закона» Цзинбо-фаши (静波法師, род. в 1963 г.) ¹⁰.

Архитектура и культурное наследие храма

Основные здания храмового комплекса Цзилэсы – Горные ворота (山门), Павильон Небесного владыки (天王殿 *Тяньван дянь*), Павильон Великого героя (大雄殿 *Дасюн дянь*), по-

⁷ Сохранились мемуары наставника Тяньсюя, где он упоминает обстоятельства основания храма. Приведем фрагмент этих записок: «Харбин расположен на северо-востоке Китая, на южном берегу реки Сунгари. Сначала это была очень пустынная местность. После завершения строительства КВЖД город стал крупным торговым узлом, быстро расцвел, в нем появилось много иностранных товаров. В первые годы Китайской Республики здесь были в чести разные религии. Прискорбно, что хотя Харбин находится в Китае, здесь нет ни одного приличного китайского буддийского храма. В 1921 г. мирянин Чэнь Фэйцин служил директором инспекции КВЖД в Харбине. Он родом из провинции Цзянсу, глубоко верит в буддизм. На КВЖД один из начальников – китаец, а другой русский. Чэнь видел, что русские придерживаются греческой веры, другие верят в ламаизм. Сотрудники различных агентств, веровавшие кто во что, все что-то строили в Харбине, так было построено три или четыре храма, профинансированные железнодорожным управлением. Чэнь считает, что Харбин – это китайский город, и то, что здесь нет официального китайского храма, выглядит просто неприлично с международной точки зрения. Это просто позор! Поэтому он решил построить большой храм» [Тяньсуй фаши, 2003, с. 26].

⁸ См.: Наставник Тяньсюй [倭虚法師]. Сайт знакомства со знаменитостями. URL: <https://www.gerenjianli.com/Mingren/44/osei060gg6.html> (дата обращения 19.10.2023).

⁹ См.: История храма Цзилэсы [极乐寺历史]. Сайт Храма Цзилэсы. URL: <http://www.hrbjls.net/> (дата обращения 20.10.2023).

¹⁰ См.: Представляем Храм Цзилэсы [极乐寺简介]. Сайт Храма Цзилэсы. URL: <http://www.hrbjls.net/> (дата обращения 20.10.2023).

священный Будде Майтрея, и Павильон Трех святых (三圣殿 *Саньшэн дянь*) – расположены на центральной оси (см. рисунок, 1, 2). Горные ворота имеют арочную форму, за ними сразу словно вырастают колокольная (钟楼 *чжун лоу*) на востоке и барабанная башня (鼓楼 *гу лоу*) на западе. На вершину башни ведет специальная лестница, стены которой по обе стороны расписаны яркими иллюстрациями на буддийские сюжеты. Рельефы драконов, фениксов, львов, журавлей под карнизами павильонов и башни отличаются пышностью и изяществом формы. За Павильоном Трех святых находится Павильон священных писаний (藏经楼 *Цанцзин лоу*).

Храм Цзилэсы в Харбине:

- 1 – главные ворота; 2 – павильон Великого Героя (павильон Будды Майтрея);
3 – павильон Беспредельных Мечтаний; 4 – курильница-башня (Ароматная башня).

Все фото сделаны Ван Тин

Jile Temple in Harbin:

- 1 – Main Gate; 2 – Great Hero Pavilion (Maitreya Buddha Pavilion);
3 – Pavilion of Limitless Dreams; 4 – Tower Incense Burner (Fragrance Tower).

All photos courtesy of Wang Ting

В Павильоне священных писаний хранятся редчайшие реликвии буддийского наследия, среди которых самая ценная – ксилографическое издание свода сутр канона Махаяны (так называемый Канон Дракона – 龍藏 *Лун цзан*), чудом уцелевшее во время разгула хунвэйбинов в период «культурной революции». Издание считается чрезвычайно редким – его крупные иероглифы были вырезаны в периоды правления двух императоров – Юньчжэна и Цянь-

луна, с 1733 по 1738 г. В коллекции храма находятся также такие ценные издания, как «Пинга Трипитака» (频伽大藏经) 1910 г. в 1916-ти частях, которые пронумерованы в соответствии со знаками знаменитого учебного текста «Тысячесловие» (千字文 *Цянь цзы вэнь*), составленного в VI в.; сборник сутр «Продолжение буддийского канона» (续藏经 *Сюйцзаницзин*) 1923 г.; фотокопия «Буддийского канона Пески и Камни» (磧砂藏经 *Циша цзаницзин*) династии Сун, созданная монахами двух храмов в г. Сиань в 1936 г.; и, наконец, свод сутр «Тайсё, новая редакция Трипитаки» (大正新修大藏经 *Дачжэнь синьсю дацзаницзин*), вышедший в Шанхае в 1934 г. и переизданный на Тайване в 1980 г.)¹¹.

Храмовые скульптуры тоже носят черты традиционного стиля – в павильонах можно видеть статуи Будды, его десяти учеников во главе с Кашьяпой и Анандой, статуи бодхисаттвы Авалокитешвара (кит. Гуаньинь), Самантабhadра (кит. Пусянь), Амитабхи (кит. Амитофо) и Манджушри (кит. Вэньшу), архатов и мудрецов, выдающихся монахов и святых прошлых веков. Все здания храма Цзилэсы выглядят элегантно и строго, сохраняя стиль и характерные черты китайской храмовой архитектуры (см. рисунок, 3, 4).

Храмовые праздники и церемонии

Ежегодно в 8-й день (День рождения Будды), 18-й и 28-й дни (празднование Дня Будды – 庆佛日 *цин фо жи*)¹² 4-го лунного месяца в храме Цзилэсы проводятся грандиозные храмовые праздники и ярмарки (庙会 *мяохуэй*). Кроме того, пышные празднования проходят и в дни почитания бодхисаттв, в 1-й и 15-й дни лунного месяца, а также в обычные китайские календарные праздники – например, во время ежегодного Праздника фонарей (см. [Ван Байсун, 2013, с. 27, 37]).

Особой пышностью отличается празднование Дня рождения Будды, который приходится на 8-й день 4-го лунного месяца¹³ и почитается как день рождения Будды Шакьямуни. Согласно легенде, когда родился Будда, «земля сотряслась, небо пролилось благоуханием цветов, девять драконов извергли из пасти воду и омыли принца» (大地震动, 天雨花香, 九龙吐水, 沐浴太子)¹⁴. С тех пор ученики и последователи Будды как дань традиции собираются в день его рождения вместе для церемонии орошения статуй Будды ароматной водой. Повсюду в буддийских храмах проводятся обряды омовения статуи Будды (浴佛法会 *юйфо фахуэй*), различные религиозные ритуалы, включая чтение священных писаний (诵经 *тун цзин*) и воскурение благовоний (拈香 *няньсян*).

Особым почетом в этот день пользуется «Сутра заслуг и добродетелей в день рождения Будды» (浴佛功德经 *Юйфо гундэ цзин*), которую декламируют священнослужители. Прихожанам рассказывают о путях преодоления искушений, избавления от болезней и страданий, о прославлении Будды в честь его заслуг, о способах подношений Будде и исправлении

¹¹ См.: Сайт храма Цзилэсы. URL: <https://www.hrbjls.net/html/siyuangaikuang.html>, а также: Харбинский храм Цзилэсы, первый из четырех главных буддийских храмов на северо-востоке Китая [东北四大佛寺之首——哈尔滨极乐寺]. Сайт Фэнхуан. URL: https://fo.ifeng.com/special/fomendabainian/lifozhinan/detail_2011_01/25/4441391_0.shtml (дата обращения 15.01.2024).

¹² 18-е и 28-е число каждого лунного месяца – священные числа даосизма, символизирующие рождение святых и небожителей. Поэтому там, где нет или мало даосских храмов, верующие часто приходят в буддийские храмы для совершения обрядов – неслучайно в Харбине популярна поговорка «Буддизм и даосизм не разделяют дома» (佛道不分家 *Фо дао бу фэнь цзя*), что говорит об общности ритуально-обрядовой деятельности даосов и буддистов в современном Китае.

¹³ Обычно этот день по григорианскому календарю выпадает на середину мая.

¹⁴ См.: Сайт Буддийской Академии Китая [中国佛学院隆重举行纪念释迦佛圣诞浴佛法会]. Буддийская Академия Китая провела торжественную церемонию омовения статуи Будды в честь рождения Будды Шакьямуни. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzI4NTE3NDY1OA==&mid=2654262343&idx=1&sn=258a932c6dad51021d6c4cfd4c56992f&chksm=f0304aac747c3bc1239a8647371db2581f89249d87aa9bf8163cc95ad0a784e3d87c4c0c80f&scene=27 (дата обращения 17.01.2024).

своей кармы с целью выхода из сансары, мучительного круга перерождений¹⁵. Прихожане верят, что, если в этот день пойти в храм, зажечь благовония и помолиться о благословении Будды, можно обрести удачу, избавиться от болезней и всевозможных бедствий. Поэтому во время празднования Дня рождения Будды тысячи буддистов приходят в храмы, чтобы принять участие в мероприятиях. Праздник омовения Будды (浴佛节 Юйфо цзе) превратился к настоящему времени в грандиозный народный фестиваль.

Праздник омовения Будды имеет долгую историю в Китае. В зависимости от религиозных направлений и школ буддизма его отмечают в разное время. Так, в южном буддизме, а также в монгольской и тибетской традиции празднование дня рождения Будды отмечают в 15-й день 4-го лунного месяца, также почитая его как день просветления Будды и ухода его в нирвану. В ханьской традиции со времени Южных и Северных династий (420–589) его отмечали в 8-й день 4-го лунного месяца, в эпохи Суй и Тан (581–907) он в основном проводился в 8-й день 2-го лунного месяца. В конце концов со времени династии Юань (1279–1368) проведение этого праздника закрепилось за 8-м днем 4-го лунного месяца¹⁶.

Основные правила проведения этого праздника зафиксированы в средневековых памятниках буддийской традиции. Разработку четких правил проведения всех этапов этого мероприятия связывают с именем легендарной личности эпохи Тан – с чаньским наставником Байчжан Хуайхаем (百丈怀海, 720–814), жившим в период правления китайского императора Сюань-цзуна (685–762, годы правления 712–756). С того времени было создано полтора десятка новых версий по усовершенствованию всего церемониала, но в период династии Юань, между 1335 и 1340 гг., по специальному императорскому указу оригинальный текст Байчжан Хуайхая был восстановлен и переработан наставником по имени Дэхуэй (德辉), возглавлявшим с 1329 г. храм Байчжан. С тех пор праздник проводят в рамках стандартизованного формата¹⁷.

В цз. 2 «Рождение Будды» (佛降诞) главы «Вознесение благодарности наставнику Байчжану» упомянутого указа эпохи Юань (敕修百丈清规·报本章) четко сформулированы правила ритуала:

В 8-й день 4-го месяца Ку Сянь установил цветочный павильон со статуей Новорожденного Будды в центре, поставил статую в миску с душистой горячей водой (香汤 сянтан) и вылил туда два небольших черпака воды. Разложив подношения перед Буддой, настоятель направился в зал, чтобы возжечь курения. Он произнес такую речь: «В день рождения Будды, настоятель одного храма... возжиг драгоценные курения, почтил старшего монаха наставника Шакьямуни Татхагаты и поблагодарил за покровительство. Есть надежда, что все существа в царстве Дхармы будут молиться за то, чтобы Будда снизошел к нам в этот мир». После окончания молитвы настоятель повел толпу в храм и встал на колени перед Буддой. Настоятель трижды совершил поклоны с благовониями... Настоятель преклонил колени перед курильницей. Помощник настоятеля обратился к Будде: «Луна освещает небо, ее тень отражается в воде. Когда Будда появился, он, как луна, осветил всю воду в мире, всех объял своим покровительством¹⁸. Когда Будда появился в мире с белыми волосами, он разрушил невежество трех миров¹⁹ и сподвиг живых существ преодолеть все преграды на пути к просветлению». Чтение молитвы закончено, все поют славу на омовение статуи Будды²⁰.

¹⁵ Текст Сутры см. на портале Фолюйван [佛旅网 China84000.com]. URL: <http://www.china84000.com/89675.html> (дата обращения 16.01.2024).

¹⁶ См.: День Рождения Будды [佛诞节]. Электронная китайская энциклопедия Байду Байкэ. URL: <https://www.zgbk.com/ecph/words?SiteID=1&Name=%E4%BD%9B%E8%AF%9E%E8%8A%82&Type=bkzyb&subSourceType=000003000001000002&SourceID=122670> (дата обращения 18.01.2024).

¹⁷ См.: Электронная китайская энциклопедия Байду Байкэ. «Указ об исправлении правил Байчжана» [敕修百丈清规]. URL: https://baike.baidu.com/item/敕修百丈清规/7022223?fr=ge_al (дата обращения 19.01.2024).

¹⁸ Букв. «словно каждый сидит на цветке лотоса» (各坐一华 э цзо и хуа).

¹⁹ Имеются в виду мир желаний, многоцветный мир и бесцветный мир.

²⁰ См.: Дэхуэй. Чисю Байчжан цингуй [得辉. 敕修百丈清规]. Указ об исправлении Правил Байчжана // Собрание буддийских текстов Тайсё [大正藏第四十八册], [绍兴山阴延福寺比丘刻本], т. 48. 1336. URL: <http://ab.newdu.com/book/ms322340.html> (дата обращения 17.01.2024).

С наступлением эпох Мин и Цин (1368–1911) ритуалы омовения Будды в храмах Китая проходили в целом в соответствии с вышеописанным церемониалом, хотя иногда допускались незначительные расхождения. Что касается храма Цзилэсы в Харбине, ритуал омовения статуи Будды там почти идентичен вышеприведенному описанию. Праздник Дня рождения Будды проходит в течение двух дней: ворота храма Цзилэсы открыты днем и ночью в 7-й день и днем в 8-й день 4-го лунного месяца, а сама церемония проводится с двух до трех часов ночи. За два праздничных дня в храм приходят десятки тысяч людей, чтобы возжечь благовония и поклониться Будде.

Храмовая церемония празднования Дня рождения Будды в храме Цзилэсы обычно включает следующие этапы.

1. Почтительная встреча статуи Будды (恭迎佛像 *гунъин фосян*). В день праздника статую Будды выносят из Павильона священных писаний (藏经楼) и устанавливают в зале центрального Павильона Великого героя (大雄宝殿). Главные монахи дхармы подносят благовония, выставляют утварь и трижды совершают богослужение, а публика вместе воздаст хвалу Будде.

2. Церемония воскурения благовоний по случаю выноса статуи Будды в храмовый зал (安座 на *ань цзо шан сян*). Колокола и барабаны Главного зала звучат в унисон, главный монах помещает статую Будды в золотую чашу, воскуряет благовония, помещает на алтарь весь инструментарий и произносит перед Буддой три или девять молитв.

3. Освящение вокруг Будды (祝圣绕佛 *чжу шэн жао фо*). Главный монах под звук колокольчика трижды совершает поклоны, сопровождая их молитвами, и произносит хвалебные речи в адрес Будды.

4. Обращение обретенной благодати на паству и преобразование прихожан в благоговейных почитателей вероучения (回向皈依 *хуэйсян гуйи*). Прихожане вместе с наставниками ходят вокруг статуи Будды, декламируя религиозные гимны и песнопения.

5. Омовение Будды (浴佛 *юйфо*). Храм заранее окропляют и очищают, зажигают благовония и светильники. Главный монах помещает бронзовую статую Будды в воду, зачерпывает специальными черпаками душистую воду с лепестками и выливает на статую. Это и означает «искупать статую».

После завершения ритуала омовения Будды люди спешат за этой водой, поскольку верят, что вода, использованная для омовения Будды, может излечивать болезни и исполнять их желания. Фактически это форма благословения для мирян.

Помимо вышеуказанных церемоний при храмах ранее существовали и другие ритуалы, которые, исчезнув из монастырского обихода, впоследствии закрепились в народной традиции. К ним относятся, к примеру, такие обычаи, как ритуалы очищения и воздержания (斋会 *чжайхуэй*), во время которых миряне приглашаются к участию в собрании монахов в День рождения Будды, чтобы читать буддийские писания, совершать жертвоприношения храму и поститься; ритуалы «соединения судеб» (结缘 *цзеюань*), т. е. обращение в буддизм, когда прихожане молятся о счастливой судьбе в загробной жизни, готовят зеленую фасоль и угощают других²¹. К числу популярных обрядовых практик относятся также ритуальное отпущение животных и птиц на свободу; поклонение женщин бодхисаттве Гуаньинь и богине Суншэн Нянян (送生娘娘) с мольбами о рождении детей²² и проч.

Очень важную роль при проведении народных обрядов и храмовых ритуалов играют благовония, использование которых тоже подчинено определенным правилам. В храме Цзилэсы рекомендуется соблюдать следующий порядок²³.

²¹ Это называется «вкушать фасоль судьбы» (吃缘豆 *чи юаньдоу*).

²² С этой целью женщины изготавливают глиняные куклы (拴娃娃 *шуань вава*) и обвязывают их шеи красными лентами. Некоторые истово пьют ароматную воду после церемонии омовения статуи Будды.

²³ Для мирян ворота храма открыты с 5 часов утра. В 15.30 начинаются регулярные занятия по чтению и изучению сутр. Монахам без разрешения храма запрещено выходить на улицу или путешествовать.

Прежде всего прихожане готовят подношение в виде ароматических палочек и свечей (предпочтительнее использовать натуральные растительные благовония)²⁴. Далее верующие должны почтительно положить приготовленные подношения перед статуей Будды и выразить ему свое уважение; затем следует поджечь благовония, трижды обнести ими по часовой стрелке свои подношения или изображение Будды и уже тогда поместить их на подставки или поставить в курильницы. Благодетельная церемония преподнесения благовоний подразумевает также специальные жесты: последователям буддийского вероучения следует поднять ароматические палочки на высоту лба, закрыть глаза и загадать желание, а затем поклониться три раза статуе Будды или святилищу, чтобы выразить уважение и благодарность²⁵.

Предложив благовония, надо встать перед статуей Будды, сложить ладони вместе и выразить почтение Будде, сказав про себя: «Я надеюсь, что мое желание вместе с благовониями достигнет храма Трех сокровищ, будет доставлено Будде, молюсь о великой милости, о счастье для всех живых существ» (愿此香华云, 直达三宝所, 恳求大慈悲, 施与众生乐)²⁶.

Обычно в храмах приветствуется длительная медитация или молитва. Верующие обычно возносят свои молитвы в процессе воскурения благовоний, испрашивая у божеств благословения, долголетия и благополучия. При этом, как правило, при подношении Будде используются три ароматические палочки: первую следует поставить посередине (供养佛 *гунъян фо* – «подношение Будде»), вторую установить справа (供养法 *гунъян фа* – «подношение истинному Учению (Дхарме)»), третью поместить слева (供养僧 *гунъян сэн* – «подношение монашеской общине (Сангха)»). Одновременно с этим допускается молиться за истинные принципы и благополучие людей: первая палочка символизирует «подношение во имя Трех Драгоценностей во всех десяти сторонах света» (供养十方三宝 *гунъян шифан саньбао*), вторая палочка – здоровье родителей и наставников (供养父母师长 *гунъян фуму шичжан*), третья палочка – всех живых существ (供养一切众生 *гунъян ице чжуншэн*)²⁷. Одновременно с этим буддийский церемониал подразумевает также определенное число строгих запретов и ограничений, связанных с качеством и размером палочек, порядком их утилизации, уходом за курильницами, правилами воскурения благовоний и т. д. [Войтишек, 2023, с. 130–132].

²⁴ Возжигать благовония разрешено только в определенном месте. При использовании длинных благовонных свечей из сандалового дерева следует держать две свечи большим и указательным пальцами обеих рук. Раскрыв и выпрямив средний палец, безымянный палец и мизинец, следует поднять руки в таком положении до уровня бровей и потом поместить палочки в курильницу. При этом первую сандаловую палочку надо взять левой рукой и передать ее в правую руку и затем уже поместить в курильницу. Далее правой рукой надо взять вторую палочку и передать ее в левую руку и поставить в курильницу. При этом не имеет значения количество подношений, четное или нечетное их число, главное их делать с чистым и искренним сердцем. Материалы беседы Ван Тин с мирянином Хунчжи в гостевом зале храма Цзилэсы, январь 2024 г.

²⁵ См.: При совершении подношения благовоний Будде обратите внимание на свою позу [礼佛上香, 姿势请注意]. Информационный китайский портал Соху. URL: <https://www.sohu.com> (дата обращения 20.10.2023).

²⁶ В крайнем случае можно сказать просто: «Следуйте прямо к месту пребывания Будды!» (直达诸佛所). Материалы беседы Ван Тин с мирянином Хунчжи в гостевом зале храма Цзилэсы, январь 2024 г.

²⁷ Как варианты в храме Цзилэсы практикуется еще несколько способов. Так, сначала следует поставить правую палочку и сказать: «Клянусь отречься от всякого зла» (誓断一切恶 *Шидауань ице э*). Потом надо поставить палочку слева и сказать: «Обещаю совершать только добрые дела» (誓修一切善 *Шисю ице шан*). Наконец, поставив палочку в центре, надо произнести: «Даю обет спасти все живые существа» (誓度一切众生 *Шидау ице чжуншэн*). Кроме этого, есть еще способ преподнесения благовоний божествам. Ставя первую палочку посередине, надо сказать: «Подношу Будде, достигну просветления, не впаду в заблуждение» (供养佛, 觉而不迷 *Гунъян фо, цзюэ эр бу ми*). Ставя вторую палочку справа, надо сказать: «Подношу истинной Дхарме, праведной и не злой» (供养法, 正而不邪 *Гунъян фа, чжэн эр бу сэ*). Ставя третью палочку слева, следует произнести: «Подношу монашеской общине, будьте чистыми и незапятнанными» (供养僧, 净而不染 *Гунъян сэн, цзин эр бу жань*). Материалы беседы Ван Тин с мирянином Хунчжи в гостевом зале храма Цзилэсы, январь 2024 г.

Заключение

Различные культовые мероприятия и ритуалы играют важную роль в религиозной практике буддизма. Будучи тесно связаны с историей и эволюцией буддийского учения, они продолжают оказывать глубокое влияние на традиции и культуру современного общества. Говоря о практическом значении буддийских ритуалов в современном обществе, можно отметить, что они способствуют стабилизации духовного и эмоционального состояния людей, оказывают положительное влияние на поддержание социальной гармонии в целом. Буддийские ритуалы выявляют и подчеркивают непреходящие этические и моральные ценности – сострадание, доброту и великодушие, они во многом способствуют нравственному воспитанию человека, дают моральные ориентиры обществу.

Велика роль культовых практик также и в вопросах сохранения и развития национальных традиций: в полиэтничном обществе эти ритуалы способствуют взаимопониманию между различными культурами, а также расширению взаимодействия в вопросах религиозного и культурного обмена. Нельзя игнорировать их потенциал в установлении и укреплении социальных связей и благотворительности: буддийские ритуалы обычно подчеркивают альтруистические стремления и заботу о других. Это может быть использовано для мотивации верующих к активному участию в жизни общества и в благотворительной деятельности.

Это в полной мере касается Харбинского храма Цзилэсы, который по-прежнему играет важную роль в социальной жизни северо-востока Китая. Он удостоен различных наград за духовное подвижничество и вклад в развитие культурного наследия провинции Хэйлунцзян. В августе 2023 г. городское народное правительство Харбина опубликовало законопроект «О планировании охраны историко-культурного облика храма Цзилэсы»²⁸, который направлен на всестороннюю защиту уникального стиля района, на раскрытие его потенциальных преимуществ в создании специальной «зоны культурного туризма» (极乐寺文化旅游区) в Харбине.

Помимо своих социальных функций, храм Цзилэсы занимается просветительской деятельностью, будучи тесно связанным с Харбинской буддийской академией (哈尔滨佛学院 Харбин фосюэюань)²⁹. Академия является религиозным учебным заведением, непосредственно подчиняющимся Китайской буддийской ассоциации. В ее стенах изучают буддизм, религиоведение, традиционную китайскую культуру, философию Китая и Запада, психологию и другие дисциплины, способствующие распространению и изучению буддийской культуры во всем мире.

Список литературы

- Войтишек Е. Э. Путь аромата. Ароматическая культура Китая. М.: ИВ РАН, 2023. 316 с., илл. 40 с.
- Крюков В. М., Крюков М. В. Весна и осень революционной дипломатии: В 2 т. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1. 615 с.; Т. 2. 602 с.
- Крюков В. М., Крюков М. В. КВЖД 1929: Взрыв и эхо. М.: ИВ РАН, 2017. 624 с.
- Ван Байсун. Маньтань Цзилэсы мяо хуэй [王柏松. 漫谈极乐寺庙会]. Заметки о праздниках в Храме Блаженства // Хэйлунцзян шичжи [黑龙江史志]. 2013. № 4. С. 23–37. (на кит. яз.)

²⁸ См.: План охраны исторического и культурного облика храма Цзилэсы [极乐寺历史文化街区保护规划]. Сайт городского народного правительства Харбина. URL: https://www.harbin.gov.cn/haerbin/c106500/202308/c01_914511.shtml (дата обращения 22.10.2023).

²⁹ Ранее – Харбинская буддийская академия храма Цзилэ (哈尔滨市极乐寺佛学院), которая была основана в 1924 г.

- Ван Чжаньин.** Хэйлунцзян фоцзяо шэнди [王占英. 黑龙江佛教胜地——极乐寺]. Буддийская достопримечательность провинции Хэйлунцзян – храм Цзилэ // Фаинь [法音]. 1988. № 4. С. 37–38. (на кит. яз.) DOI 10.16805/j.cnki.11-1671/b.1988.04.014
- Сунь Сюэфэн.** Тансюй юй цзиньдай чжунго дунбэй фоцзяо [孙雪峰. 倓虚与近代中国东北佛教]. Тансюй и буддизм в Северо-Восточном Китае в наше время // Миньин кэчжи [民营科技]. 2008. № 3. С. 83–84. (на кит. яз.)
- Таньсюй фаши.** Ин чэнь хуэйилу [倓虚法师. 影尘回忆录]. Мемуары Тени мирской суеты. Харбин: Цзунцзяо вэньхуа чубаньшэ, 2003. 319 с. (на кит. яз.)

References

- Kryukov V. M., Kryukov M. V.** Spring and autumn of revolutionary diplomacy. In 2 vols. Moscow, IOS RAS, 2015, vol. 1, 615 p.; vol. 2, 602 p. (in Russ.)
- Kryukov V. M., Kryukov M. V.** Chinese Eastern Railway 1929: Explosion and Echo. Moscow, IOS RAS, 2017, 624 p. (in Russ.)
- Sun Xuefeng.** Tangxu yu jindai zhongguo dongbei fojiao [孙雪峰. 倓虚与近代中国东北佛教]. Tangxu and Buddhism in Northeast China in our time. *Minying keji* [民营科技], 2008, no. 3, pp. 83–84. (in Chin.)
- Tanxu fashi.** Ying chen huiyilu [倓虚法师. 影尘回忆录]. Memoirs of the Shadows of Worldly Vanity. Harbin: Zongjiao wenhua chubanshe, 2003. 319 p. (in Chin.)
- Voytishek E. E.** The Path of Aroma. Incense culture of China. Moscow, IOS RAS, 2023, 316 p., ill. 40 p. (in Russ.)
- Wang Baisong.** Mantan Jilesi miao hui [王柏松. 漫谈极乐寺庙会]. Notes on holidays in the Temple of Jile. *Heilongjiang shizhi* [黑龙江史志], 2013, no. 4, pp. 23–37. (in Chin.)
- Wang Zhanying.** Heilongjiang fojiao shendi [王占英. 黑龙江佛教胜地——极乐寺]. Buddhist landmark of Heilongjiang province – Jile Temple. *Fayin* [法音], 1988, no. 4, pp. 37–38. (in Chin.) DOI 10.16805/j.cnki.11-1671/b.1988.04.014

Информация об авторах

Елена Эдмундовна Войтишек, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 25931793000
WoS Researcher ID R-3936-2016
RSCI Author ID 140290
SPIN 7927-4952
Ван Тин, аспирант

Information about the Authors

Elena E. Voytishek, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 25931793000
WoS Researcher ID R-3936-2016
RSCI Author ID 140290
SPIN 7927-4952
Wang Ting, Postgraduate Student

Статья поступила в редакцию 07.02.2024;
одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted on 07.02.2024;
approved after review on 09.02.2024; accepted for publication on 10.02.2024

Обзорная статья

УДК 378.4

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-139-150

An Overview of Study of Foreigners in China During the 40 Years of Reforms Period (1978–2018)

Ouyang Meihe

Shanghai University of Political Science and Law
Shanghai, China

henry_ouyang20076@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-4875-2805>

Abstract

This article examines the processes of Study of foreigners in China during the period from 1978 to 2018 historically and comparatively. The achievements of Study of foreigners in China during this time mainly manifested in four aspects, with four weaknesses present. The major characteristics of Study of foreigners in China are shown in the overall scale, degree education and the number of self-funded students. The review of the policy documents related to Study of foreigners in China during the 40 years especially help to better understand the development of Study of foreigners in China. The resulting conclusion of this study shows that it is necessary to upgrade the quality and efficiency of Study of foreigners in China for better competitiveness of Chinese education in the world.

Keywords

study in China, reform and opening up, internationalization of education, education quality, education competitiveness

For citation

Ouyang Meihe. An Overview of Study of Foreigners in China during the 40 Years of Reforms Period (1978–2018). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 139–150. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-139-150

Обзор обучения иностранцев в Китае в период 40 лет реформ (1978–2018)

Оуян Мэйхэ

Шанхайский политико-юридический университет
Шанхай, Китай

henry_ouyang20076@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-4875-2805>

Аннотация

Рассматриваются процессы обучения иностранцев в Китае в течение 40 лет (с 1978 по 2018 г.) в историческом и сравнительном плане. Было обнаружено, что достижения в области обучения иностранцев в Китае в указанный период в основном проявлялись в четырех аспектах. Основные характеристики обучения иностранцев в Китае отражены в общем его масштабе, ученой степени образования и количестве студентов, которые учатся за свой счет. В частности обзор документов, касающихся обучения иностранцев в Китае за последние 40 лет, помогает иностранцам лучше понять тенденцию развития образования в Китае. Автор статьи считает необходимым повышение качества и эффективности обучения иностранцев в Китае для улучшения конкурентоспособности китайского образования в мире.

© Ouyang Meihe, 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 139–150
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 139–150

Ключевые слова

обучение в Китае, политика «реформ и открытости», интернационализация образования, качество образования, конкурентоспособность образования

Для цитирования

Ouyang Meihe. An Overview of Study of Foreigners in China during the 40 Years of Reforms Period (1978–2018) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 139–150. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-139-150

Introduction

The year 1978 was a very special moment in the history of New China when the great “reform and opening up” began. “Reform and opening up is a great revolution in the history of the development of the Chinese people and the Chinese nation”¹. Through this great reform and opening up, China has achieved three great transformations: from a highly centralized planned economic system to the socialist market economic system full of vigor and vitality, from a closed and semi-closed society to a fully open one, and from a society experiencing lack of food and clothing to one that is well-off. China's two general national policies are: one is to adhere to economic construction as the centre, the other is to adhere to reform and opening up; “reform and opening up has become the most prominent feature and the most magnificent atmosphere in contemporary China”². With the historical reform and opening up in the background, ‘Study in China’ has been vigorously developed: it has scaled from small to large, majors from few to many, students from underdeveloped countries to developed countries, and from scholarship students to self-funded students, management from differentiation to convergence.

In the 21st century, Chinese scholars carried out careful research on China's education within the Study in China concept. These studies mainly focused on two aspects: to research the history of Study in China, and study its policies and regulations. In terms of its history, scholars studied the development of educational modernization in China during four time periods: the late Ming and early Qing Dynasties, the late Qing Dynasty, the Republic of China and the People's Republic of China in the order of historical development [Tian Zhengping, 2004], focusing mainly on sorting out and examining important documents, policies, and regulations of Study in China since the founding of the People's Republic of China, and on historical research [Li Tao, 2000; Yu Fuzeng, Jiang Bo, Zhu Xiaoyu, 2001; Yu Fuzeng 2009; Cheng Jiafu, Huang Meixu, 2008; Cheng Jiafu, Chen Songlin, Zhao Jinpo, 2012; Li Peng, Tang Jing, 2015; Li Peng, 2016; Jia Zhaoyi, Wei Liqing, 2019; Wei Qiang, Fu Yihui, Dong Haijun, 2020; Wei Liqing, Chang Cuiming, 2021]. Systematic studies were conducted on the educational policies and systems of Study in China [Guo Xiuqing, Wang Jixia, 2008; Chen Yu, Qu Tiehua, 2016; Wang Yongxiu, Xie Shaohua, 2017], which raised issues that should be paid attention to when formulating policies. However, there are not many achievements in the field of Study in China in the past 40 years since the reform and opening up. What is the overall situation of Study in China in the past 40 years? What are the main achievements? What are the weaknesses? What are the major characteristics? The research on these issues is beneficial to the advancement of China's education internationalization.

Overview of Study in China from 1978 to 2018

The development of Study in China is closely related to the improvement of China's international political environment, economic development and the progress of higher education since the reform and opening up. On 18 March 1978, Deng Xiaoping clearly pointed out in his speech at the opening ceremony of the China National Science and Technology Conference that “any nation or country

¹ Xi Jinping. Zai qingzhu gaige kaifang 40 zhounian dahuishang de jianghua [习近平. 在庆祝改革开放 40 周年大会上的讲话(N)]. Speech at the celebration of the 40th anniversary of reform and opening up (N). (in Chin.) URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2018-12/18/c_1123872025.html (accessed: 24.09.2023).

² Ibid.

needs to learn from the strengths of other nations and countries and learn from other people's advanced science and technology" [Deng Xiaoping, 1993, p. 91]. Following this, China began to expand the scale of sending Chinese students to study abroad, especially to countries with relatively advanced science and technology, and also began to accept international students from developed countries. At that time, there were only 42 majors and 23 schools open for international students [Li Tao, 2000, p. 884]. The development of Study in China from 1978 to 2018 can be clearly seen from the changes in the number of students enrolled, the number of schools, and the number of countries and regions of the international student sources (see Table 1).

Table 1

International students coming to China (1978–2018)

Таблица 1

Иностранные студенты, приехавшие в Китай (1978–2018)

Year	Students in total	Scholarship students	Self-supporting students	Universities & colleges	Countries and regions
1978	1236	1207	29	23	72
1979	1593	1278	315	35	72
1980	2097	1389	708	35	72
1981	3440	1631	1809	35	72
1982	4535	1759	2776	35	72
1983	5461	2066	3395	35	72
1984	6144	2593	3551	55	72
1985	7727	3251	4476	55	72
1986	8754	4091	4663	55	72
1987	5646	4593	1053	55	72
1988	5835	4596	1239	55	111
1989	6379	3871	2508	120	124
1990	7494	3684	3810	120	112
1991	11972	3630	8342	120	112
1992	14024	3389	10635	120	112
1993	16871	3053	13818	120	112
1994	25586	2969	22617	120	112
1995	35759	3001	32758	283	154
1996	41211	4307	36904	283	154
1997	43712	4677	39035	335	160
1998	43084	5088	37996	339	164
1999	44711	5211	39511	356	164
2000	52150	5362	46788	344	166
2001	61869	5841	56028	363	169
2002	85829	6074	79755	395	175
2003	77715	6153	71562	352	175
2004	110844	6715	104129	420	178
2005	141087	7218	133869	464	179
2006	162695	8484	154211	519	184
2007	195503	10151	185352	544	188
2008	223499	13516	209983	592	189
2009	238184	18245	219939	610	190
2010	265090	22390	242700	620	194

End of the Table 1

Year	Students in total	Scholarship students	Self-supporting students	Universities & colleges	Countries and regions
2011	292611	25687	266924	660	194
2012	328330	28768	299562	690	200
2013	356499	33322	323177	746	200
2014	377054	36943	340111	775	203
2015	397635	40600	357035	811	202
2016	442773	49022	393751	829	205
2017	489200	58600	430600	935	204
2018	492185	63041	429144	1004	196

Note: The data for 1978–1997 comes from [Yu Fuzeng, 2009], the data for 1998–2015 comes from the Ministry of Education's official website “China Education Yearbook” 1999–2015, the data for 2016, 2017, 2018 comes from the official website of the Ministry of Education.

From 1978 to 2018, Study in China could be generally divided into four stages: the recovery stage (1978–1988), the standardized management stage (1989–1998), the rapid growth stage (1999–2008), the quality and efficiency improvement stage (2009–2018). Even now, Study in China is still in the quality and efficiency improvement stage.

The recovery stage means that Study in China almost returned to the level before 1966. At this stage, the number of international students, the number of universities and colleges which accepted international students, the number of countries and regions where students came from, and the majors open to international students were relatively low. Most of the international students were scholarship students, and few came at their own expense. The management experience of international students was insufficient, and the system related to the management of international students was very behind and not complete.

The standardized management stage meant that with the increase in the number of international students (43,084 by 1998, 34.86 times the number in 1978, and the number of self-funded students in 1998 was 7.47 times that of the scholarship students), the admission institutes increased (339) and the number of countries and regions increased too (164). As a result of this however, Study in China headed for various problems and challenges in management, and it was more and more necessary to regulate the system in order to achieve better sustainable development. In terms of enrollment, in 1989, the State Education Commission of China promulgated the “*Regulations on Enrolling Self-funded International Students*”, which carried out corresponding regulations on the management of Study in China in colleges and universities. Since 1989, the “*Approval and Registration Form for Foreign Students to Study in China*” (JW202 for short) was renamed as “*Application Form for Foreign Students to Study in China*”, and in 1993, it was further renamed as “*Visa Application Form for Foreign Students to Study in China*” in both Chinese and English to make the name of the form more standardized and consistent with its function. In terms of degree conferring, in 1991, the Academic Degrees Committee of the State Council issued a notice on the “*Trial Measures for Conferring Chinese Degrees by Institutions of Higher Education to International Students*” which made degree awarding work more formalized and standardized. In terms of international Chinese teaching, the State Education Commission successively issued a series of management measures. The “*Chinese Proficiency Test (HSK) Outline*” was promulgated in 1989, the “*Measures for the Qualification of Teachers of Chinese as a Foreign Language*” was promulgated in 1990, and the “*Chinese Proficiency Test (HSK) Measures*” was promulgated in 1992. In this way, the international Chinese proficiency grading standards and examination system were established, and China's international Chinese education entered a new period of standardized development.

From 1999 to 2008, with the gradual improvement of management and systems, Study in China entered a stage of rapid growth, which was mainly manifested in four aspects. First, the number of international students increased significantly (see Table 2–4). Second, the number of self-financed international students grew substantially. In 2008, the number of self-funded students exceeded 200,000 for the first time, also doubling that in 2004 of the first year over 100,000, indicating that China had become an important destination for international students wanting to study abroad. Third, the number of colleges and universities accepting international students increased significantly, almost 26 times the number of colleges and universities that accepted international students in 1978, indicating that Chinese colleges and universities attached great importance to the internationalization of education and the international education ability was promoted. Fourth, the number of source countries and regions grew substantially. By 2008, the number of countries and regions of Study in China reached 189, nearly covering all the member states of the United Nations.

Table 2

Changes in the number of international students
(1999–2008)

Таблица 2

Изменение количества иностранных студентов
(1999–2008)

Year	Total	Growth rate over the previous year (%)
1999	44711	/
2000	52150	16.6
2001	61869	18.6
2002	85829	38.7
2003	77715	–9.5
2004	110844	42.6
2005	141087	27.3
2006	162695	15.3
2007	195503	20.2
2008	223499	14.3

Note: In the past 10 years, due to the impact of the outbreak of SARS in 2003, the number of students enrolled decreased compared with the previous year, however 2004 ushered in a retaliatory growth and the growth rates in other years reached double digits, obviously fast growing.

Table 3

Changes in the number of degree international students (1999–2008)

Таблица 3

Изменение количества иностранных студентов,
получивших дипломы (1999–2008)

Year	Degree Students	Growth rate over the previous year (%)	Percentage of total (%)
1999	11479	/	25.6
2000	13703	19.3	26.2
2001	16650	21.5	26.9
2002	21055	37.0	24.5

End of the Table 3

Year	Degree Students	Growth rate over the previous year (%)	Percentage of total (%)
2003	24616	26.4	31.6
2004	31166	26.6	28.1
2005	44851	43.9	31.7
2006	54859	22.3	33.7
2007	68213	24.3	34.8
2008	80005	17.29	35.8

Table 4

Changes in the number of graduate students (1999–2008)

Таблица 4

Изменения в количестве выпускников (1999–2008)

Year	Graduates		Proportion of the total number of degree students (%)
	No.	Proportion of self-supporting (%)	
1999	2896	61.2	25.2
2000	3251	60.0	23.7
2001	3571	57.8	21.4
2002	4247	59.1	20.1
2003	5034	61.1	20.4
2004	5815	61.2	18.6
2005	7111	65.2	15.8
2006	8643	64.8	15.7
2007	10846	64.9	15.9
2008	14281	60.3	17.9

During the ten years from 1999 to 2008, Study in China showed rapid growth. However, compared with the major countries for international students in the world (such as the United States, United Kingdom, Canada and Russia), Study in China was still at the “primary stage of development, mainly due to three reasons: first, the majority of international students who were taught alone, second, an effective knowledge assessment system was not established, third, a practical Chinese language training and assessment system was not yet built [Yu Fuzeng, 2009, pp. 271–275].

The so-called improvement of quality and efficiency meant that a key goal was to improve the quality of talent training for international students, and to cultivate more knowledgeable and friendly Chinese talents. During the stage of improving quality and efficiency, the Ministry of Education of China, as the competent education department, did a lot of work at the national level, which had a relatively large impact in the following three aspects³. First, a complete policy chain to protect the rights and interests of international students was set up. In 2017, the “*Regulations on the Management of School Enrollment and Cultivation of International Students*” and the “*Notice on Matters Related to Allowing Outstanding Foreign College Graduates to Work in China*” were successively issued. The second was to pay close attention to quality and create an upgraded version of “Study in China”. In 2018, the “*Quality Specification for Higher Education for International Students (Trial)*”

³ Liu Limin. Duocuobingju tisheng laihualixue zhiliang (N)[刘利民。多措并举提升来华留学质量]. Taking multiple measures to improve the quality of study in China. (in Chin.) URL: http://www.jyb.cn/rmtzgjyb/201907/t20190726_250414.html (accessed: 24.09.2023).

was issued, which required the realization of a unified standard teaching management and examination system across the country, the establishment of quality certification for Study in China organized by a third-party, gradually improving the construction of the quality assurance system of Study in China. The third was to elevate the service level and enhance the sense of integration of international students into Chinese society. Since 2013, the Ministry of Education of China held a series of branded activities such as “Sports and Culture Competition for Overseas Students in China” and “Experience China”, allowing international students to have in-depth natural, cultural and social experiences in China.

The main achievements of Study in China from 1978 to 2018

From 1978 to 2018, Study in China progressed step by step. Over the course of forty years, the cause has been undertaken from generation to generation, and great achievements have been made. It is mainly manifested in the following four aspects.

First, an open education system for Study in China has been established. First of all, the autonomy of the enrollment of international students has been delegated by the Ministry of Education to individual colleges and universities. Secondly, the number of colleges and universities that can accept international students has greatly increased, from 23 in 1978 to 1,004 in 2018, covering all parts of mainland China. Thirdly, almost all disciplines and all majors are open to international students. Finally, the idea of running schools internationally is deeply rooted in the minds of the people, and the internationalization of education has been widely recognized by the Chinese educational community.

Second, the scale of international students is expanding rapidly. In 1978, there were only 1,236 international students enrolled in Chinese universities, but in 2018 it reached 492,185; an increase of almost 400 times. In 1978, there were only 23 colleges and universities allowed to enroll international students in China, but in 2018, there were 1,004 colleges and universities that enrolled international students; nearly 44 times growth.

Third, the management of international students is standardized and orderly. By 2018, the management of international students had been undertaken by each university in accordance with Chinese laws and school regulations, the management from preferential treatment to convergence meaning that the international students are treated almost the same as Chinese students. The admitted were mainly either scholarship students or those studying at their own expense. The management experience of international students is now quite mature, and a responsible, devoted and kind international student management team has been established.

Fourth, the talent training system and mechanism are sound. Various universities, disciplines, and majors have formulated mature talent training programs that conform to international practices and can meet the learning needs of international students. Academic degrees obtained in China are widely recognized by the international community.

Weaknesses of Study in China from 1978 to 2018

Although Study in China has boosted rapidly and achieved great results in the 40 years of reform and opening up, there are still some areas that need to be improved. Especially in the following aspects:

First, the number of international students is not large. Although the number of international students reached nearly 500,000 by 2018, there were not many degree students, and a considerable number of them were short-term language students. This scale is not proportional to the volume of more than 3,000 colleges and universities in China, let alone the scale of international students in popular countries for international students such as the United States, United Kingdom, Australia or Russia.

Second, convergence management is not enough. Many colleges and universities in China implement the “service package system” [Zhong Zi, 2016, p. 418] for international students. Most of the basic necessities of life for international students are fully in the hands of the management department of international students, and there is no convergence management with Chinese students.

Third, the internationalization level of teaching management is not high. China’s traditional education model focuses on the imparting of knowledge, with low student participation and low interaction. The curriculum system for international students is not perfect. Except for majors such as traditional Chinese medicine and the Chinese language, there are not many majors with international competitiveness. The international standard of academic evaluation for international students needs to be improved.

Fourth, the degree level of international students is not high. The year 2018 marked the 40th anniversary of China’s reform and opening up, and was also a year of relatively balanced development of Study in China. In this year, there were 234,063 non-degree students and 258,122 degree students (MOE, 2019), accounting for 52.44% of the total number of international students in China; an increase of 16,579 compared with 2017 and a year-on-year increase of 6.86%. Among them, there were 25,618 Doctoral students, accounting only for 9.93% of the total number of degree students that year, and 59,444 Masters students, accounting for 23.03%. However, as far as China’s internationally renowned universities are concerned, the general situation is that the number of Chinese Doctoral students is greater than the number of Masters students, and the number of Masters students is greater than the number of undergraduate students.

Main characteristics of Study in China from 1978 to 2018

In the past 40 years, the development of Study in China has mainly shown the following characteristics:

First, the overall scale of international students has continued to expand, and the number of institutions receiving international students has increased rapidly. As mentioned above, the scale of international students has grown exponentially. The number of language students, general students, advanced students, and exchange students has continued to rise. In particular, the number of degree students has grown rapidly. “Since 2008, the growth rate has been higher than that of students coming to China” [Wang Huiyao, Miao Lu, 2016, p. 104], and as time goes by, more and more people come to China to study for Masters and Doctorates.

Second, the degree education has been steadily improved, and the level and professional structure have been gradually optimized. During the 27 years from 1978 to 2004, the students who came to study in China were mainly language students and short-term students. Taking 2004 as an example, the total number of international students was 110,844, including 6,715 scholarship students and 104,129 self-funded students. In fact, only degree students were eligible for scholarships and they could almost win scholarships at that time. It can be inferred that the ratio of degree students to non-degree students was about 0.06:1; in 2018, the ratio was 1:0.9, hence the staggering change. Changes in level and professional structure were also remarkable. “The types of majors that students could take increased, and the distribution of majors at each educational level was more diverse: among undergraduates, Western medicine, the Chinese language, economics, and engineering have the highest proportions; among Masters students, the highest proportions are management, engineering, economics, and the Chinese language; among the Doctoral students, the highest proportions are engineering, management, science and literature” [Wen Wen, Chen Qiang, Wu Shengnan, 2018, pp. 178–179].

Third, the total number of Chinese government scholarships has increased, and the number of self-funded international students has grown rapidly. According to incomplete statistics, “Asian students receive the largest number of Chinese government scholarships, while African students cover the highest proportion who rely on Chinese government scholarships to support their study in China” [Wen Wen, Chen Qiang, Wu Shengnan, 2018, p. 180]. The number of self-funded interna-

tional students varies greatly every ten years (see Table 5). Even after the global financial crisis in 2008, the number of self-funded international students reached a high proportion.

Table 5
Scholarship changes for international students every ten years (1978–2018)

Таблица 5
Изменение количества стипендий на обучение для иностранных студентов
через каждые десять лет (1978–2018)

Year	Scholarship students	Self-funded students	Proportion (%)
1978	1207	29	4162.07
1988	4596	1239	370.94
1998	5088	37996	13.39
2008	13516	209983	6.44
2018	63041	429144	14.69

Main Policy Documents on Study in China from 1978 to 2018

In order to promote the stable, healthy and orderly development of Study in China, the departments of the Chinese government have formulated some policies and regulations from 1978 to 2018, mainly involving the management of international Chinese learning, the collection of tuition and accommodation fees for international students, and the enrollment of international students. A review of these policy documents will help better understand the development of Study in China.

In terms of international Chinese learning, on 1 March 1980, the Ministry of Education issued the “*Notice of the Ministry of Education on the Opening of Summer Chinese Language Classes in 1980*”, and on 31 December 1980, the Ministry of Education issued the “*Notice on the Opening of Short-term Chinese Classes for Foreigners in China by Institutions of Higher Learning*”, in April 1983 the Ministry of Education issued the “*Relevant Regulations of the Ministry of Education of the People’s Republic of China on Opening Short-term Classes for Foreigners*”.

In terms of tuition and accommodation fees, the charging standards for short-term international students were formulated by the Ministry of Education in consultation with relevant central ministries and commissions [Yu Fuzeng, 2009, p. 74]. In 1980, the Ministry of Education stipulated the tuition fees, accommodation fees and meals for short-term international students. In 1983, the Ministry of Education, together with other ministries and commissions, issued the “*Notice on Reprinting the Regulations on the Fees for Short-term Classes for Foreigners*”, in 1985 it issued the “*Notice on the Regulations of Adjusting Tuition and Accommodation Fees for Short-term Classes for Foreigners*”, on 26 April 2000, the Ministry of Education issued the “*Notice on the Implementation of the Annual Review System for Chinese Government Scholarships*”, on 30 July 2001, “*Regulations of the Ministry of Education on the Management of Chinese Government Scholarships*”, on 14 January 2015, “*Notice of the Ministry of Finance and the Ministry of Education on Improving the Chinese Government Scholarship Funding System and Raising Funding Standards*”.

In terms of enrollment and admission of international students, in 1985 the State Education Commission, the Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of Finance jointly issued the “*Related Regulations of the State Education Commission of the People’s Republic of China on Accepting Foreign Research Scholars into Chinese Institutions of Higher Learning for Scientific Research*”, in 1989 the State Education Commission issued the “*Regulations on Enrolling Self-funded International Students*”, on 21 September 2010, “*Notice of the Ministry of Education on Printing the ‘Study in China Plan’*”, on 2 June 2017, “*Measures on the Management of School Enrollment and Cultivation of International Students*” jointly announced by the Ministry of Education, the Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of Public Security, on 12 September 2017, “*Notice of the General*

Office of the Ministry of Education and the General Office of the Ministry of Foreign Affairs on Strictly Regulating the Management of Admissions for International Students”, on 30 September 2018, “Notice the General Office of the Ministry of Education on Further Strengthening the Management of International Students”, on 9 October 2018, “Notice of the Ministry of Education on Printing the “Quality Specification for Higher Education for International Students (Trial)”.

In terms of the daily management of international students, in April 1979 there was the “Report on the Work Conference on Foreign Students”, in 1979 the Ministry of Education promulgated the “Regulations on Foreign Students (Trial) (Revised)”, in 1985 the State Education Commission and other relevant central departments formulated the “Regulations on Foreign Students (Trial) (Revised)”, in 1987 the State Education Commission, the Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of Public Security issued the “Notice on Strengthening and Improving the Management of International Students”, on 8 April 2008, China Scholarship Council promulgated the “Emergency Handling Procedures for All Kinds of Scholarship Students”.

In terms of degree awarding, on 12 February 1980, the 13th plenary meeting of the Standing Committee of the Fifth National People’s Congress passed the “Regulations of the People’s Republic of China on Degrees”, in October 1991 the Degree Committee of the State Council issued a notice on the “Trial Measures for Conferring Chinese Degrees by Institutions of Higher Education to International Students”.

In terms of international Chinese teaching, in 1988, Hanban promulgated the “Chinese Proficiency Grading Standard and Grading Syllabus”, in 1989 the State Education Commission promulgated the “Chinese Proficiency Test (HSK) Syllabus”, in 1990 the State Education Commission promulgated the “Measures for the Qualification of Teachers of Chinese as a Foreign Language”, in 1992 the State Education Commission issued the “Chinese Proficiency Test (HSK) Measures”.

Conclusion

For forty years since the reform and opening up, the management system of Study in China has undergone profound changes. Its core is the transfer of the management functions of Study in China from the government to universities, hence the return to the educational attribute from diplomatic and political attributes. Improving the quality of Study in China is the foundation to ensure its sustainable development, and it is necessary to implement four major strategies including “brand strategy, discipline strategy, market strategy, and environmental strategy” [Luan Fengchi, 2013, pp. 58–59]. “To improve the construction of the cultivating system for international students at three levels of individuals, universities and society” [Wang Yuping, Luan Fengchi, 2020, p. 38]. It is necessary to upgrade quality and efficiency, promote the connotative development, revise and improve the measures for the quality supervision of international students, design and establish a work system for the quality certification and evaluation of international student education in China, in this way, colleges and universities can have regulations and rules to follow, self-discipline, improve and develop themselves, and effectively boost their internationalization and the competitiveness of international education.

References

- Chen Yu, Qu Tiehua.** Woguo laihua liuxuesheng jiaoyu zhengce bianqin de lujing yu tedian [陈宇, 曲铁华。我国来华留学生教育政策变迁的路径与特点//学术前沿]. The approaches and characteristics of educational policy changes for Study in China. *Xueshu qianyan*, 2016, no. 12, pp. 103–106. (in Chin.)
- Cheng Jiafu, Chen Songlin, Zhao Jinpo.** Xin zhongguo laihua yanjiusheng jiaoyu lishi yanjiu [程家福, 陈松林, 赵金坡。新中国来华研究生教育历史研究//学位与研究生教育]. On the History of Graduate Education of International Students in New China. *Xuewei yu yanjiusheng jiaoyu*, 2012, no. 10, pp. 64–71. (in Chin.)

- Cheng Jiafu, Huang Meixu.** Luelun laihua liuxuesheng jiaoyu lishi fenqi wenti [程家福, 黄美旭。略论来华留学生教育历史分期问题//中国高教研究]. A Brief Discussion on the Periodization of Education History for International Students in China. *Zhongguo gaojiao yanjiu*, 2008, no. 12, pp. 19–21. (in Chin.)
- Deng Xiaoping.** Dengxiaoping wenxuan [邓小平。邓小平文选]. Selected Works of Deng Xiaoping. Beijing, Renmin chubanshe, 1993, 418 p. (in Chin.)
- Guo Xiuji, Wang Jixia.** Laihua liuxue gaodeng jiaoyu de zhengce fenxi yu zhidu bianqian [郭秀晶, 王霁霞。来华留学高等教育的政策分析与制度变迁//北京科技大学学报(社会科学版)]. The Policy Analysis and System Transition of Chinese Higher Education for International Students. *Beijing keji daxue xuebao* (Social Sciences Edition), 2008, no. 12, pp. 141–145. (in Chin.)
- Jia Zhaoyi, Wei Liqing.** Laihua liuxue jiaoyu shiye huigu yu sikao [贾兆义, 魏礼庆。来华留学教育事业回顾与思考//国际教育交流]. Review and Reflections on Study in China. *Guoji jiaoyu jiaoliu*, 2019, no. 7, pp. 42–47. (in Chin.)
- Li Peng.** Xin zhongguo laihua liuxue jiaoyu de faduan: yuanqi, jincheng yu yiyi [李鹏。新中国来华留学教育的发端: 缘起、进程与意义//华东师范大学学报(教育科学版)]. New China's Study in China: Start, Process and Significance. *Huadong shifan daxue xuebao* (Educational Science Edition), 2016, no. 3, pp. 107–112. (in Chin.)
- Li Peng, Tang Jing.** Xin zhongguo kaiqi liuxue jiaoyu de lishi kaocha [李鹏, 唐静。新中国开启留学教育的历史考察//当代中国史研究]. A Historical Investigation on the Beginning of New China's Studying Abroad Education. *Dangdai zhongguoshi yanjiu*, 2015, no. 4, pp. 93–101. (in Chin.)
- Li Tao.** Zhonghua liuxue jiaoyushi lu: 1949 nian yihou [李滔。中华留学教育史录: 1949年以后]. History of China's Studying Abroad Education: After 1949. Beijing, Gaodeng jiaoyu chubanshe, 2000, 995 p. (in Chin.)
- Li Tao.** Zhonghua liuxue jiaoyushi lu: 1840–1949 [李滔。中华留学教育史录: 1840–1949]. History of China's Studying Abroad: 1840–1949. Beijing, Gaodeng jiaoyu chubanshe, 2005, 605 p. (in Chin.)
- Luan Fengchi.** Shishi sida fazhanzhanlue tisheng laihua liuxuesheng jiaoyu shuiping [栾凤池。实施四大发展战略提升来华留学生教育水平//中国高等教育]. Implementing Four Development Strategies to Improve the Educational Level of Study in China. *Zhongguo gaodeng jiaoyu*, 2013, no. 1, pp. 58–59. (in Chin.)
- Tian Zhengping.** Zhongwai jiaoyu jiaoliu shi [田正平。中外教育交流史//广东教育出版社]. History of Educational Exchange between China and Foreign Countries. Guangzhou, Guangdong jiaoyu chubanshe, 2004, 1367 p. (in Chin.)
- Wang Huiyao, Miao Lu.** Zhongguo liuxuesheng fazhan baogao [王辉耀, 苗绿。中国留学生发展报告]. Annual Report on the Development of Chinese Students Studying Abroad (R). Beijing, Shehuikexue wenxian chubanshe, 2016, 315 p. (in Chin.)
- Wang Yongxiu, Xie Shaohua.** Guanyu laihualixue jiaoyu zhengce de shensi [王永秀, 谢少华。关于来华留学教育政策的审思//高教探索]. Reflections on Education Policy for Study in China. *Gaojiao tansuo*, 2017, no. 3, pp. 102–106. (in Chin.)
- Wang Yuping, Luan Fengchi.** Laihualixue jiaoyu zhiliangrenzhen fazhan tanxi [王俞苹, 栾凤池。来华留学教育质量认证发展探析//世界教育信息]. An Analysis of the Development of Education Quality Certification for Study in China. *Shijie jiaoyu xinxi*, 2020, no. 9, pp. 38–45. (in Chin.)
- Wei Liqing, Chang Cuiming.** Zhongguogongchandang yu laihualixue [魏礼庆, 常翠鸣。中国共产党与来华留学//中国高等教育]. The Communist Party of China and Study in China. *Zhongguo gaodeng jiaoyu*, 2021, no. 15, pp. 21–23. (in Chin.)

- Wei Qiang, Fu Yihui, Dong Haijun.** 1949–1966 nian laihualiuxue jiaoyu tan xi [魏强,付羿慧,董海军。1949—1966 年来华留学教育探析//广东党史与文献研究]. Analysis of Study in China from 1949 to 1966. *Guangdong dangshi yu wenxian yanjiu*, 2020, no. 4, pp. 51–59. (in Chin.)
- Wen Wen, Chen Qiang, Wu Shengnan.** “Yidai yilu” changyi yu laihualiuxue jiaoyu [文雯, 陈强, 吴圣楠。 “一带一路”倡议与来华留学教育(A)]. The Belt and Road Initiative and Study in China (A). [杨东平主编。中国教育发展报告 (R)]. Ed. by Yang Dongping. Annual Report on China’s Education (2018) (R). Beijing, Shehuikexue wenxian chubanshe, 2018, 362 p. (in Chin.)
- Yu Fuzeng, Jiang Bo, Zhu Xiaoyu.** Jiaoyu guojijiaoliu yu hezuo shi [于富增, 江波, 朱小玉。教育国际交流与合作史]. History of International Exchange and Cooperation in Education. Haikou, Hainan chubanshe, 2001, 346 p. (in Chin.)
- Yu Fuzeng.** Gaigekaifang 30nian de laihualiuxue jiaoyu: 1978–2008 [于富增。改革开放 30 年的来华留学教育: 1978–2008]. Study in China for 30 Years of Reform and Opening Up: 1978–2008. Beijing, Beijing yuyandaxue chubanshe, 2009, 302 p.
- Zhong Zi.** Pilot investment consulting Co. LTD. China student education industry leading research and investment strategy planning analysis report (2016–2021) (R), 2016, 461 p.

Information about the Author

Ouyang Meihe, Professor

Информация об авторе

Оуян Мэйхэ, профессор

The article was submitted on 10.08.2023;

approved after review on 18.01.2024; accepted for publication on 31.01.2024

Статья поступила в редакцию 10.08.2023;

одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 31.01.2024

Дискуссионная статья

УДК 94+329.15

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-151-162

Становление руководящей роли коммунистической идеологии в КНДР

Ма Юньпэн¹

Чжу Шисун²

Чэнь Чуньхун³

¹ Шицзячжуанский железнодорожный университет
Шицзячжуан, Китай

^{2,3} Сычуаньский университет иностранных языков
Чунцин, Китай

¹ StevenMa1985@outlook.com, <http://orcid.org/0009-0008-9629-1549>

² Doctorzss@hotmail.com, <http://orcid.org/0009-0007-9070-7462>

³ Doctorzss@hotmail.com, <http://orcid.org/0009-0006-1660-4003>

Аннотация

Долгое время на борьбу корейского народа за национальную независимость негативное влияние оказывали такие факторы как «доктрина Ёсиды», «сектантство» и буржуазный национализм. «Доктрина Ёсиды» уничтожала национальную автономию и негативно влияла на понимание субъектности революционной борьбы. «Доктрина» являлась первопричиной «сектантства», порождая разногласия в руководстве корейской революции. В борьбе с «доктриной Ёсиды», «сектантством» и буржуазным национализмом корейские коммунисты определили корейский народ как главную силу революции, осознали необходимость единой партии, объединенной одной мыслью, и пришли к пониманию необходимости мобилизации широких народных масс на вооруженную революционную борьбу. Эти три основных пункта легли в основу коммунистической мысли «с корейскими особенностями», которая в конце концов утвердилась в Северной Корее в качестве руководящей позиции.

Ключевые слова

Корейская Народно-Демократическая Республика, доктрина Ёсиды, буржуазный национализм, сектантство, коммунистическая идеология

Для цитирования

Ма Юньпэн, Чжу Шисун, Чэнь Чуньхун. Становление руководящей роли коммунистической идеологии в КНДР // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 151–162. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-151-162

The Formation of the Leading Role of Communist Ideology in the People's Democratic Republic of Korea

Ma Yunpeng¹, Zhu Shisong², Chen Chunhong³

¹ Shijiazhuang Tiedao University
Shijiazhuang, China

^{2,3} Sichuan International Studies University
Chongqing, China

¹ StevenMa1985@outlook.com, <http://orcid.org/0009-0008-9629-1549>

² Doctorzss@hotmail.com, <http://orcid.org/0009-0007-9070-7462>

³ Doctorzss@hotmail.com, <http://orcid.org/0009-0006-1660-4003>

Abstract

The formation of the ideology and leadership role of the Korean Communist Party took place in the conditions of overcoming the negative influence of the Yoshida doctrine. Korean communists attributed the failure of both the Korean national liberation movement and the early communist movement to the influence of the Yoshida Doctrine. Bourgeois nationalists concentrated their efforts on searching for a “powerful power” that they could rely on in the struggle for independence. However, they did not consider the Korean people as a subject in this struggle. This fact determined the defeat of the bourgeois nationalist movement and contributed to the preservation of foreign domination. Korean communists waged an ideological struggle against the Yoshida Doctrine, striving for an ideological theory of self-determination. This became the source and foundation of the future “Juche ideology” – the basic principle of North Korean socialism associated with political independence and economic self-sufficiency. Only under the leadership of the working class and its political parties was it possible to formulate the correct strategies and tactics, carry out the armed struggle for independence in an organized manner, overcome the fragmentation and spontaneity of the struggle and achieve victory in the struggle for national independence. In the process of fighting for the complete elimination of the “Yoshida Doctrine” in their minds, the Korean communists, represented by Kim Il Sung, created their own political party and determined the main principle of the struggle: to consider the people as the main force of it. The creation of a political party and the determination of the status of the people as the main subject became the main and direct sources of the Korean “Juche ideology”.

Keywords

People's Democratic Republic of Korea, Yoshida Doctrine, bourgeois nationalism, sectarianism, communist ideology

For citation

Ma Yunpeng, Zhu Shisong, Chen Chunhong. The Formation of the Leading Role of Communist Ideology in the People's Democratic Republic of Korea. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 151–162. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-151-162

Введение

Идеологические основы «доктрины Ёсиды», а также «сектантство» и национализм издавна существовали в истории Кореи и оказали значительное негативное влияние на революционную борьбу корейского народа за национальную независимость. Под «доктриной Ёсиды» здесь понимается принцип подхода к внешней политике, аналогичный тому, которого придерживался премьер-министр послевоенной Японии Ёсида Сигэру (吉田茂, 1878–1967). Этот принцип основывался на тесной привязке своей страны, не имеющей в данный момент сильных позиций на международной арене, к какому-либо мощному игроку (например, Японии к США) в сфере внешней политики, чтобы на этом фундаменте отстраивать национальную экономику. Приверженцы «доктрины Ёсиды» в Корее верили, что тесная связь с великой державой поможет обрести национальную независимость, поэтому они вели себя в соответствии с этим принципом.

«Сектантство» – широко известное проявление острой межфракционной борьбы в рядах одного определенного политического течения. Оно встречалось не только у революционе-

ров-националистов, но и у коммунистов, что приводило к дезинтеграции корейских сил во время борьбы за независимость.

Националисты понимали огромную роль народа в революционной борьбе, но не желали рассматривать его как основную движущую силу. Они видели в нем лишь инструмент борьбы, который можно использовать в своих целях, но не субъекта, способного самостоятельно определять свою судьбу. Поэтому они выступали исключительно за мирные методы, но не за вооруженное восстание. Для борьбы с японскими властями подобная мобилизация народа на мирные протесты им представлялась достаточной. Это нанесло большой ущерб корейскому движению за независимость.

Коммунисты в Корее уже в начале разработки своих идеологических подходов выступали против «доктрины Ёсиды» и «сектантства». Становление идеологических основ их политики проходило в размышлениях о негативных последствиях действий националистического руководства для корейского движения за независимость. Противостояние этим «трем доктринам» сыграло важную роль в формировании позиций коммунистической мысли в Северной Корее.

1. Борьба против «доктрины Ёсиды» и трансформация главной движущей силы корейской революции 1.1. Исторические корни и влияние «доктрины Ёсиды»

«Доктрина Ёсиды» является одним из проявлений конфуцианской дипломатической философии и политики. Она была характерна для династии Чосон (1392–1895), которая демонстрировала зависимость от китайских династий Мин и Цин и активно следовала их примеру. Ее формирование было тесно связано с концепцией «хуа-и» (китаецентризм), на которой строилась дипломатия «малых стран» в восточноазиатском регионе, которые с целью самосохранения поддерживали тесные контакты с крупными державами. В случае Кореи эта идея проявилась в ее отношениях со Серединой Державой (Китаем).

Концепция «доктрины Ёсиды» уходила корнями в философию конфуцианства. В ранний период правления династии Ли конфуцианство стало ортодоксальным социальным сознанием в корейском обществе. Именно в процессе взаимоотношений с империей Мин в самых разных сферах она и сформировалась [Лю Юймин, 1994, с. 83]. В результате корейская династия Ли следовала конфуцианской системе этикета и организовывала государственные институты по образцу политической системы династии Мин.

Корейский классический текст «Сяньюань» выражает эти отношения следующим образом: «За границей существуют три наставления и пять правил, и это нормально в Китае; практикуйте сыновнюю почтительность, соблюдайте этикет, уголовное право и следуйте законам Великой Мин» [У Юйцзинь, Ци Шижун, 1992, с. 196]. Династия Ли считала Китай – «Поднебесную» – своим сюзереном, а себя называла «Маленьким Китаем». В «Записях Сонджона» говорилось: «В истории мы называли себя Маленьким Китаем» (цит. по: [Ян Юйлэй, 2011]). Концепция «Маленького Китая» – одно из самых важных проявлений «доктрины Ёсиды».

Но сама доктрина подвергалась в Корее публичной критике. Существовало мнение, что династия Ли придерживалась капитулянтской позиции, игнорируя национальную независимость. «Доктрина Ёсиды» уничтожала осознание самостоятельности корейской нации. Как отмечают современные исследователи, «автономный дух правителей династии Ли и некоторых ученых был задушен, что привело к отказу от идеи самостоятельности и к тенденции презирать автономный дух местной этнической группы» [Лю Юймин, 1994, с. 85].

Тем не менее, «доктрина Ёсиды» несла в себе стремление к национальной независимости. Ли Сонге, основатель корейской династии, сказал: «Способ защитить страну – сделать себя маленькой перед лицом большой» [У Хань, 1980, с. 106–107]. Иначе говоря, ради сохранения национальной независимости Корею следует привязать к великой державе, что позволит приобрести снисходительность и дружелюбие по отношению к Корее. Таким образом, основным инструментом борьбы за сохранение независимости становится апелляция к международному сообществу.

После Первой опиумной войны концепция хуа-и сменилась новыми принципами международных отношений. Корея превратилась в арену противостояния Китая и Японии. Под сильным давлением со стороны Японии 7 января 1895 г. король Кореи Коджон был вынужден принести присягу (хонбом), состоящую из 14 статей. В первом же пункте хонбома говорилось: «Категорический отказ от зависимости от империи Цин и создание основ для автономии и независимости» [Ван Жухуэй, 2004, с. 227]. На этом тысячелетние кланово-феодалные отношения между Кореей и Китайской империей закончились.

В 1896 г. корейцы снесли ворота Ёнынмун, где когда-то на самом высоком уровне приветствовали китайских посланников, а на их основе воздвигли «Ворота независимости». Этим была подчеркнута независимость от Китая. Однако полного отказа от «доктрины Ёсиды» не произошло. Начались лишь поиски нового покровителя.

Как до, так и после разрыва с Китаем внутри корейского руководства существовали серьезные разногласия, к кому в дальнейшем применить эту доктрину – к России или Японии. Если быть точным, то «великая доктрина Кореи», заявленная в «14 статьях», была всего лишь сменой «страны привязанности», но ни в коем случае не отходом от логики: «привязать себя к великой державе, чтобы сохранить себя».

При этом феодальная правящая группа и не думала полагаться на народ для преодоления кризиса, с которым столкнулась страна. Вместо этого она искала поддержки у мощных держав, сформировав прояпонские, пророссийские и другие подобные группировки. Она «притянула иностранные силы, что привело к распаду страны» [Шарки Агами, 1978, с. 26–27]. С началом японской оккупации сторонники «доктрины Ёсиды» в лице короля Кореи, стремясь к восстановлению независимости страны, возлагали надежды на международное сообщество, но их дипломатические усилия не имели успеха.

1.2. Отказ от идеологии «доктрины Ёсиды»

Влиянию «доктрины Ёсиды» корейские коммунисты приписывали провал как корейского национально-освободительного движения, так и раннего коммунистического движения; она же, по их мнению, привела и к появлению сектантства [Ван Хуайчао, 2011, с. 270].

Следует признать, что корейские буржуазные националисты тоже выступали против «доктрины Ёсиды». Но они из-за своей классовой ограниченности не рассматривали народ как ведущую революционную силу и продолжали неосознанно искать некую великую державу, на которую можно опереться.

Первоначально корейские коммунисты также не ориентировались на народные массы. В их рядах возникали различные фракции, каждая из которых обращалась к Коминтерну и «умоляла его признать себя» [Шарки Агами, 1978, с. 27]. Фракционная борьба и жесткое подавление корейской коммунистической революции японскими агрессорами привели к исключению корейской компартии из Коминтерна в 1925 г. После формального объединения компартии Кореи и компартии Китая в 1928 г., корейские коммунисты во главе с Ким Ир Сеном начали

борьбу с идеологическим влиянием «доктрины Ёсиды». По их мнению, корейская нация должна была самостоятельно осуществлять революцию в Корее, не оглядываясь на китайский контекст.

Ким Ир Сен отмечал чрезвычайную вредность «доктрины Ёсиды» для независимости и революционного движения корейской нации. Для него ее преодоление являлось «ключевым вопросом, связанным с успехом или неудачей революции, это вопрос жизни и смерти, который определяет выживание нации... Если человек придерживается “доктрины Ёсиды”, он станет дураком; если ее придерживается нация, она умрет; если ее придерживается партия, то она разрушит революцию и созидание» [Ван Яоминь, 2003, с. 209].

Видя тот ущерб, который «доктрина Ёсиды» нанесла корейской революции, корейские коммунисты повели против нее идеологическую борьбу, стремясь к идеологической теории самоопределения. Это стало источником и фундаментом будущей «идеологии Чучхе» – основного принципа северокорейского социализма, связанного с политической независимостью и экономической самостоятельностью. Идеология Чучхе, таким образом, является своего рода теорией, которая отвергает «доктрину Ёсиды» и выводит на первый план стремление к самоопределению.

Концепция революционной борьбы за национальную независимость основывается, таким образом, на трех моментах. Во-первых, независимость Кореи не может зависеть от милости великой державы, при этом главным субъектом борьбы является корейская нация. Во-вторых, корейская революция не может быть превращена в вассала революции какой-либо великой державы, и корейцы должны быть привержены революционной борьбе именно Кореи, а не какой-либо иной страны. В-третьих, сами корейцы должны нести ответственность за руководство корейской революцией и противостоять указаниям любой крупной державы.

Корейские коммунисты пришли к выводу, что если влияние «доктрины Ёсиды» сохранится, то Корея останется идеологической колонией одной из великих держав, даже если обретет формальную независимость.

1.3. Борьба с «доктриной Ёсиды» и изменение субъекта корейской революции

Отрицание «доктрины Ёсиды» помогло корейским коммунистам прекратить ориентироваться на великие державы. С этого момента именно корейский народ воспринимается ими как главная движущая сила революции. При этом возникает глубокая взаимная связь: чем более мощной становится субъектность народа, тем более полным становится отказ от «доктрины Ёсиды»; чем основательнее отказ от «доктрины Ёсиды», тем сильнее утверждается субъектность народа.

Одновременно с этим корейские коммунисты в лице Ким Ира Сена выступили за создание автономной политической партии. Независимость корейского государства, равно как и социальное освобождение, требуют, чтобы политическая партия полностью отказалась от «доктрины Ёсиды» и уходила корнями в почву корейского народа как ведущей силы революции. Для своей борьбы с японским империализмом корейские революционеры использовали территорию не только Кореи, но и Китая. Но при этом Ким Ир Сен всегда подчеркивал, что корейцы осуществляли именно корейскую революцию, а не китайскую или советскую.

В процессе борьбы за полную ликвидацию «доктрины Ёсиды» в своем сознании корейские коммунисты в лице Ким Ира Сена создали собственную политическую партию и определили главный принцип борьбы: рассматривать народ в качестве основной силы революционной

борьбы. Создание политической партии и определение статуса народа как основного субъекта стали основными и непосредственными источниками корейской «идеологии Чучхе».

2. Борьба против «сектантства»

В процессе достижения независимости корейской нации и государства возникли многочисленные политические партии и группировки. Одни ориентировались исключительно на национально-освободительную борьбу, другие имели в своей основе коммунистическую идеологию. Многие партии занимали, казалось бы, единую политическую позицию, но при этом между ними все время возникали различные противоречия. Антагонизм и сектантские подходы сильно затрудняли формирование стабильной и единой политической группы, которая могла бы возглавить движение за независимость корейской нации.

2.1. Коренные причины сектантства и его влияние на корейскую революцию

Под опосредованным влиянием сотрудничества между Коммунистической партией Китая и Гоминьданом 10 мая 1939 г. лидер Национальной партии Кореи Ким Гу и лидер Корейской национально-революционной партии Ким Вон Бон опубликовали «Совместную декларацию», в которой они отказывались от противоречий и вражды и совместно выступали против Японии с целью достижения национальной независимости. В декларации анализировался тот вред, который в прошлом причиняла фракционная борьба общему делу: «Из опыта, полученного нашим национальным движением в последние несколько десятилетий, мы извлекли уроки неудач, вызванных фракционной борьбой, а также на фоне нынешних уроков, полученных в ходе достижения китайской нацией окончательной победы и великого национального единства, мы с горечью осознаем различные ошибки, которые мы совершили в прошлом» [Ян Чжаоцюань, 1987, с. 625]. Теперь они выступали за прекращение фракционной борьбы, а также выдвигали десять основных пунктов политической программы корейской революции [Пак Енцзи, 2001, с. 74]. В конкретном содержании этих пунктов мы можем найти как демократические требования националистов, так и требования социального освобождения, выдвигаемые коммунистами.

В коммунистической партии Кореи также присутствовала глубокая межфракционная борьба, которая вела к дроблению руководящих сил национального освобождения. Еще в 1926 г., на раннем этапе формирования коммунистической партии Кореи, возглавляемая ею «Кампания 10 июня: Да здравствует независимость» потерпела поражение в результате межфракционной борьбы. Существование в рамках партии различных группировок нанесло серьезный и долгосрочный ущерб борьбе за независимость и национальной революции. Ким Ир Сен отмечал, что «все неудачи и жертвы коммунистического движения и антияпонской национально-освободительной борьбы связаны с преступлениями сектантов» [Ким Ир Сен, 1978, с. 188]. Сектантская борьба продолжалась вплоть до освобождения Корейского полуострова в 1945 г., что сильно затрудняло процесс создания единой партии рабочего класса.

Рождение сектантства было тесно связано с «доктриной Ёсиды». Среди корейских буржуазных националистов возникали различные партийные фракции в зависимости от склонности их основателей к России, Китаю, США или Японии. В то же время коммунисты также создавали разные фракции – в зависимости от ориентации на СССР или Китай либо на основе

стремления создать автономную политическую партию. Это приводило к расколу внутри корейского руководства, что стало основным источником сектантства в Корее.

2.2. Борьба с сектантством и достижение единства внутри партии

Размышляя об огромном вреде, который был нанесен корейской революции сектантством, корейские коммунисты в лице Ким Ир Сена поняли, что «должны сделать все возможное в борьбе за укрепление партийной дисциплины и поддержание единства партии» [Ким Ир Сен, 1978, с. 14]. В мае 1933 г. Ким Ир Сен опубликовал статью «Устранение сектантства и укрепление единства революционной команды», в которой подробно описывались коренные причины сектантства в корейском коммунистическом движении и разяснялась стратегия борьбы за его ликвидацию. В 1937 г. Ким Ир Сен развил эту тему в статье «Задача корейских коммунистов». В ней он подчеркивал необходимость противостояния сектантству, поддержания чистоты коммунистической организации и единства мысли и воли.

Борьба с сектантством сопровождала все этапы роста Трудовой партии Кореи. После освобождения Корейского полуострова партийная организация в ходе нескольких съездов ликвидировала его остатки и вывела единство партии на новый этап.

В борьбе с сектантством корейские коммунисты осознали взаимосвязь проблем: чтобы преодолеть сектантство, необходимо полностью устранить влияние «доктрины Ёсиды», а этого, в свою очередь, можно достигнуть путем создания единой политической партии, руководствующейся единой идеологией. Только при выполнении этих условий можно говорить о руководящей роли партии в деле завоевания независимости корейской нации.

3. Буржуазно-националистическое движение в Корее

3.1. Подъем буржуазного национализма в Корее

Представителем корейского национализма была школа «реалистов», возникшая в 1870-х гг. Ее главной силой были старые чиновники династии Ли. Основываясь на «прагматичной идеологии» [Ли Е, 2000, с. 234], они выступали за независимое существование страны и модернизацию общества. В 1876 г., после подписания на острове Канхвадо японско-корейского договора о мире, идеологические представления движения реалистов разошлись: радикальная фракция во главе с Ким Ок Кюном выступала за «быстрое» изменение национальной системы по примеру реставрации Мэйдзи в Японии [Цао Чжунпин, 1993, с. 94]; фракция реформистов, представленная Ким Юн Сиком и другими, выступала за «принятие западных инструментов», постепенный прогресс в переменах, компромисс с фракцией консерваторов, поддержание традиционных отношений с китайской династией Цин и, наконец, реализацию самостоятельности Кореи [Кан Джэянь, 1977, с. 187–188].

Под влиянием реформистов корейская династия провела ряд реформ, но эти реформы по-прежнему инициировались «сверху» и не затрагивали основы экономической и политической системы корейской династии. 4 декабря 1884 г. радикальная фракция «реалистов» во главе с Ким Ок Кюном предприняла неудачную попытку государственного переворота (переворот года Капсин) с целью отделения от династии Цин, достижения полной независимости [Ли Е, 2000, с. 239] и ликвидации существовавшей в то время в Корее политической системы.

Любые попытки реформ со стороны школы «реалистов» являлись буржуазными по своей сути. С момента подписания японско-корейского договора в 1876 г. и до «объединения» Кореи

и Японии в 1910 г. главной задачей корейского национального движения было противодействие агрессии иностранных сил и защита национального суверенитета; внутри страны целями были свержение королевской династии и создание современного национального государства. За это время корейские националисты организовали ряд народных выступлений и движений на территории Кореи: крестьянская война во время Первой японо-китайской войны (восстание Тонхак), движение ассоциаций за независимость, инцидент Имо и патриотическое просветительское движение. При этом не всегда целью ставилось изменение государственного строя.

Раннему буржуазному националистическому движению были чужды и характер радикальной революции, и участие широких народных масс. Оно рассматривало народ только как объект просвещения, а не как главную революционную силу, которую можно было мобилизовать для достижения целей своей борьбы. Однако оно создавало условия для формирования национального духа корейского народа и осознания необходимости борьбы.

3.2. Историческая ограниченность буржуазного национализма

1 марта 1919 г. в Корею вспыхнуло «Движение 1 марта» против японского произвола, возглавляемое религиозными деятелями различных конфессий: даосизма, христианства, буддизма, а также патриотически настроенными учителями и студентами. В итоге оно переросло в национально-освободительную борьбу. Однако буржуазные националисты, которые взяли на себя роль ведущей силы движения, определяли его исключительно как ненасильственный протест и не хотели, чтобы движение расширялось дальше. Они не желали превратить народ в главную силу революции. Некоторые лидеры национального движения мечтали о достижении независимости Корейского государства и нации посредством петиций, возлагая, таким образом, надежды на «теорию национального самоопределения» В. Вильсона.

Разгром «Движения 1 марта» обнаружил безрезультатность и шаткость попыток совершить буржуазно-националистическую революцию в Корею. Кровавый урок заставил Ким Ир Сена и других коммунистов осознать, что «суверенитет нации можно завоевать и сохранить, только опираясь на усилия и неукротимую борьбу собственного народа» [Ким Ир Сен, 1994, с. 38]. Они пришли к выводу, что ни одна могущественная страна в мире не даст Корею независимость, и ее невозможно добиться, если полагаться на других [Там же, с. 39]. Результаты «Движения 1 марта» показали, что в сознании националистов глубоко сидела «доктрина Ёсиды», которая теперь апеллировала не к Китаю, а к США. Ким Ир Сен критиковал буржуазных националистов за то, что они пытались использовать мощь великих держав для спасения страны от тяжелой участи колонии, и «эта злая традиция в целостности и сохранности передавалась в руки среди высшего националистического руководства» [Там же]. Корейские коммунисты поняли, что главной целью буржуазных националистов была не ликвидация колониального правления, а достижение со стороны японских властей ряда уступок интересам буржуазии. Ввиду классовой и исторической ограниченности буржуазных националистов они не имели никакой возможности взять на себя тяжелую ответственность руководства корейским антияпонским национальным движением.

Национализм, безусловно, внес значительный вклад в развитие Корейского государства и общества. Он выступал за равные права для всех, отмену социальной иерархии, прием на госслужбу в соответствии со способностями и знаниями, за независимость и отделение от династии Цин. В целом он имел большое прогрессивное значение, а идея национальной независимости, которую он отстаивал, оказала глубокое влияние на более позднее движение за

независимость Кореи. Но в то же время можно признать историческую ограниченность буржуазного национализма в руководстве Корейским государством и в борьбе за национальную независимость и социальное освобождение. Можно назвать следующие аспекты, которые ограничивали исторические возможности националистической буржуазии:

Во-первых, корейскому буржуазному национализму были присущи классовые и исторические ограничения. Его революция строилась по направлению сверху вниз и не затрагивала фундаменты экономической и политической системы корейской династии. Ведущим классом движения являлась старая бюрократия и формирующаяся буржуазия при поддержке крупных держав. Они не стремились полностью изменить ни общество, ни государственную систему Кореи. Все социальные усовершенствования они предпринимали с целью защиты интересов своего собственного класса. Поэтому буржуазный национализм не выступал за широкую мобилизацию народных масс. Но даже если бы эти народные массы были мобилизованы, националисты использовали бы их исключительно как инструмент своей борьбы. Самая главная проблема буржуазного реформаторского движения, равно как и основная причина его провала, заключается в том, что оно не уделяло внимания интеграции с народом [Ким Ир Сен, 1994, с. 23].

Во-вторых, революционная борьба, к которой призывал корейский буржуазный национализм, – это в основном мирная борьба, борьба без оружия. Националисты хотели использовать народ как инструмент этой борьбы, но не как главную силу революции. Если народ получит оружие, то это уже не будет социальная реформа, за которую выступает буржуазный национализм, это будут те социальные перемены, за которые выступают коммунисты.

В-третьих, эти два фактора: отсутствие стремления к глубоким политическим и социальным переменам и отказ рассматривать народ как главную силу революции, заставляют буржуазных националистов рассчитывать на крупные державы. В итоге они не только попали в плен стереотипа «доктрины Ёсиды», но и из-за разногласий по поводу выбора державы, на которую следует опираться, возникла серьезная борьба между фракциями, которая привела к сектантству и разделила ведущую силу буржуазно-националистической революции [Там же, с. 41].

3.3. Вооруженная борьба масс и новый этап национально-освободительного движения

«Движение 1 марта» явилось поворотным пунктом, объявившим конец корейского буржуазно-националистического движения, после чего национально-освободительное движение корейского народа постепенно вступило в новую стадию развития. Корейские коммунисты извлекли глубокий урок из «Движения 1 марта»: в борьбе за независимость Корейского государства, а также за социальное освобождение необходимо было сильное революционное руководство. Только под таким руководством рабочего класса и его политических партий, формулирующих правильные стратегии и замыслы и ведущих организованную борьбу за независимость, было возможно преодолеть децентрализацию и стихийность действий и добиться победы.

Корейские коммунисты в процессе стремления к независимости государства и нации, а также к социальному освобождению, должны были мобилизовать широкие народные массы и превратить народ в главную силу революционной борьбы. В то же время им необходимо было избавиться от иллюзий относительно некой «великой страны» и существующего правящего класса Кореи, при помощи которых якобы можно было решить поставленные задачи.

Только под руководством рабочего класса и его политических партий было возможно сформулировать правильные стратегии и тактики, организованно провести вооруженную борьбу за независимость, преодолеть раздробленность и стихийность борьбы и, наконец, добиться победы в борьбе за национальную независимость.

Заключение

Противодействие «доктрине Ёсиды», «сектантству» и буржуазному национализму и ликвидация того вреда, который они причинили корейской нации и делу достижения национальной независимости, вместе с установлением руководящего статуса коммунистической идеологии с «корейской спецификой» являются двумя аспектами одного и того же процесса. В процессе противостояния «доктрине Ёсиды» было прояснено, кто является субъектом корейской революции. Единство и сплоченность Трудовой Партии Кореи были осознаны в процессе противостояния «сектантству», а народные массы были широко мобилизованы и вооружены в процессе анализа исторической ограниченности буржуазного национализма. В конце концов в КНДР утвердилась руководящая роль коммунистической идеологии с «корейской спецификой», которая воплотилась на практике.

Список литературы

- Ван Жухуэй.** Цзяу чжаньчжэн юй чаосянь [王如绘. 甲午战争与朝鲜, 天津:天津古籍出版社]. Китайско-японская война и Корея. Тяньцзинь: Издательство древней литературы Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ, 2004. 234 с. (на кит. яз.)
- Ван Хуайчао.** Шэхуэй чжуи тунши·Ди лю цзюань [王怀超. 社会主义通史·第6卷, 北京:人民出版社]. Всеобщая история социализма, том 6. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2011. 607 с. (на кит. яз.)
- Ван Яоминь.** Чжуи цыдянь [王耀民. 主义辞典, 呼和浩特:远方出版社]. Словарь идеологий. Хух-Хото: Юаньфан чубаньшэ, 2003. 369 с. (на кит. яз.)
- Кан Джэянь.** Чаосянь жаньи юй кайхуа [姜在彦. 朝鲜攘夷与开化, 东京:平凡社]. Борьба Кореи против варваров и за культуру. Токио: Heibonsha, 1977. 293 с. (на кит. яз.)
- Ким Ир Сен.** Цзинь Жичэн чжуцзо сюаньцзи (Ди и цзюань) [金日成著作选集(第1卷), 平壤:朝鲜外文出版社]. Избранные произведения Ким Ир Сена, том 1. Пхеньян: Вайвэнь чубаньшэ, 1978. 527 с. (на кит. яз.)
- Ким Ир Сен.** Юй шицзи тунсин (цзюань и) [金日成. 与世纪同行(卷1), 朝鲜平壤:外文出版社]. В водовороте века. Мемуары. Том 1. Пхеньян: Вайвэнь чубаньшэ, 1994. 332 с. (на кит. яз.)
- Ли Е.** Чжун жи хань синь сыго миньцзучжуи юй сяньдайхуа бицзяо яньцзю [李晔. 中日韩新四国民族主义与现代化比较研究, 北京:中国对外经济贸易出版社]. Сравнительное исследование национализма и модернизации в четырех странах – Китае, Японии, Южной Кореи и Сингапуре. Пекин: Чжунго дуйвай цзинцзи маои чубаньшэ, 2000. 357 с. (на кит. яз.)
- Лю Юймин.** Лунь Личао жусюэ юй шида чжуи [刘玉明. 论李朝儒学与事大主义//东岳论丛]. О конфуцианстве династии Ли и доктрине Ёсиды. Дунъюй луньцун. 1994. № 1. С. 83–86. (на кит. яз.)

- Пак Енци.** Чаосянь миньцзу гэминдан яньцзю [朴英姬. 朝鲜民族革命党研究 1935–1945 年, 沈阳: 辽宁民族出版社]. Исследование Корейской национально-революционной партии 1935–1945 гг. Шэньян: Ляонин миньцзу чубаньшэ, 2001. 158 с. (на кит. яз.)
- У Хань.** Чаосянь личао шилу чжун дэ чжунго шилу (Ди и цэ) [吴晗. 朝鲜李朝实录中的中国史料・第一册, 北京: 中华书局]. Материалы истории Китая в Чосон Бонгон Ванджо Силлок, том 1. Пекин: Чжунхуа шудянь, 1980. 406 с. (на кит. яз.)
- У Юцзинь, Ци Шижу.** Шицзеши-цинъндайши (сяцзюань) [吴于廑, 齐世荣. 世界史・近代史 (下卷), 北京: 高等教育出版社]. Всемирная история, современная история (том 2). Пекин: Гаодэн цзяюй чубаньшэ, 1992. 392 с. (на кит. яз.)
- Цао Чжунпин.** Чаосянь цинъндайши (1863–1919) [曹中屏. 朝鲜近代史(1863–1919), 东方出版社]. Современная история Кореи (1863–1919). Пекин: Дунфан чубаньшэ, 1993. 315 с. (на кит. яз.)
- Шарки Агами.** Чжути лилунь цзи ци тиянь [主体理论及其体现. 平壤: 外文出版社]. Теория предмета и ее воплощение. Пхеньян: Вайвэнь чубаньшэ, 1978. 65 с. (на кит. яз.)
- Ян Чжаоцюань.** Гуаньнэй дицзюй чаосяньжэнь фанжи дули юньдун цзыляо хуэйбянь (шан) [杨昭全. 关内地区朝鲜人反日独立运动资料汇编(上). 沈阳: 辽宁民族出版社]. Сборник материалов об антияпонском движении за независимость корейцев в районе Кваннын (Ч. 1). Шэньян: Ляонин миньцзу чубаньшэ, 1987. 814 с. (на кит. яз.)
- Ян Юйлэй.** Яньсин юй чжунчао вэньхуа гуаньси [杨雨蕾. 燕行与中朝文化关系, 上海: 上海辞书出版社]. «Миссии в Янь» и китайско-корейские межкультурные отношения. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2011. 368 с. (на кит. яз.)

References

- Cao Zhongping.** Chaoxian jindaishi [曹中屏. 朝鲜近代史(1863–1919), 东方出版社]. Modern History of Korea (1863–1919). Beijing, East Publishing House, 1993, 315 p. (in Chin.)
- Gang Jaeon.** Chaoxian rangyi yu kaihua [姜在彦. 朝鲜攘夷与开化, 东京: 平凡社]. The struggle of the Koryo people against aggressors and the enlightenment of North Korea. Tokyo, Heibonsha Publishing House, 1977, 293 p. (in Chin.)
- Kim Il Sung.** Jin richeng zhuzuo xuanji(di yi juan) [金日成著作选集(第1卷), 平壤: 朝鲜外文出版社]. Selected Works of Kim Il Sung, Vol. 1. Pyongyang, Foreign Languages Publishing House, 1978, 527 p. (in Chin.)
- Kim Il Sung.** Yu shiji tongxing(juan yi) [金日成. 与世纪同行(卷1), 朝鲜平壤: 外文出版社]. In the whirlpool of the century. Memoirs, Vol. 1. Pyongyang, Foreign Languages Publishing House, 1994, 332 p. (in Chin.)
- Lee E.** Zhongrihanxin siguo minzu zhuyi yu xiandaihua bijiao yanjiu [李晔. 中日韩新四国民族主义与现代化比较研究, 北京: 中国对外经济贸易出版社]. Comparative study of nationalism and modernization in four countries – China, Japan, Korea and Singapore. Beijing, Chinese Foreign Economic and Trade Press, 2000, 357 p. (in Chin.)
- Liu Yuming.** Lun Lichao ruxue yu shida zhuyi [刘玉明. 论李朝儒学与事大主义//东岳论丛]. About the Confucianism of Li Dynasty and the Yoshida doctrine. *Dunyu Luncong*, 1994, no. 1, pp. 83–86. (in Chin.)
- Pak Yeongji.** Chaoxian minzu gemingdang yanjiu [朴英姬. 朝鲜民族革命党研究 1935–1945 年, 沈阳: 辽宁民族出版社]. A study of the Korean National Revolutionary Party 1935–1945. Shenyang, Liaoning National Publishing House, 2001, 158 p. (in Chin.)

- Sharky Agami.** Zhuti lilun jiqi tixian [主体理论及其体现, 平壤: 外国文出版社]. The theory of the subject and its implementation. Pyongyang, Foreign Languages Publishing House, 1978, 65 p. (in Chin.)
- Wang Huaichao.** Shehui zhuyi tongshi·di liu juan [王怀超. 社会主义通史·第6卷, 北京: 人民出版社]. General History of Socialism, Vol. 6. Beijing, People's Publishing House, 2011, 607 p. (in Chin.)
- Wang Ruhui.** Jiawu zhanzheng yu chaoxian [王如绘. 甲午战争与朝鲜, 天津: 天津古籍出版社]. The Sino-Japanese War and Korea. Tianjin, Tianjin Ancient Literature Publishing House, 2004, 234 p. (in Chin.)
- Wang Yaomin.** Zhuyi cidian [王耀民. 主义辞典, 呼和浩特: 远方出版社]. Dictionary of Ideology. Hohhot, Faraway Land Publishing House, 2003, 369 p. (in Chin.)
- Wu Han.** Chaoxian lichao shiluzhong de zhongguo shiliao [吴晗. 朝鲜李朝实录中的中国史料·第一册, 北京: 中华书局]. Materials of the History of China in Joseon Bongon Wanjo Sillock of Korea, Vol. 1. Beijing, Zhonghua Book Company, 1980, 406 p. (in Chin.)
- Wu Yujin, Qi Shirong.** Shijieshi-jindaishi (xiajuan) [吴于廑, 齐世荣. 世界史·近代史(下卷), 北京: 高等教育出版社]. World History – Modern History (Vol. 2). Beijing, Higher Education Press, 1992, 392 p. (in Chin.)
- Yang Yulei.** Yanxing yu zhongchao wenhua guanxi [杨雨蕾. 燕行与中朝文化关系, 上海: 上海辞书出版社]. Korean diplomatic representative “Yanxing” and Sino-Korean cultural relations. Shanghai, Shanghai Lexicographic Publishing House, 2011, 368 p. (in Chin.)
- Yang Zhaoquan.** Guannei diqu chaoxianren fanri duli yundong ziliao huibian(shang) [杨昭全. 关内地区朝鲜人反日独立运动资料汇编(上). 沈阳: 辽宁民族出版社]. Collection of materials on the anti-Japanese movement for the independence of Koreans in the Kwangne region (part 1), 1987, 814 p. (in Chin.)

Информация об авторах

Ма Юньпэн, доктор политических наук

Чжу Шисун, доктор экономических наук, доцент

Чэнь Чуньхун, доктор филологических наук, доцент

Information about the Authors

Ma Yunpeng, Doctor of Political Sciences

Zhu Shisong, Doctor of Economics, Associate Professor

Chen Chunhong, Doctor of Philology, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 19.10.2023;
одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 31.01.2024
The article was submitted on 19.10.2023;
approved after review on 25.01.2024; accepted for publication on 31.01.2024*

Краткое сообщение

УДК 372.881.1

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-163-167

新西伯利亚国立大学孔子学院中文教学现状

尤·阿扎莲科¹、毕新惠²

^{1, 2} 新西伯利亚国立大学

俄罗斯新西伯利亚市

² 新疆大学

中国新疆乌鲁木齐市

¹ ci@nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1162-2393>

² bixinhui27@163.com, <https://orcid.org/0000-0001-6290-779X>

摘要

新西伯利亚国立大学孔子学院在近 15 年的发展过程中，在中文教学方面，既经历了蓬勃发展的高潮阶段，也度过了新冠疫情、乌克兰危机带来的低谷时期。2023 年，在中俄关系继续保持健康稳定发展的良好背景下，新西伯利亚国立大学孔子学院在新西伯利亚国立大学和中国新疆大学校领导的鼎力支持下，抓住机遇，快速恢复中文教学规模至疫情前水平，成功组织“汉语桥”赴华夏令营，积极开展第二课堂文化和赛事活动，创新中文人才培养路径，提质增效，成果显著。本文以 2023 年为例全面介绍了新西伯利亚国立大学孔子学院的中文教学现状，并提出了未来发展的具体建议。

关键词

新西伯利亚国立大学孔子学院 中文教学现状 未来发展

“Confucius Institute” at Novosibirsk State University: Teaching Chinese Today

Iuliia A. Azarenko¹, Bi Xinhui²

^{1, 2} Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

² Xinjiang University

Urumchi, China

¹ ci@nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1162-2393>

² bixinhui27@163.com, <https://orcid.org/0000-0001-6290-779X>

Abstract

In 2023, the number of native Chinese language teachers at Novosibirsk State University and its partner universities in the Confucius Institute project returned to pre-pandemic levels, and the scale of educational activities and related projects such as a summer language camp in China were restored. The article discusses issues of staffing and measures in the field of improving the professional level of teachers, features of teaching Chinese language (ways of involving Chinese teachers in vocational, secondary and additional education programs, models of interaction between Chinese and Russian teachers such as joint classes, independent classes with separate presentation of different types of educational material within one course or teaching certain aspects of the Chinese language). The activities of the Confucius Institute in the field of holding competitions in the Chinese language and the results of students' participation in competitions of various levels are also shown. Stimulating the competitive activity of students, according to the authors, is

an important additional condition for the development of their language skills and achievements in competitions which indicate a high level of language training provided by the Confucius Institute centre.

Keywords

Confucius Institute, Novosibirsk State University, teaching Chinese

For citation

Azarenko I. A., Bi Xinhui. "Confucius Institute" at Novosibirsk State University: Teaching Chinese Today. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 4: Oriental Studies, pp. 163–167. (in Chin.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-163-167

«Институт Конфуция» Новосибирского государственного университета: преподавание китайского языка сегодня

Юлия Анатольевна Азаренко¹, Би Синьхуэй²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Синьцзянский университет
Урумчи, Китай

¹ ci@nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1162-2393>

² bixinhui27@163.com, <https://orcid.org/0000-0001-6290-779X>

Аннотация

В 2023 г. число преподавателей – носителей китайского языка в Новосибирском государственном университете и его вузах-партнерах по проекту «Институт Конфуция» вернулось к допандемийному уровню, восстановлены масштаб учебной деятельности и такие связанные с ней проекты, как летний языковой лагерь в Китае. В статье рассмотрены вопросы кадрового обеспечения и мер в области совершенствования профессионального уровня преподавателей, особенности преподавания китайского языка (способы задействования китайских преподавателей в программах профессионального, среднего и дополнительного образования, модели взаимодействия китайских и российских преподавателей – совместные занятия, независимые занятия с раздельной подачей разных видов учебного материала в рамках одного курса, преподавание отдельных аспектов китайского языка). Также показана деятельность «Института Конфуция» в области проведения конкурсов по китайскому языку и результаты участия обучающихся в конкурсах разного уровня. Стимулирование конкурсной активности обучающихся, по мнению авторов, является важным дополнительным условием развития их языковых навыков, а достижения в конкурсах свидетельствуют о высоком уровне языковой подготовки, обеспечиваемой центром «Институт Конфуция».

Ключевые слова

Институт Конфуция, Новосибирский государственный университет, преподавание китайского языка

Для цитирования

Азаренко Ю. А., Би Синьхуэй. «Институт Конфуция» Новосибирского государственного университета: преподавание китайского языка сегодня // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 4: Востоковедение. С. 163–167. (на кит. яз.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-4-163-167

新西伯利亚国立大学孔子学院（原孔子课堂）自 2009 年 7 月 5 日揭牌成立以来，在近 15 年的发展过程中，在中文教学方面，既经历了蓬勃发展的高潮阶段，也度过了新冠疫情、乌克兰危机带来的低谷时期。2023 年，在中俄关系继续保持健康稳定发展的良好背景下，新西伯利亚国立大学孔子学院在新西伯利亚国立大学和中国新疆大学校领导的鼎力支持下，抓住机遇，快速恢复中文教学规模至疫情前水平，成功组织“汉语桥”赴华夏令营，积极开展第二课堂文化和赛事活动，创新中文人才培养路径，提质增效，成果显著。本文将以 2023 年为例阐述新西伯利亚国立大学孔子学院（下称“孔院”）的中文教学现状与未来发展。

中文教学现状

(1) 师资方面

2023 年度孔院增加了外派中文教师的数量, 扩大了中文教师志愿者的需求, 到秋季学期, 随着中方教师的赴任到岗, 下设教学点因疫情影响而中断近三年的线下中文教学工作得以全面恢复。现阶段中方在岗人员 12 人: 院长 1 人、公派教师 5 人、教师志愿者 6 人。与 2022 年相比, 中方在岗师资人数增加了一倍。

为提高在岗教师的教育教学水平, 孔院组织安排了各类师资培训, 以帮助在岗教师更好地应对孔院中文教育工作的需求和挑战。为新任中方教师和志愿者组织了岗前培训(8 月末 9 月初), 全面介绍孔院的规章制度及中文教学及文化活动开展情况。派遣一名本土中文教师赴华参加了新疆大学组织的本土汉语教师研修班(7 月)。在岗 5 名中方公派教师参加了语合中心组织的“俄罗斯、白俄罗斯外派中文教师岗前培训”(11 月)。中俄方院长参加了莫斯科国际关系学院组织的研讨会(3 月), 交流中文教学经验, 观摩中文教学及汉俄翻译等公开课。

为促进师资发展, 孔院定期组织召开教学会议和工作例会, 具体指导志愿者教师的教学工作。每学期定期组织一次教学检查, 从教学日历、教学案例、教学课件、学生评教等多方面检查在岗教师的教学情况, 通过组织公开课、互相听课、召开教学会议、集体备课等不同方式提升教师教学水平。此外, 中俄方院长不定期走访教学点, 听取教学点负责人的意见, 实地考察志愿者教师的工作和学生的学习情况。

鼓励教师参加教学类竞赛, 提升教学水平: 一名志愿者教师在国际中文教育志愿者俱乐部组织的 2023 “秀出我的中文课堂成果” 作品征集活动中荣获三等奖。

孔院每年举办的国际学术及实践研讨会中文教学研究分会场为中俄教师提供了很好的交流平台, 孔院及教学点多名教师参会并宣读个人研究成果。

(2) 教学方面

孔院设立在新西伯利亚国立大学, 2023 年度合作的大学教学点有 4 所, 分别是: 新西伯利亚国立经济与管理大学、西伯利亚管理学院、阿尔泰国立大学(位于阿尔泰边疆区首府巴尔瑙尔市)和戈尔诺-阿尔泰斯克国立大学(位于阿尔泰共和国首府戈尔诺-阿尔泰斯克城市)。中学教学点有 3 所: 112 中学、第六高级中学和 130 中学。

1. 教学特点

2013 年孔院共开设 130 个汉语课程教学班。中文教学开展方式有两种: ①融入式, 即中方教师按照大学相关系室的安排承担一定课时量的中文必修课教学; ②独立式, 即孔子学院或各教学点汉语中心招收的中文兴趣班、培训班授课。

课堂教学采用中俄双师制和中方单师制, 根据学校的需求, 在中小学和大学的双师制又有所不同: ①在中小学教学中, 中俄教师同上一堂课, 俄方教师讲解知识点并管理课堂秩序, 中方教师负责语言操练。②在大学相关专业教学中, 与俄方专业教师合作授课, 中方教师教授口语、写作等课型, 俄方教师教授其他课型。③在中文兴趣班教学中, 零起点初级班俄方教师负责语音语法知识讲解, 中方教师负责语音正音、语言操练等。

孔院根据学员需求开设中文课程, 除常规课程外, 还开设了一系列特色课程: 译文编辑课、HSK、HSKK 辅导、汉语桥比赛辅导、中国文学翻译实践课等。教学模式从线上线下结合授课到线下为主, 同时保留线上特色课程。通过钉钉、Zoom、Google Meet、腾讯会议等软件开展线上教学。

在中国新疆大学的支持下, 孔院还组织中方教师录制了《新实用汉语课本 1-4 册》的视频课, 将其上传至孔院钉钉学习平台, 供孔院及教学点所有学员免费观看学习。

2.名师讲座：名师讲座可以激发求知欲，更新知识，提高学术兴趣，在中文教学中的重要作用不言而喻。

孔院首任院长谢尔盖·科米萨洛夫（Сергей Комиссаров）教授自 2018 年卸任后依然每年为孔院及教学点学员开展以中国历史、文化和中国古代诗词俄译等为内容的学术讲座。2023 年 6 月，科米萨洛夫教授以作家身份荣获“第十六届中华图书特殊贡献奖”，这是中国出版业面向海外的最高奖项，他是全球 20 位获奖者中获此殊荣的俄罗斯作家。教授渊博的知识、严谨的治学态度影响着一批批孔院师生。

3. 赴华研学：2023 年 7 月，孔院率先成功组织了疫情后的“汉语桥”赴华夏令营，共有 20 名大中学生参加，由俄方院长带队，活动为期两周，由新疆大学国际交流与合作处承办。夏令营期间学生们在新疆大学参加了汉语及中国文化体验等课程，提升了中文水平和跨文化交际能力，了解了中国文化的多样性，此外，还访问了乌鲁木齐和北京的名胜古迹，亲眼目睹了中国新疆乌鲁木齐和北京的城市面貌，感受了真实的中国。

（3）丰富第二课堂

1. 文化体验活动

2023 年孔院在所在大学及下设的各教学点共举办了 40 余场内容丰富的文化体验活动，包括“迎新春”欢庆活动、中国文化周系列活动、中文周文化体验活动、孔子学院日欢庆活动、2022—2023 年度学年末表彰大会暨培训班结业仪式、大学生中文俱乐部活动等，协助西伯利亚管理学院教学点举办“新西伯利亚州‘跨文化交际：走进中国’中学生春令营”活动，在中学教学点开展中文夏令营活动等。这些活动充分利用学生的课余时间，为他们创造了形式多样的中文和中国文化体验课堂，吸引他们参与其中，帮助他们提高中文和跨文化交际能力，使教育和文化相互渗透。

2. 中文赛事活动

赛事活动作为第二课堂文化活动的重要补充部分，在中文人才的培养及选拔中发挥着重要作用，孔院积极组织开展并培训学员参加各类中文及相关赛事活动，以赛促学，创新中文人才培养路径。

本年度举办了广受好评的赛事活动：第九届西伯利亚地区大学生中文影视配音大赛（11 月 28 日）、第十届大学生书法比赛（12 月 2 日）、第十届新西伯利亚州中学生硬笔书法比赛（12 月 1 日）、第六届汉语口语大赛（11 月 24 日）、第六届中俄诗歌朗诵大赛（2 月 28 日）、第三届“孔院杯”大学生作文大赛（4 月 27 日）等。组织的线上比赛有：“世界中文日”前夕的首届大学生汉俄翻译大赛（4 月 27 日）、“儿童节”前夕的第三届中小学生中文歌曲大赛（6 月 1 日）。这些赛事活动为孔院学生提供了学习中文、展现自我的良好平台，学生参与热情高，众多优秀学生在比赛中脱颖而出。

加大赛事活动的宣传力度，吸引学生参赛，对于未安排孔院中方教师授课的班级，如有学生愿意参加比赛，孔院酌情安排中国老师进行相关辅导。为调动学生积极性，孔院给所有参赛学生颁发感谢信和中国文化纪念品。

培训选手参加俄罗斯其他孔院和高校举办的线上线下赛事活动，孔院选手表现突出。如：在新西伯利亚国立技术大学孔子学院举办的第十五届“友谊之声孔子学院杯”全俄大学生中文歌曲大赛中 1 名参赛选手荣获一等奖；第十七届“西伯利亚万花筒”演讲比赛中 3 名参赛选手分别获得 2 个一等奖和 1 个二等奖；在西伯利亚国立交通大学举办的全俄网络“语言功夫”奥林匹克比赛中孔院院参赛团队荣获第三名；在新疆大学举办的“新疆高校经典诵读”比赛中 2 名选手分别获得三等奖和优秀奖；在中国驻叶卡捷琳堡总领事馆举办的“我的中国”摄影比赛中 1 名选手获得三等奖。

重视“汉语桥”比赛，培训多名选手参赛，助力领区及全俄比赛，孔院中方院长受邀担任领区赛评委，参赛选手成绩优异：

在“汉语桥”全俄叶卡捷琳堡领区赛中，孔院选拔的 4 名选手在大学生中文比赛中分别荣获第一、五名及最佳人气奖，其中冠军选手同时荣获最佳口才奖。中学生中文比赛中 2 名选手组队参赛，荣获团体一等奖，选手分别荣获个人亚军、季军，其中亚军选手同时荣获最佳口才奖。小学生中文秀中，孔院及下设教学点 112 中学共选送 6 名选手参赛，其中 2 名选手分别荣获一等奖（及最佳才艺奖）、二等奖（及最佳口才奖）。在“汉语桥”全俄大学生中文比赛总决赛中，孔院 2 名选手代表叶卡捷琳堡领区参赛，有 1 人荣获亚军。

组织多名学员参加了中国国际中文教育基金会和教育部中外语言交流合作中心主办的文艺和赛事活动，频获大奖：

在中国国际中文教育基金会主办的 2023 全球孔子学院云春晚活动中，孔院推送的四部音乐视频作品成功入选。在第三届“最·孔院”全球短视频征集活动中，1 名学员制作的视频作品荣获二等奖，其本人也荣获“孔院达人”称号。在“好句创作征集活动”中提交的五部视频作品，有 3 部被“孔子学院”视频号选用。在朗诵黄河诗词的活动中有 5 部作品被 CGTN 选用并在相关平台播出。在中文联盟组织的“语言桥上贺新春”视频征集活动中本孔院提交的四部视频作品获得最具人气奖。在教育部中外语言交流合作中心举办的 2023 年度“唱歌学中文”比赛中有 4 部视频作品获奖，孔院荣获“优秀组织奖”。

Информация об авторах

Юлия Анатольевна Азаренко, старший преподаватель, директор НОКЦ «Институт Конфуция» НГУ

RSCI Author ID 143812

SPIN 1176-5334

Би Синьхуэй, доцент, руководитель проекта «Институт Конфуция НГУ» с китайской стороны

Information about the Authors

Iuliia A. Azarenko, Senior Teacher, Director of the Confucius Institute at Novosibirsk State University from the Russian side

RSCI Author ID 143812

SPIN 1176-5334

Bi Xinhui, Associate Professor, Director of the Confucius Institute at Novosibirsk State University from the Chinese side

Статья поступила в редакцию 04.02.2024;

одобрена после рецензирования 07.02.2024; принята к публикации 09.02.2024

The article was submitted on 04.02.2024;

approved after review on 07.02.2024; accepted for publication on 09.02.2024

Информация для авторов

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1,0 печатного листа (40 тыс. знаков с пробелами, шрифт Times New Roman, кегль 12, аннотации – кегль 10, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить:

- 1) сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы;
- 2) контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора, его ID в базах данных.

Обязательным требованием является наличие *ключевых слов* (не более 15) и *резюме статьи* на русском (не менее 1 000 знаков без пробелов) и английском (240-270 слов – не более 1 800 знаков с пробелами) языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 902.694

Корейский полуостров и Японские острова:

сложение особенностей и заимствование культурных традиций

Иван Иванович Иванов

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова (на русском языке)
Благодарности (на русском языке)

Korean Peninsula and Japanese Islands:

Forming Features and Borrowing Cultural Traditions

Ivan I. Ivanov

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
ivan@academ.org, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract
Keywords
Acknowledgements

Основной текст статьи

Список литературы

References

Информация об авторах

Information about the Authors

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора или первые слова названия публикации без автора, год, номер страницы, например: [Алексеев, 1976, с. 2] или [Энциклопедия игр, 1989, т. 1, с. 184].

В конце статьи помещается список литературы (всего не менее 15–20 публикаций, включая размещаемые подстранично интернет-источники) в алфавитном порядке (сначала блок публикаций на русском, затем на европейских и в конце на восточных языках). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа, для восточных авторов фамилия и личное имя полностью), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Образцы составления библиографического описания

Ким Бусик. Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

Kakar H. The Fall of the Afghan monarchy in 1973. *Int. J. of Middle Eastern Studies*, 1978, vol. 9, no. 2, pp. 195–214.

Ан Чхольхва. Маджак пэуги [마작 배우기. 서울: 넥서스 부그스]. Обучение игре маджак. Сеул: Нэксос бук, 2001. 176 с. (на кор. яз.)

Гакусю: дзиммэй дзитэн [学習人名事典. 東京: 富士教育]. Учебный словарь имен. Токио: Фудзи кёйку, 1983. 400 с. (на яп. яз.)

Ма Гоцзюнь, Ма Шуюнь. Чжунхуа чуаньтун юси дацюань [麻国钧, 麻淑云. 中华传统游戏大全. 北京: 农村读物出版社]. Все о китайских традиционных играх. Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. 610 с. (на кит. яз.)

Сато Сэкико. Гэндзи-моноготари-но буцукан – хо:бэн-но оmoi-ни сокуситэ [佐藤勢紀子. 『源氏物語』の仏観 一方便の思いに即して一 // 日本文学. 京都: 日本文学教会]. Буддийское мировоззрение в романе «Гэндзи-моноготари»: о принципе хо:бэн // Японская литература. Киото: Нихон бунгаку кё:кай, 2002. № 51–12. С. 1–11. (на яп. яз.)

Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань. Шиси саньсиндуй ичжи шандай ихао кэн дэ синчжи цзи югуань вэньти [陈显丹, 陈德安. 试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题 // 四川文物]. Предварительное изучение характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов // Сычуань вэньу. 1987. № 4. С. 27–29. (на кит. яз.)

Чэнь Хунхай, Ван Гошунь, Мэй Дуаньчжи, Су Нань. Цинхай тундэ сянь цзунжи ичжи фацзюэ цзяньбао [陈洪海, 王国顺, 梅端智, 素南. 青海同德县宗日遗址发掘简报 // 考古]. Краткий отчет о раскопках памятника Цзунжи в уезде Тундэ, пров. Цинхай // Каогу. 1998. № 5. С. 1–14. (на кит. яз.)

Образцы составления списка литературы в транслитерации (References)

Voytishek E. E., Bordjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V. Traditsionnyi prazdnik kalligrafii v Pavil'one Orkhidei i sud'ba sovremennykh intellektualov [Traditional Calligraphy Festival at the Orchid Pavilion and the Destinies of Modern Chinese Intellectuals]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 12, no. 10: Oriental Studies, pp. 163–173. (in Russ.)

Voytishek E. E. Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)]. Novosibirsk, 2011, 312 p. (in Russ.)

Sun Yuxiang. Xiandai wenren de yin yu tong [孙玉祥. 现代文人的隐与痛. 广州市, 中国友谊出版公司]. The Secret and Pain of the Modern Man of Culture. Zhongguo youyi chuban gongsi, 2010, 158 p. (in Chin.)

Ссылки на архивные документы, а также источники и труды, опубликованные в Интернете и не поддающиеся библиографическому описанию, как и авторские примечания, оформляются в виде сносок внизу страницы¹. Иллюстрации (рисунки, фотографии) следует предоставлять в форматах .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Подписи к иллюстрациям и таблицам обязательно предоставляются и на русском, и на английском языках.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В «Вестнике НГУ» публикуются статьи, соответствующие основным рубрикам журнала, а также рецензии, дискуссии, хроника.

Рабочие языки выпуска «Востоковедение» – русский, английский, китайский, японский и корейский. Статьи на иностранных языках публикуются с кратким изложением содержания на русском языке. Для статей, цитат и терминов на восточных языках следует придерживаться следующих рекомендаций: для китайского языка – палладиевская транскрипция, шрифт SimSun; для японского языка – поливановская транскрипция, шрифт MS Mincho; для корейского языка – транскрипция по системе Л. Р. Концевича, шрифт Gulim. В списке литературы в конце каждой статьи следует указывать язык, на котором выполнена публикация: (на рус. яз. / кит. яз. / яп. яз. / кор. яз.) и (in Russ. / Chin. / Jap. / Kor.).

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из ранее опубликованных научных работ. Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное двойное слепое рецензирование**. По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи. Плата за публикацию не взимается, гонорары не выплачиваются.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (каб. 2211, новый корпус НГУ), переслать по электронной почте или обычной почтой.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Востоковедение» серии «История, филология»:

Новосибирский государственный университет
Гуманитарный институт, отделение востоковедения
ул. Пирогова, 1, каб. 2211, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363 42 37
E-mail: orient@lab.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»

¹ Гасюк А. Обама убил двух зайцев. США сохранят присутствие в Афганистане как минимум до 2024 года // Рос. газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/02/afghanistan-site.html> (дата обращения 03.05.2016).